

Борис Тучин

ТЕТРАДИ

Книга стихов

Избранная лирика, запечатленная в многолетних дневниковых «Тетрадах» известного литератора.

Борис Тучин – писатель, по первой специальности врач, популяризатор медицинских знаний, постоянный сотрудник СМИ, член Союза журналистов России. Автор 20 книг (проза, острая социальная публицистика, стихи). Живет и работает в Новосибирске. Суть его творчества – в развитии жизнеутверждающих начал, стремлении к пробуждению лучших человеческих качеств, к поиску ответов на сложные жизненные запросы в любви, добросердечии, непоколебимой вере в самые светлые идеалы...

Новосибирск 2018 -2020

Из ранних тетрадей. Пружинны

Пружинны

*Люблю танцующую поступь
красивой женщины. Пряма,
как по упругому помосту,
легко идет, сводя с ума.*

*Мне п`о сердцу к стене прижатые
спиной – не деться никуда.
Да здравствует тугое сжатие
для распрямления в удар!*

*А эти кольца, что прессуются
одно в одно в груди ствола:
десятки лет организуются,
да вдруг как примутся пылать!
Вот эти кольца – не пружина ли?
Их стоит спичкой развязать –
пойдут ликующими джинами
над лесом гибельно плясать!*

*Сажусь за стол. Священнодействие,
меня над буднями возвысь!
Явись, явись пружина действия –
его связующая мысль!*

*** * ***

*Словно путник – звезды из колодца, –
поцелуев свежесть выпил я.
Сколько вёрст еще идти придётся
до тебя, любимая моя?..*

Памяти моего отца

*Отец мой был строитель –
строенья возводил.
В любую холодину
без варезек ходил.*

*Отец мой был строитель –
взбирался по лесам.
Всегда любое дело
умел исполнить сам.*

*Над ватманом прилежно
склонялся по ночам.
А с первым птичьим криком
уже рассвет встречал.*

*Он умер, не достроив,
горячим летним днём.
Взахлёб кричали птицы
и плакали о нём.*

*Как каменные флаги,
над ним, над неживым,
тянулись в небо зданья,
воздвигнутые им.*

Вечером

Нежны и фарфорово изящны
краски уходящего заката.
Горизонт расписан, точно чаша,
тушью, голубой и розовой.

Слышится задумчивое пенье.
Месяц набирает высоту.
Девушка с букетиком сирени,
легкая, скользнула по мосту.

Как узнать мне, кто она такая,
где нашла душистую сирень,
почему так быстро уплывает
в теплый сумрак яркий летний день?..

* * *

Смутной полна угрозы,
тёмных тревог полна
смешанная с морозом
сумерек голубизна.

Времени бег убыстрен,
сердце гнетёт: - Скорей!
Чётко раздался выстрел
хлопающих дверей.

Отзвук весенний слышен:
реки под льдами тают.
Ветром шуршат по крышам
ветры-соглядатаи.

* * *

Щенка позабыл хозяин
у гастронома.

Щенок, замерзая,
визжал и вздрагивал.
Люди к тёплому дому
не подпускали ни на шаг его.
А сами заходили погреться,
купить консервы и прочее.
Снисходительно кивали младенцу
или не замечали, озабоченные.
Ведь нет же такого дела собачьего –
ливерную колбасу у кассы оплачивать.

Метели

Издалека откуда-то летели
предновогодние метели.
Они перемахнули все заборы,
они запорошили все проёмы,
все тропки и дорожки, по которым
путь к прорубям в замёрзших водоёмах.
Сгибали неподатливые ели
предновогодние метели.
Они стихали перед домом старым,
и вдруг теплели, словно пожалели
в подъезде целовавшуюся пару.

* * *

Ночные псы нахальны и сварливы.
Коты орут надменно и гневливо.
Изнеможённо к снегу припадая,
автобусы до парка добредают.
Нас в эту ночь до дома провожали
буран и звёзды – шуточки февральи.

Предчувствие весны

День ото дня длиннее тень
от тополей на наш порожек,
щенков резвее канитель
и день значительней и строже.

Настанет день, когда вода
вдруг из ведра пахнёт арбузом.
В том дне есть место всем трудам
и место самым прочным узам.

Первая гроза

Развеяв знойную погоду,
упала первая гроза
на шевелюру юных всходов,
реке на синие глаза.

Она несла в примолкший город
литые пригоршни дождя.
Рванула свой холщовый ворот,
сверкнула молнией, придя.

И вот под самым востоком
петух на корточках присел,
услышав рокоты с востока;
усталый человек запел;

смеясь, девчонка пробежала
по лужам босиком с ведром.
А в небесах всё хохотало:
плясал, в бока упёршись, гром.

* * *

Я люблю с хорошим ветерком
перемолвиться весною ранней
нам двоим понятным языком
дорогих моих воспоминаний.

С ним взгрустнуть, по слякоти шагая,
о сердечных ранах и недугах,
и о том, как первыми стихами
мы делились некогда друг с другом.

Как суглинком талых тропок сквера
мы с красивой девушкой гуляли,
о любви непонятой шептали.
Но обоим не было нам веры:

мол, ступайте, оба вы поэты,
ни на грош в вас постоянства нету.

Прощание

Я ждал, что ты придёшь проститься,
придёшь ко мне в последний раз...
Вокзал стремителен, как птица.
Звезда зелёная зажглась.

А ветер бросился сразмаху
в свинцом налившуюся даль,
взметнул снег`овую рубаху,
и, изорвав плакат Госстраха,
умчал неведомо куда.

Быть может, он, щальной и грубый,
ворвался в дом, зажал в тиски
и не пустил тебя под губы
дать холод розовой щеки.

Состав готовился к разгону.
 Пар оседал кругом, слепя.
 Держась за поручни вагона,
 на рябь галдящего перрона
 я всё смотрел, всё ждал тебя.

И понял я, что не случайным
 был холодок последних встреч,
 и что скрывала горечь тайны
 твоя взволнованная речь.

Спеша за поездом угнаться,
 толчками сердце гнало кровь.
 Вот так забыла попрощаться
 сама любовь.

* * *

Ну, и погодка! Ну, и порядки!
 Сколько воды выпадает в осадки!

Несовершенны, неполны, нечётки,
 просто бездарны синоптиков сводки,
 розданы будто немалые взятки, -
 приняты меры, чтоб скрыть неполадки.

Старик

Он с детства привык возноситься
 по лестницам только бегом.
 Небес грандиозные ситцы
 впуская беспошлинно в дом,

всю жизнь презирал занавески
 и искренним был. Потому
 слова, что разумны и вески,
 служили исправно ему.

Но только с какой-то минуты
 он страшно рассеянным стал,
 и ходит теперь почему-то,
 всегда избегая зеркал.

И стали ему бесполезны
 холёные весла байдар,
 не в силу ужасной болезни,
 а в силу того, что он стар.

Мальчишки обнимут, целуя.
 Старик молчаливо упрям,
 отчаянно внуков ревнуя
 ко взрослым своим дочерям.

Гимн

Гимн людскому дружелюбью!
 Глупым ссорам, злобным сварам,
 самым пошлым, самым старым,
 вырву когти, вырву зубья!
 Гимн людскому дружелюбью!

Ты ведь знаешь, ты ведь помнишь:
 был я нежен, был не груб я.
 Только совесть, только помощь,
 только в этом самолюбью
 и отрада, и награда.

С другом вместе, с другом рядом.
 Гимн людскому дружелюбью!

Лось

Художнику Владимиру Граховскому

Бил пар из чувственных ноздрей,
 когда из леса на колосья,
 на васильки и на жибрей
 легко легли копыта лося.

Под шкурой мускулы ходили,
 шерстинки бились на ветру,
 рога напряжились, как крылья.
 И трубный крик раздался вдруг.

Кричал самец.
 И всё тревожней,
 всё ближе чуялось блаженство.
 Он звал второе совершенство.
 Таким его застал художник.

Дети

Дети вечно тянутся к сказке.
 Дети так нуждаются в ласке.

В детских душах раскрыты двери
 непосредственной, чистой вере.

Лишь слепой не может увидеть,
 как легко ребёнка обидеть.

Дети чутки, легко ранимы.
 Пробивается осязатимо,

как ростки весной, их призванье –
каждой вещи найти название.

Машины

1.

...И всё уже исполнено:
машины
под Пирамиды подставляли спины,
романы любопытные писали,
в концертах пели,
лекции читали,
упорствовали в шахматных турнирах,
и сами их транслировали миру.
И чуть ли друг от дружки не плодились...

И нефть, вода и уголь были рядом,
чтоб их питать,
и разлагался атом,
и все светила им служить стремились.

И всё равно они остановились –
на площадях, в песках, в библиотеках,
безвольно умерев без человека.

2.И поздний комментарий

Машины в сумерках ползут.
Машины топчутся и скачут.
Машины прошлое везут.
Машины будущее прячут.

...

Машины в сумерках ползут.
Машины в клетку город делят.
Машины прошлое сгрызут.
Машины будущее смелют.

Парус

Другу моего детства Олегу Соломко

Парус взметнулся и снова опал,
вырвался в небо и сник на бегу.
Всё это время мальчик стоял
и смахивал слёзы на берегу.

Ветер песку ему бросил в глаза?
Солнце морило? Обида казнила?
Или манили его паруса
с нечеловеческой силой?

После он руки сбивал о турник,
 Мерял чужие тельняшки.
 Полз по морям приключенческих книг
 краб с капитанской фуражки.

Голос ломался. В ложбинах у плеч
 куртки при резких движеньях трещали.
 Слушай команду: - На вёсла налечь!
 Слушай команду: - Отчалить!

В лощинах значится каждый вершок,
 все закоулки, забытые Богом.
 Карты и компас ведут на Восток.
 Лайнеры шли по торёным дорогам.

Что из того, что, как ноты, разучен
 каждый рискованный угол,
 что шхуны и лайнер идут за Веспуччи,
 за Амундсеном, за Куком?

Дело ведь в том, что мы верим штормам,
 рвёмся всю жизнь к неизведанным зорям.
 Нам не дано, не случается нам,
 став моряками, пресытиться морем.

Сердце буянило, точно кабак.
 Красное мясо исчезло с тарелок.
 Выкурен весь капитанский табак.
 Сердце старело.

Долгий досуг заработал старик:
 мили Атлантики, годы Чукотки.
 В первое штатское утро подстриг
 бобр, седой и короткий.

Выбрился гладко. Прошёл по гостям.
 Шаг был широк и подчёркнуто ровен.
 Был капитан и суров, и упрям,
 перемогал нездоровье.

После оркестры играли над ним.
 Плакали трубы, сразу состарясь...
 Память о нём храним, как гордое слово –
 Парус.

Ваза

Создание японских чудотворцев –
 чудесная фарфоровая ваза
 с драконами, глядящими свирепо,
 с диковинными южными цветами,

с красавицею, нюхающей лотос,
и с цаплей на почти прозрачных стенках –
стояла где-то в пыльном захолустье.

В ней дотлевали бледные соцветья –
безвкусные бумажные поделки.
А рядом выцветали молчаливо
столетние фамильные портреты,
и пахло нафталином и корицей,
и редкие стареющие гости
заученно и пошло изумлялись
в угоду умирающей хозяйке
японским хрупким чудом из фарфора.

Потом её решили сбыть за деньги
и бережно укрыли, как младенца,
и мягко покатали по асфальту
в рокочущем большом автомобиле –
обречь услугам комиссионеров.

На подступах к большому магазину
она неудержимо заскользила
из потных рук последнего владельца,
и под ноги насмешливым прохожим
рассыпалась на тысячи осколков,
и будто перестала быть собою.

Но маленькое стёклышко с драконом
попало в любознательные руки
курчавого трёхлетнего мальчишки,
вцепившегося в маму от восторга.
И начались извечные вопросы:
кто? почему? зачем такое сделал?

Тогда впервые деятельный мальчик
увидел романтические страны,
впервые заглянул в необозримость
великих человеческих фантазий.
И всё это – сквозь маленький осколок
разбившейся, но не погибшей вазы.

Забывтый

Направляемый честолюбьем,
сплав энергии с беспокойством,
с непонятым творческим свойством,
недоступным обычным людям.

Не дающая отклоняться,
тяготеть к халтуре попутной –
гордость; ставшая абсолютной
неспособность приспособляться.

Вид затасканный и невзрачный –
 нищета в пустоте чердачной,
 голод, кашель, нету поленьев.
 Брошен всеми, как шут опасный.
 Смерть, кажущаяся напрасной.
 Позабывтое вдохновенье.

Много лет...
 Сухарь из архива
 побежит в журналы, счастливый,
 заорёт:
 -Найден новый гений!

Цветы на камнях в устье Каменных Гор

Не солнца ком, не горсть огней –
 цветы в расщелинах камней.
 Намёка нет на пышность грядок:
 в камнях совсем иной порядок.

Жестка природа и скупа –
 одни каменя и тропа.

Но, жизнью каменность поправ,
 ползёт, ползёт лишайник трав.
 Стоят цветки в разломе лет –
 полузаметный жёлтый цвет,
 прозрачность, зелень, фиолет.

У них стволочки извиты
 и лепесточечки светлы:
 их колокольчики чисты,
 в них точки-точечки видны.

На камне выросли цветы!..

* * *

Я вождедел к карандашу.
 Вертел, не выпускал из рук его,
 звенящей бритвочкой обстругивал.
 Мечтал о том, что напишу
 слова, гудящие, как флаги,
 слова, звенящие, как шпаги.

Я ворошил воспоминания,
 ища нетронутые, ранние,
 как иероглифы, как саги,
 горел...

Но не было бумаги –

прохладной, жёсткой, грубоватой,
 обёрточной – шероховатой,
 тетрадной – светлой и лощёной,
 и в коленкоры помещённой.

Она назавтра появилась.
 Но больше слов не находилось.

Мой мир

(Прочтение Николая Заболоцкого)

Мой мир наполнен сонмищем растений,
 волшебных фонарей, бамбуков, теней.
 Прибой играет – грозный водолей –
 телами океанских кораблей.
 Невесть откуда взявшиеся ветры
 не устают – их труд не так уж тяжек, -
 срывать с проборов, лысин и кудряшек
 причудливо изогнутые фетры.
 Вот жук-старик в пролом древесный вылез.
 Глаза жука совсем остановились.
 Глядите: сто стихий объединились,
 и в этом мире девушкой явились.

Мой мир исполнен горечи весенней,
 суровых бед и мелких невезений.
 На солнце выползает из кустов
 мальчишка, изгоняющий глистов.
 Как червяки в заброшенной посуде,
 бочком-бочком пробившись через гравий,
 копаются в сплетеньях биографий
 завистливые, мелочные люди.
 Движенье жизни – по крутой спирали.
 Здесь воевали, в гениев играли,
 равно цветы и сплетни собирали
 и никогда пути не повторяли.

Мой мир – Земля. Полей многополосье
 с биением созревающих колосьев.
 Вмещают кубометры пустоты
 между быками тонкие листы.
 Вода струится из бездонных топей
 в разумные, сверкающие реки.
 Покинули навек библиотеки
 отряды человеческих утопий.
 Вот на ладони, на мозолях зёрна.
 Прошли дожди. Планета стала чёрной.
 Рассказывают утренние горны,
 как на Земле красиво и просторно.

Мой мир всегда над буднями приподнят.

День завтрашний в нём строится сегодня.
 От первых звёзд до наступленья дня –
 в лесах ожесточенная грызня.
 Порой мой мир опустошён, как замок,
 войной и мором, засухой и стужей.
 Но вечен мир. Он вновь и вновь разбужен
 в телах самцов, в обильных чревах самок.
 Мой мир устроен прочно и толково
 от облаков до почвенной основы.
 Он вдребезги разбит. Он возрождён, и снова
 все мускулы к движению готовы.

Мой мир заманчив. И мой мир не сладок,
 без ёлочных мишур, без шоколадок.
 Приходит вдохновение ко мне
 израненным дорогой меж камней.
 Ему с устатку некогда резвиться:
 оно смешки несло по глине рыжей,
 тянуло вёсла, крыло тёсом крыши,
 и лес валило в драных рукавицах.
 А впереди – кто знает, сколько горя,
 страстей, недугов, воздуха и моря,
 и вечно пребывающих в фаворе
 опасных, романтических историй.

Мой мир – влюблённость. Вечно ускользя,
 идёт по травам женщина босая.
 Почти непостижимая, она
 идёт к кому-то, вечно влюблена.
 Где всё переносимо и возимо,
 где всё в движенье, всё в переплетенье –
 там бьются рыбы, там горят растенья, -
 там женщины одни неотразимы...
 Измяты драгоценности и платья,
 смолкают песнопенья и проклятья.
 Родится жизнь, как в громовом раскате,
 в единственном и яростном объятье.

Из давних тетрадей. Литературный кружок

Отзвуки войны

1. Сынок...

Ему воздвигли обелиски,
 его взвели на пьедесталы.
 А он стоял над полем – близкий,

простой, уверенный, усталый.

Парок над пахотой клубился,
горело солнце, ржали кони...
Солдат, как сын, за Землю бился
и победил. В его ладони

легла доверчиво планета,
просила, старая:
- Сынок!
Теперь укрась меня дворцами,
засей хлебами и садами,
покрой излуками дорог...

Вставал над пахотой парок,
гремел состав на перегоне,
труба фабричная дымила.

В том мае будущее мира
легло в солдатские ладони.

2. Литературный кружок

*В каморке над библиотекою
сидели школьники, швея.
Был человек, в чьи пальцы крепкие
впиталось масло от ружья.*

*А у того торчит из кителя
полусгоревшая рука.
Сидели чинно посетители
литературного кружка.*

*Давно привыкший жить без ужина,
неповоротлив, светлокрыл,
студент Исаев про жемчужину
сладкоголосого говорил.*

*Мол, пишут - лесенками, сценами,
и у кого-нибудь из них
жемчужиной, по-драгоценному
сверкнёт, сверкнёт однажды стих.*

*Пусть не Твардовские, не Пушкины,
пускай у каждого хоть раз!..
Исаев тоже спал под пушками,
едва пройдя десятый класс.*

*Вот он бочком идёт меж стульями –
корабль, всплывающий в пролив.
А он бежал вперёд под пулями
и кровь за Родину пролил.*

*Ах, как душа рвалась и грезила!
Но возвратился в свой колхоз, -
куда уж там! Не до поэзии.
Он сдал экзамены в сельхоз.*

*Аудитории – пора его,
конспекты – падала рука.
Он время кое-как выкраивал
не для стихов – для литкружка.*

*Снимал шинель. Сопел простуженно.
Свободный стульчик занимал.
Искать в стихах свои жемчужины
коллег-студентов призывал.*

*А голос креп. Легко и весело,
торжественна и широка,
ступала матушка Поэзия
в каморку этого кружка.*

2. Эшелоны

Слышен рёв хриплоголосый:
- Тяжело нам! Тяжело нам!
Налегают эшелоны на тяжёлые колёса.

Через Волгу, через горы,
города и деревушки:
- На Восток! - гремят теплушки.
- На Восток! - гудят платформы.

По Великой Магистрале
сорок первым тяжким годом
на Восток ползли заводы –
сплав святой людей и стали.

По стране, в дыму морозном,
им навстречу – пушки, танки,
полушубки и ушанки
на солдатах краснозвёздных.

Никогда ещё сквозь годы
Магистраль не проносила
столько мужества и силы,
столько боли, столько горя.

В сорок первом, через беды,
с грозным гулом, с тяжким звоном,
проносились эшелоны.
На Восток – ковать победу.

4. Один остаётся

Он слышит: провыли мессеры,
и видит: дома горят.
Не спит композитор Нестеров
которую ночь подряд.

Опять он ползёт в развалинах
и рядом бойцы, друзья.
Мышатами из-под валенок
осколки от бомб скользят.

Всё вдребезги разворочено –
шоссе, тополя, дома
и техника вдоль обочины.
Надёжен лишь автомат.

Но – бомба! И кто-то `углится,
и кровь у бесплотных губ, -
на той разбомблённой улице,
на сером, как пыль, снегу.

Ах, мальчики_наши милые,
которых фашист убил, -
с какою великою силою
он, Нестеров, вас любил!

Ушли ваши дни весенние.
Нам более не дружить.
Из целого пополнения
один остаётся жить.

Один остаётся стариться.
Он памяти не предаст.
Он жить на земле останется,
чтоб песни слагать о вас.

5. 9 мая 1965. Инвалид

Вот стоит инвалид,
опираясь на палку.
Не спешит он. И вид
и печальный, и жалкий.

Он прилично одет.
Обеспечен. Не просит
на сто грамм у людей
на углу, на морозе.

Он стоит, смутнолик,
мостовую костыля,
поправляя ярлык

на аптечной бутылки.

Нет наград. Почему, -
может, в спешке не дали, -
не достались ему
ордена и медали?

...Эх, вернуть бы тот миг
инвалиду сегодня!
На своих, на своих
он оружие поднял.

Был один из путей
ему проще и легче:
стариков и детей
убивать и калечить.

Был он смерть и беда,
сильным был, деловитым.
Он ведь не был тогда
вот таким инвалидом.

Всё начать бы не так,
всё не так повернуть бы!
Только шаг, только шаг –
и ломаются судьбы.

Сколько лет, что ни ночь,
всё убитые снились!
Лучше б голову с плеч,
лучше б сразу казнили!

Полно! В нынешних днях
тоже место он занял,
полной мерой приняв
от людей наказанье.

И вздыхает в толпе,
подойдя к обелиску.
Слышит – митинг запел, -
и склоняется низко.

Обелиск и венки.
Он сбегает от флага.
И трещат позвонки
от неверного шага.

...Вот, машинами сжат,
растерявшись, стоит он.
К перекрёстку спешат,
чтоб помочь инвалиду.

И, не глядя в глаза,
тихо с палочкой стоя,
он бормочет: - Я сам...
я такого не стою...

6. Кому удача, а кому...

Всё достаётся не тому,
кто для удачи предназначен,
кто возле знамени, в дыму,
под пули лезет за удачей.

Его сшибает наповал.
Гримаса смерти тело корчит.
Не говорите, что металл,
творя убийство, не разборчив.

Того металл не изберёт,
кто не с гранатами под танком,
а ждёт в сторонке, чья возьмёт,
и мнёт в обозе маркитантку.

Он будет хвастаться потом,
что гибель и над ним витала
в несправедливом и тупом,
жестоким выборе металла.

И, лакированной стопой
топча ступени обелиска,
взойдёт, вознаграждён судьбой,
его избавившей от риска.

Но вновь труба взовьётся в бой,
и вновь простреленное знамя
уйдёт под пули, за собой
сомнений трусости не зная.

И бой сойдёт. И между тел,
меж гильз пустых и куч навозных,
пройдёт, на сладенькой дуде
наигрывая, тот обозник.

Делам он счёт ведёт,
ценим
начальством, дамами...
Всё стихнет.
И снова мальчик перед ним,
убитый пулями, возникнет...

Осуществляются мечты...
Скорей вдогонку за обозом!
Вздыхает, вежливый: «Ух, ты!» -

платочком вытирая слёзы.

Циклон

Шаги циклона

1. Я чувствую дыхание циклона:
вот-вот луна погаснет, как свеча,
зелёным взрывом выбросятся кроны,
осатанело птицы закричат.

И снег дотла слиняет на равнине,
Земля умрёт. Взорвётся ледолом.
Так времена одни вбивая, точно клинья,
в другие времена, - идёт циклон.

А птицы, птицы! Снег их только гонит,
но мужества и снег их не лишит.
Никто из них слезинки не уронит,
никто из них от бурь не побежит.

Наоборот. Сшибиться в грудь с циклоном
и пасть сражённым, и ожить стократ.
На то полёт им дан, солнцепоклонным,
и два крыла – награда из наград.

2. Деревья падали.
И снова рвали небо
копье в копье составленные кроны.
Деревья не выгадывали, где бы
им, вбитым в землю, скрыться от циклона.

Не поддаваясь буре и не пятясь,
глазами окон глядя сквозь растенья,
не хуже их, выдерживали натиск
художественно сделанные стены.

А мальчик спал в миру, объят ветром,
и не подозревал под звонкой крышей,
с какой любовью прятали предметы
от беспокойства спящих ребятишек.

* * *

Ночлегом недолгим забудусь чуть-чуть, -
вновь добрым просёлком продолжу свой путь.

Ничем не нарушится здесь тишина...
В таинственных лужицах тает луна.

Сосна и осина, где тёмный урман.
В лесные низины уходит туман.

От зарослей мглистых и синих полян
рассветная птица порхнула к полям.

Как радость, как вестник сияющих дней.
Как первая песня в дороге моей.

Мой мальчик

1. Нетерпение

Так бурно пошла трава –
стрелой от тетивы!
И скоро не было рва
и холмика без травы.

Так мальчик мой зелень ждал:
вдруг, вдруг через лёд блеснёт!
Но не было...
Он устал,
соскучился без неё.

Так ветер летел, гудел!
Мой мальчик почти стонал,
все спрашивал: где же, где,
когда же взойдёт она?

Потом протекла вода,
очистился небосвод.
- Мой мальчик, иди сюда!
Ну вот, наконец, ну вот!

Мой мальчик взглянул едва
и тихо промолвил: - Эх!
Ну, что ж, хорошо, - трава.
Когда же, когда же снег?!

2. Отличия добра

Бессчётно, в самом деле, их –
поступков, будто беспричинных,
порывов, дерзких и слепых,
стремлений противоречивых.

Вот мальчик.
Чтобы не привык,
такой податливый, растущий,
на тропках, скользких и кривых,
искать себя и мира сущность, -

я за минуту, за одну
то на его фигурке славной

ремень режима затяну,
то вовсе помочи ослаблю.

Задумчиво порой стоим
в тени нависших низко веток.
По бесконечным мостовым
в тиши июльского рассвета

уходят путники, вобрав
в сердца свет образов любимых, -
искать отличия добра,
что так порой неуловимы.

Неправда, люди не кроты!
И путь для каждого просвечен,
как солнцем, жаждой доброты,
святым лучом добросердечья.

Звения, комарики роят,
буравят воздух, точно зонды...
Великолепные края
за светлой дымкой горизонта...

3. Курицы

Идиллия. Собачка лает.
С ней рядом дряхлый кот прижился.
Меня всегда ошеломляет
безмозглость курицыной жизни.

От нечистот земля промокла.
Трус`ят, всё кланяясь, понуро
по затхлым свалкам и помойкам
убогие грязнули- куры.

На кур нисходит благодать:
петух-страшилище, который
догонит и начнёт топтать,
да гвозданёт жесткой шпорой.

Подумаешь: вот чепуха –
клевать, квохтать, всего бояться,
бежать от злого петуха,
кудахтать и сидеть на яйцах.

Конец трагически смешон:
просуетившись жизнь, грязнули
умрут под кухонным ножом
и кладбище найдут в кастрюлях.

... В нагромождениях щебённых,
среди досок и кирпича,

как богатырь, стоит ребёнок,
над курицами хохоча.

4. Поляна одуванчиков

Глядим мы вместе с мальчиком –
какая красота! –
поляна одуванчиков
желтым-желта.

В цветок то мушки прячутся
выс`око от земли,
то ползают муравчики,
то жжуют шмели.

Тут солнце разливается
по жёлтым головам,
до самых трав сгибается
надменно одуван.

Прямёхонькие стволики,
и лепестки, светлы, -
как маленькие столики
для лакомки-пчелы.

Тут звёздочками светятся
прекрасные цветки.
Их можно на букетики,
а можно на венки.

Хочу сказать я мальчику:
бег лета начался;
поляна одуванчиков
преобразится вся.

Цветенье скоро кончится,
и через пару дней,
снежинки будто, - зонтики
заносятся над ней.

Шмели порхнут с поляны,
и улетит пчела,
И вся поляна станет
белым-бела..

Ветра взметнут пушиночки,
в мгновение убрав...
Но нет конца двужильности,
выносливости трав.

Густы, непривередливы,
невзрачны и дики,

те травы неприметливы,
неброски, как цветки.

Но, зноем опалённые,
свой облик не сменив,
зелёными, зелёными
останутся они!

Дождями иссечённые,
линять не будут, нет.
Зелёными, зелёными
они сойдут под снег!..

Сказать про одуванчики?
Стою, склонясь к плечу
играющего мальчика.
Пусть думает. Молчу.

Пейзаж

Там, где малинники и дачи, -
стоят, подобно маякам,
столбы электропередачи
посередине городка.

У кромки дымчатого леса,
у края голубого льда
стоит ажурное железо,
текут витые провода.

И вот – чеканны, как у Кента*,
повсюду снежные бугры.
И люди в сапогах и кедах –
питомцы утренней поры.

*Рокуэлл Кент – американский художник,
мастер арктических пейзажей.

* * *

Я слышал: дерево поёт –
в ладоши плещет,
пряжу вьёт,
дождём шуршит,
волной бурлит.
И невидимок-голосов
невнятный зов
был в этом воздухе разлит,
был этим воздухом облит
и в нём тонул.
Ах, кто-то ждёт!..

Ах, как, неведомый, грустит
и всё спешит,
и всё летит...
Я слушал: дерево поёт!

Дым осени

1. Петух орал. Ему не угрожала
заспавшаяся, рыхлая хозяйка.
И маленькое горло издавало
высокие, пронзительные звуки.

Здесь, в дымном и промышленном районе,
нахальная, заносчивая птица
искусственной казалась и нелепой,
каким-то чудом к нам приковылявшей
из тех времён, где Альпы и Суворов...

2. Под жёлтым, тусклым августовским солнцем
зонты укропа выгнулись и сникли
и пожелтели, как тугой подсолнух,
как листья огурцов на тучных грядках.
Всё в желтизне – и ласточкины гнёзда,
и ободки оранжевых закатов.
И робко, в жёлтых пламенных размывах,
затерян в искрах, бликах от заката
и тенях туч, над трубами поднялся
дым осени, серьёзный, сладковатый,
над трубами кирпичными поднялся первый дым.

За плугом...

Весь долгий день трудился мастер.
Машинка з`аполночь стучала.
Но предстояло – о, несчастье! –
всё начинать опять сначала.

В нём критик, жёлчный и жестокий,
сидел – уничтожал и правил.
Признал безжизненными строки,
на камне камня не оставил.

Так добрый пахарь загнан в угол:
брести в дымящихся руинах,
и, наклонясь над тяжким плугом,
пахать и сеять на равнинах.

И снова – поиски контакта
со всей Вселенной бесконечной.
Ну, каторга! Ну, бой! И так-то
жить в напряженье адском вечно.

Но есть звезда. И есть надежда.
И родилось стихотворенье.
Тут к мастеру пришёл невежда.
Поговорить. О вдохновенье.

Успеть до льда

В безлюдии осенней пристани,
где на зиму пристали теплоходы,
люблю стоять.
Люблю смотреть я пристально,
как в зелень глаз, в бушующие воды.

Кругом леса.
Кругом не пахнет городом.
Что помешает сосредоточению?
Движенье вод – раздел тепла и холода,
последнее, но вечное течение.

В дожде борта и поручни, и лестницы.
Черны вор`онки спящих микрофонов.
А в середине будущего месяца
настанет лёд.
И снег падёт на боны.

Хочу успеть услышать все наречия,
найти всему, что движется, названия,
постичь резон любых противоречий
и закрепить навек его словами.

Успеть до льда!
Гудит вода у пристани.
Успеть до льда!
До льда - успеть... И вот
смотрю сосредоточенно и пристально
туда, где я.
Смотрю в глубины вод.

- Измаил Евгеньевич Булатов, Вы меня слышите?

1. Мы говорим: гигант неуязвим
в движении по безднам и по высям.
Мы вместе с тем охотно говорим,
сколь часто он от малого зависим.

Он злого слова, пули, от ножа,
от вируса. От всякой неудачи...
Не отразил, не скрылся, не сбежал,

не защитился как-нибудь иначе....

Как много сил уходит задарма,
и разума, и светлого таланта!..
Но движется Вселенная сама
неотразимым подвигом гиганта.

2. В субботу весел старый холостяк:
с друзьями можно вдоволь покалякать,
всё обсудить стократ и так, и сяк,
и побрюзжать за пивом, и поплакать.

Придя домой, как все холостяки,
что много лет привычно одиноки,
ополоснёт платочек и носки,
и до утра забудется на койке.

Воскресный день – совсем ни то, ни сё.
Шатанья, развлеченья, переписка,
гурманство книг. Прочитывает всё,
что так или иначе стало близко.

Всю долгую неделю на рысях
он вдохновенно делает работу.
И кто его поймёт, что холостяк,
когда к делам, будто к семье, забота.

Упорство, эрудиция, полёт
и чистота, и преданность святая.
Не бесится, не лжёт, не устаёт,
всё достаёт, препятствия сметая.

Полки равновеликих близнецов –
все дни. И только в пятницу под вечер
он вдруг услышит позабытый зов;
тогда заноеет сердце, как диспетчер,

безжалостно предчувствием тоски
напоминая этому аскету,
что всё же не одни холостяки,
нет, не одни они на всю планету.

О хлебе

Повсюду – перлон и капрон.
Без дела забыты колодцы.
Кругом не трясины – бетон.
А всё-таки хлеб остаётся
всё тот же – пшеничный, ржаной.

В ракетах и спутниках небо.
Оплачен всё той же ценой

кусок ноздреватого хлеба.

В простом и могучем труде
он высшей печатью отмечен.
Ведь всё достоянье людей
для хлеба – ладони и плечи.

Всё так же, как тысячи лет,
в природе – и грады, и иней;
и люди сокровище – хлеб –
собой заслоняют от ливней...

Пекут его вдоволь и впрок.
Запас не иссякнет годами.
Но, если случится, - с дорог
зерно собирают горстями.

Закон существует века,
а, может быть, тысячелетья, -
ни зёрнышка, ни колоска,
ни малой крупинки на ветер!

Земля – колоссальный сосуд,
и труд его полнит от века.
И полною мерой за труд
Земля воздаёт человеку.

Уже понесли корабли
к светилам небес наши знаки....
Удвоили силу Земли,
вскормив человечество, злаки.

Ждала...

В любовь не верящие люди,
скажу вам:
- Да,
есть женщина, что любит,
любит
меня всегда.

На разлучающих вокзалах,
на пристан`ях
она одно блаженство знает:
любить меня.

Что краток миг моей удачи,
что час невзгод, -
она не сетует, не плачет.
Зовёт вперёд.

Уйду до маковки в работу,

в свои дела.
 Спрошу потом: - Скучала?
 - Что ты?
 Я так ждала.

Лесная благодать

1. Все вместе

В лесу –
 смешение времён
 и возраста, и цвета.
 В большом лесу – так тесно.
 В нём
 все вместе жаждут света.

И жажда та – всего сильней.
 Она в лесу повсюду:
 в переплетениях корней,
 в стволах, глухих от гуда,

в кругу нависших тесных крон
 и в травах, и в соцветьях.
 Звенит в лесу со всех сторон
 сказание о свете.

И даже в чаще, в темноте,
 где дремлет древний камень,
 где ядовитый пустотел
 со злыми семенами, -

сквозь черноту лесных трущоб
 и тленное задышье
 сказанье это всё течёт.
 К тому,
 кто может слышать.

2. Не сожалел?..

Вот неожиданный подарок –
 зелёные, у самых ног,
 вдоль вырубок, заросших, старых,
 ложбины брошенных дорог.

Как недодуманные мысли
 в разгаре занятого дня,
 они теряются без смысла
 в траве, на взгорье, возле пня.
 По ним – ни пеший, и ни конный,
 ни лесовоз, ни самосвал.

Воспоминанием влекомый,
скажи, ты там не побывал,
влюблено травы там не трогал,
не сожалел, бесед не вёл,
что к людям не довёл дорогу,
и мысль до дела не довёл?..

3. Обское море

Частицы солнца кинь сквозь ветки
и в нежных травах опрокинь –
в лесных лощинах лютик едкий
и золотые огоньки.

Стою безмолвно на опушке
и тихо слушаю, когда
хронометрируют кукушки
не прожитые мной года.

И монотонно, чётко, внятно,
как будто ложки о столы,
орда красноголовых дятлов
долбит сосновые стволы.

Тут отовсюду веет детством.
Полёт шмеля над головой,
неброское цветенье леса
и запахи прохладных хвой...

Устав, присел на пень торчащий.
Родной пейзаж в себя вбирай!
Повсюду заросли и чащи.
Смоловый край, сосновый рай...

Но что за шум? Как будто моет
песок с камнями вода.
Далёкий гул Обского моря
ко мне доносится сюда.

Так бьёт железо о железо.
... Кругом, как полая вода,
звучат, вплетаясь в песню леса,
винты, турбины, поезда...

4. В глуби тенёт

По-металлически блеснёт
и отпугнёт
густых тенёт
чертёж, до боли примитивный:
то длинные, как провода,

и цепкие, как невода,
лес оплетают паутины.

Сюда летят,
сюда бегут,
снуют и остаются тут,
и обрекаются на муки,
и вот качаются слегка,
висят консервы паука –
мумифицируются мухи.

Но как они, летя, жужжат,
как паука сожрать хотят,
гудят, кусают, строят козни!

В их представленьи – им сродни
и суетливый, как они,
паук, такой доступный возле...

«Нас тьма и тьма, паук – один.
Расторгнем связи паутин!
Сейчас его накроем
роем!
Летим, братва! Наверняка
сожрём беднягу-паука,
когда натешимся игрою!»

Но, оплеть лесной пролёт,
паук висит в глуби тенёт
и ткёт,
и ждёт свою добычу.
Висит козявка у земли,
а в ней выносливость змеи
и дикое упрямство бычье.

5. Белки

По соснам островерхим,
у неба на краю,
молоденькие белки
без усталости снуют.

Их утро беспечально
в просторе высоты.
Летят горизонтально
пушистые хвосты.

К душистым кронам белки
стремят свои тела –
серебряные стрелки
на золоте ствола.

Головкой вниз повисни
и снова ввысь пошёл!-
в сосновой этой жизни
всё будет хорошо!

Гляжу на этот праздник,
а надо покидать
проникнутую счастьем
лесную благодать.

* * *

Я видел, как земли, оттаяв, добрели,
как почки рвались на исходе апреля.

Я слышал, как птицы бросались от зданий
и в крике безумном срывали гортани.

Слепящий закат на седом небосклоне
увидев, я многое, многое понял:

мне время явило свою быстротечность.
А ритмы и рифмы рвались в бесконечность.

Затишье

1. Глубокая зима. Зима и книги.
И несколько людей,
общительных, но занятых делами.
Несложные, неброские заботы.
Невзрывчатое, блёклое житьё.
Всё монотонно, замкнуто и просто.

Ну, кто там говорил,
кто спорил, накаляясь,
о сложности земной, о бешенстве вулканов
под твёрдою и непробивной коркой,
куда не заглянуть,
куда достать не сможет
дотошный взгляд, настойчивый и храбрый?

Где эта сложность?
Где неразбериха?
Глубокая зима. Зима и снег, и книги.
И даже солнце,
этот вечный светоч
в мир мой за мною не заходит –
хотело бы, да тучи не пускают...

2. Есть несколько излюбленных сюжетов,
устойчивая сетка настроений,
и с каждым днём всё `уже и прочнее
становятся тенёта, и всё слаще

их мглистое, густое окружение.

Должно быть, так:
 чем старше, тем взрослее,
 тем меньше тем, но больше размышлений,
 тем больше необычного в обычном,
 и зорче взгляд, и явственней прозренье,
 к которому идут всю жизнь,
 но не всегда доходят.

3. Однажды художник Зеленин
 позвал меня в гости, и вот что занятно
 (я в это не верил, но, видимо, всё-таки правда):
 он просто не мыслит словами,
 как все мы, допустим.

Художник, который, похоже,
 себя самого вот настолько не любит,
 что, рисуя автопортрет, искажает образ
 до формы неподвижного идола.
 Тут даже один, в целом серьёзный,
 успешный и добрый,
 однако не так, чтобы искушённый
 в искусстве,
 зритель
 заметил с неодобрением о портрете:
 «дебил какой-то», и дальше картины
 смотрел уже без интереса,
 и вскоре извинился, мол, надо идти:
 дела-де, дела...

А я-то подумал: вот бродит художник
 у грани того, что не поддаётся познанию,
 и, вижу, страдает,
 не в силах создавать то, что не вдруг
 поддаётся познанию.
 Тот поиск безумно волнует меня –
 настолько, что сам начинаю
 тосковать по запахам холста и дерева,
 и масляных красок,
 по смуглой выразительности
 его зеленоватых закатов и красноватой,
 с марсианским оттенком травы.

Нездешний и не всегда же незрячий,
 и, не понимаю, когда и как прозревающий
 человек,
 рисующий масляными красками,
 очень занимает меня,
 и вот позвал меня в гости,
 а я предложил ему стены нашей квартиры
 для выставки его работ,

и спутница моя меня поддержала,
и зрители туда ходили.

И так в первый раз выставлялся Зеленин.

Случай в зоопарке

Медвежонок клетку опрокинул,
на стальные прутья поднажал,
их плечами в стороны раздвинул.
Медвежонок из дому сбежал.

Он прошёл аллеей зоопарка,
чуточку подумал у ворот.
Засопел, затопотал, зашаркал,
и пустился в улицы, вперёд...

Эпиграмма на дым

Был дым вначале молодым,
хотя, трубу покинув,
он сразу делался седым.
Был дым прямым и длинным.

Был дым столбом.
Но в небо – во-свосяси –
стремился, бился круглым лбом...
старался... увлекался...

Был дым столбом.
Стал дым с горбом.
Был дым – как дым,
стал столб с горбом.

И был уже не молодым
дым.

Разъезд Пихтач

Играют в пинг-понг на разъезде Пихтач.
Как бусинка, скачет малюсенький мяч.

А столик – длиною в четыре шага,
а дальше – четыре шага, и тайга.

Минуя разъезд, прогремел и исчез,
вдали растворился московский экспресс.

Лишь вслед потянулся сараночий след,
да кедры качнулись вершинами вслед.

Да звонко подскакивал мячик тугой
на пересеченье дороги с тайгой.

Поэзия – судьба

У поэтов судьба такова –
избиение, если не плаха.
Только после людская молва
их вздымает из пепла и праха.

Бьют о землю литые шаги.
Тихо плещется вечное лето
над холмами забытых могил
прежде времени певших поэтов.

На шоссе

В густом снегу, в морозном треске,
в неброской утренней красе
летят леса и перелески
вдоль Барнаульского шоссе.

В дороге – чутко и бессонно.
Чуть свет – мне снова быть в пути.
Надёжный, прочный ход бетона –
передо мной и позади.

Шуршит тяжёлая резина.
Вон тополь – инеем оброс.
Из леса вышел след лосиный
и оборвался у колёс.

И вновь – то трубы, то сугробы,
то озерцо – осколок льда,-
то человеческие тропы
с холмов спускаются сюда.

И есть ли край на свете лучше,
чем мой, - где снежный косогор,
где рассекает лес дремучий
высоковольтный коридор?!

Пусть дни летят, пусть мчатся годы.
Я познаю, что значит *б ы т ь*:
искать гармонию природы
и человеческой судьбы.

В просторе, добром и широком,
вперёд стремится жизнь моя.
Спасибо, дальняя дорога!
Спасибо, светлые края!

Автобусы

Две фары – жёлтые очки.
Автобусы, как светлячки.
Автобусы теснят тайгу.
Автобусы летят в пургу,

И - запечатаны от ветра,
как будто синие конверты.
Автобусы летят – подарки.
А в них кондукторши, как марки.

Одна из них, в ботинках модных,
проходит мимо лиц дремотных,
от качки утомлённо кротких.
Идёт к шофёрской загородке.

И долго, поправляя чёлку,
жужжит, как ласковая пчёлка,
под монотонный гул мотора.
Ну, что ты хочешь от шофёра?

Он отвечает односложно.
Он отвечает осторожно.
Чужая жизнь... чужое сердце...
Автобус - сомкнутые дверцы...

Две фары – света полоса.
Две фары - что ни полчаса.
Автобусы летят – подарки.
Не скоро их дождутся в парке.

А путь далёк...

Дымок костра – дымок призыва,
на взгорке близ березняка.
Я рвусь к нему нетерпеливо,
издалека.
Издалека.

Но далеко ещё до срока...
Всё по берёзовым холмам
ведёт железная дорога
к иным заботам и делам.

Вот вижу я: встречая лето,
два работающих мужика,
в своих оранжевых жилетах
присели возле огонька.

На их участке – путь в порядке.

Так славно – солнышко в лицо...
 Им хорошо – на свежей травке
 послушать пение скворцов.

Потом опять пойдут на рельсы,
 загасят тихий огонёк.
 А я на них не посмотрелся.
 А путь далёк.
 Мой путь далёк.

Майский полдень.

Сельская больница

Струила марево река,
 и в небе над песчаной кручей
 на кучевые облака
 легко наслаивались тучи.

В растущей серой полосе
 всё небо синее сокрылось.
 Свежело быстро. Быть грозе.
 Уж быть!.. Трава под ветром билась.

Врачи, подставив ветру грудь,
 стояли около больницы:
 хирурги вышли отдохнуть,
 решили воздуха напиться.

Был полдень. Капли с высоты
 неслись улыбкам их навстречу –
 на торсы, взятые в холсты,
 на обнажённые предплечья.

Старые тополя

Идут года над почвой древней,
 а мы растём, как встарь росли.
 Не уходи от нас. Деревья, -
 мы тоже детища Земли.

Не отрекайся от природы, -
 родную землю не порочь.
 Тебе в ненастную погоду
 еще сумеем мы помочь.

Квартирный интерьер

Приёмник «арфа» - длинный, плоский ящик:
 октава клавишей и серая мембрана,
 и шеи чёрных лебедей под днищем –

четыре полированные ножки.
И полированным был шкаф – из гарнитура –
солидный шифоньер, широковатый
и вовсе небольшой, как раз уместный
под этим потолком (два с лишним метра).

Непримечательной была кушетка,
а также койка – только покрывало
производило впечатление: цветом,
изысканно бордовым с чёрной ниткой;
добротностью и сделанностью ткани.

На стенках – численник, портрет ребёнка,
страница «Огонька» - полёт ракеты
и космонавты в шлемах. Сами стены
покрыты розоватой нежной краской.
Бордовая, как покрывало, штора
не до конца отодвигалась утром.

Из стиля выпадала этажерка –
вся с шишечками, в простеньких узорах.
На эти удалые завитушки
торшер глядел надменно и с вопросом.
Зато на полках много книжек: Чаплин,
«Родная речь», Асадов, Вознесенский,
журналы мод, кино, журнал «Мурзилка».

Из комнаты – две двери – в коридорчик
и в беленькую, чистенькую кухню,
где две хозяйки варят друг для дружки
и стряпают друг дружке в воскресенье,
всё только друг для дружки – мать и дочка.

А в комнате ещё был столик,
модерной тканью крыт, как и лежанки.
Фигурные флакончики там были
и пудреницы, всякие коробки
из-под духов. В керамике, в кувшине –
карандаши, пластмассовые ручки.
Но стол имел особенность. Она-то
подчёркивала всё здесь. Не хватало
до пола тряпки – сантиметров десять,
и вот торчали узенькие ножки –
дощечки, что сколочены крест-накрест
тяжёлыми гвоздями очень прочно
и даже не обструганы, бедняги.

Вот стол такой: ну, право же, откуда
притопал он сюда? Из лет военных,
послевоенных ли, не сладких, бедных,
без нынешней синтетики, голодных?
Из них, быть может. Впрочем, разве спросишь?

Но он стоял. И дополнял картину
той комнаты, приветливой и славной.

Тропа

Бураны кончились в отрогах.
Тогда пробили, как трубу,
в заносах сносную дорогу.
Но человек топтал тропу.

Густела ночь. И, как нарочно,
крепчала стужа, что ни миг.
Ему хотелось покорооче.
Ему хотелось напрямик.

Дорога мнилась бесконечной,
искал иного он пути –
по человеческой, извечной
привычке напрямиком идти.

Вот он шагнул. И стал пимами
ступать, раскидывая снег,
вминая снег, топча, пиная,
с ходьбы переходя на бег.

Так каменно гудели ноги,
так слёзы застили глаза!
Но нет пути с тропы к дороге.
Дороги не было назад!

Второму было малость проще:
уже наметился пред ним
прерывистый, но чёткий прочерк –
следы.
Второй пошёл по ним.

А третий был уже с лопатой,
в снегу ни разу не упал.
А следом шли четвёртый, пятый.
Так стала торною тропа.

Казалось бы, довольно, баста.
Чего ещё? Налажен путь.
Но кто-то снова шёл по насту,
не в силах в сторону свернуть.

* * *

Где счастье? В покое? В дороге?
Над лесом луна поднялась.
Прохладным огнём на Востоке
звезда молодая зажглась.

Дойти до корней, до истоков
мы всё устремлённей хотим.
И манит нас берег высокий
и сосны, и звёзды над ним...

Последняя лошадь

Она была ещё красива.
Красива, я не лгу:
и горделивый бобрлик гривы,
и звёздочка во лбу.

Чуть голова склонилась набок.
Отставлена нога.
Живая мощь мохнатых бабок.
Узорная дуга.

В том допотопном снаряженье
(уж мы им дорожим!) –
и в джентльменском окруженье
семи автомашин.

Семь шофер`ов и старый конюх
в столовой пили чай.
... Вот-вот её прогонят.
Красивая, прощай!

1969

Полвека тому назад

Полвека тому назад
носил я всю зиму кепку.
Тебя целовал я крепко
полвека тому назад.

Не знал ни тоски, ни грусти,
и жизнь мне была легка,
и волосы были г`усты,
и шея моя тонка.

Мы были тогда бездомны,
и мир представал, как сад,
нехоженный и огромный, -
полвека тому назад.

Полвека тому назад
я знал наизусть рассветы.
Моя королева, где ты?
Полвека тому назад.

Я медлил тебе открыться,
и думалось не шутя,
что всё это будет длиться
полвека моих спуста.

Этот танец

Как давали твист в «Сибири» -
ресторан взвивался ввысь!
Не напрасно мы любили
и ценили этот твист.
Твист!

Как безумствовал ударник,
падал виолончелист, -
как старались наши парни,
выдавая этот твист.
Твист!

Будоражащую песню
начал маленький певец
о какой-то неизвестной,
что открылась наконец.

Ты, любимая, грустила,
ведь была уже не ты
той единственной и милой
королевой красоты.

Не напрасно полюбился
поднимающий нас ввысь
этот огненный и быстрый,
этот чистый танец твист.
Твист!

Ресторан взвивался в небо.
Дорогая, мы вдвоём,
я ведь тоже, тоже не был,
тоже не был королём!

Признание, которого не было

*Сегодня в клубе танцы...
Из старо-советских песен*

За смутной дымкой лет,
за тополиной вязью, -
в широких окнах свет.
Там школа.
В школе праздник.

Звучит аккордеон,

играя непрестанно
то вальс «Осенний сон»,
то медленное танго.

Мне в руку дан огонь,
я ощущаю пламя –
горячую ладонь,
пропахшую духами.

Я с девушкой кружусь.
Её черты туманны.
Я тих.
Я не гожусь
нисколько в Дон Жуаны.

Слова откуда взять?
Краснею и бледнею...
Не то, что их сказать –
подумать не умею.

Обычный школьный зал.
Но я в нём необычен.
О, как я презирал
своё косноязычье!

Я слышал речи гул,
возвышенной и яркой:
мне слышались Катулл
и Пушкин, и Петрарка.

Всё было до меня.
Всё высказано словом.
Лишь я, несчастный я
молчанием был скован.

Я знал немало строк
по памяти когда-то,
и я, конечно, мог,
отделаться цитатой.

Но нет! Я был готов
всё начинать сначала,
моё признание чтоб
по-моему звучало.

А девушка ждала,
должно быть, слишком долго.
Нахмурившись, ушла.
И музыка умолкла.

Уже погашен свет.
Окончен школьный праздник.

За смутной дымкой лет.
За тополиной вязью.

* * *

Сидели в комнате. Одни.
А сердце кровь толчками гонит.
Казалось, руку протяни,
и счастье бросится в ладони.

Уйти бы мне... Я твёрдо знал,
что, обещая и лукавя,
зеленоватые глаза
меня в покое не оставят.

Всё будет собрано в кулак
и вновь разорвано на части.
Всё будет так, и всё не так.
Но вряд ли это будет счастьем.

Совсем одни... Стакан вина.
Блестит окошко ледяное.
Непостижима и грешна,
сидела женщина со мною.

Дельфин

Как бился дельфин!
Как он прыгал, дюралевый, -
корабль увидав, над волною вставал.
Искал, находил и за ветром терял его.
Как в море дельфин обо мне тосковал!

Детей моих тихо, у самого б`ережка
катал на рассвете июльского дня.
Когда я тонул, деликатно и бережно
к спасительной отмели вынес меня.

А я ворошил свои сведенья куцые,
в одном они были предельно ясны:
что мы миллионами лет эволюции
с дельфином навечно разъединены.

Я с ним поделился: я дал ему сахару.
Он рвался ко мне, я стремился к нему.
Я думал: пока я карабкаюсь н`а гору,
пока я лечу в реактивном дыму,

он занят своим: разрезает течения,
ныряет вблизи океанского дна,
всплывает наверх, в благородном свечении,
и снова его накрывает волна.

Он вырос внезапно –
торпедой, запущенной
ко мне из холодных, зелёных глубин.
И руки от пушек убрали гарпунщики,
когда, как дюралевый, взвился дельфин.

Сочувствие Маховикова

Маховиков сочувствовал Собаке,
которая проводит время в будке:
ведь ни штанов, ни шапки, ни рубахи,
а вкалывай без передышки сутки.

Он видел в ней начатки интеллекта,
которому препятствуют развиваться:
привязанность, устойчивость, рефлексы
и попросту желанье порезвиться.

Как тяжело ей должно быть вечерами
под звёздами, одной, зажатой цепью,
стоять в конурном входе, точно в раме,
хозяйское стеречь великолепье.

Возможностей – ничуть. Одно лишь горло.
Куда ни повернись – ошейник сдавит.
А всё-таки хранит собачью гордость:
от службы не сбежит. И не слукавит.

Глаза собачьи преданно горят.
И маленькое сердце верно слишком.
Да всё самопожертвованье – зря.
Его не стоит эта рухлядишка.

А звёзды так печально холодны.
Раскрыла пасть и, в ужасе от лая,
соседку слышит. Бедные, одни...
И каждая в отдельности – не злая.

О, сколько же пролаяли веков!
О, сколько же ушло хозяев всяких!
... Так говорил со мной Маховиков
про это одиночество собаки.

Мотивы 60-х годов

Лик леса
искажает шрам –
отбросов смрадные сугробы:
экологический кошмар,
пролог вселенской катастрофы.

Газеты

в сердце бьют подряд,
терзают мозг киноэкраны:
сад – сохнет, танкеры горят,
в удушьё глохнут океаны.

Кричала девочка со сна,
она увидела сквозь слёзы:
остались в мире лишь сосна,
лужайки клочок и полберёзы.

Судьба –
метаться ей во мгле
испелённого пространства,
где публикации «ЛГ»*
ужасней вымысла фантастов.

А впереди,
в кольце потерь, -
любовь,
 свобода,
 серьги,
 платья,
и на стене – сухая тень
от не рождённого дитяти.

*«ЛГ» - «Литературная газета» - властитель
дум тогдашней интеллигенции.
Имеется в виду так наз. «вторая тетрадь»,
где публиковались дискуссионные материалы
по различным научным и социальным проблемам.

* * *

Поэты идут напролом,
в божественной ярости дики,
и в`орон зловещим крылом
ласкает погасшие лики.

Не слышится отзвук невзгод
в размеренной поступи шага:
поэты шагают в обход,
когда их покинет отвага.

Им кажется, бедным, в те дни,
что можно прожить без бумаги,
а славы бессмертной огни
таятся в живительной влаге.

Уйдут и порыв, и полёт,
зачахнет одрябшая воля:
поэт до конца познаёт
ублюдочный вкус алкоголя.

Другие исполнят за них,
 пронзённые копьями молний,
 тот долг, что они не смогли,
 как надо поэтам, исполнить.

Поэты же скажут: «Потом,
 свой жизненный путь подытожив,
 мы тоже пойдём напролом,
 и ворон к нам спустится тоже»...

Собачья жизнь

Так откровенны сосны наши.
 Дорога – пастбище собак.
 Щипцов развёрнутые бранши –
 их лапы. Пена на губах.

Охота, стороженье, гонки
 давно забыты до конца.
 Зачем догини и болонки
 ждут ненасытного самца?

Довольством и пастьбой их старит
 хозяйский эфемерный спорт.
 Медали, выставки, комфорт –
 сплошное вырождение тварей.

Но дрожь весны близка.
 Узнать бы
 зачем теперь собачьи свадьбы...

Ожиданье в предместье

1. Есть закоулки далеко от центра:
 устойчивые, низкие бараки,
 еды и сна невыветренный запах,
 застывшая земля; и в белом паре
 несутся женщины полунагие,
 в обрезках валенок и в драном ситце, -
 выплёскивать горячие помои.

Там дерево владычествует: щепки,
 поленницы, кустарники и скамьи во дворах;
 полуразбитые заборы,
 бревенчатые, старенькие стены,
 некрашенная и простая утварь.

И кажется, что дым над этим миром,
 вздымающийся в пасмурное небо,
 причудливыми, тёмными столбами, -

древесной, древней мощи полон.

И кажется, что люди здесь корявы,
как старые стволы, что у порогов,
а ласковые женские лодыжки,
белеющие на снегу, теплее,
чем нежная кора берёз...

Там угольные ящики громоздки,
и по углам и грязноснежным тропкам
гуляют перепачканные куры,
все в красных и зелёных, и иных чернилах...

Тревожные и мнительные люди,
и жаждущие пьяницы тупые,
жестокие курильщицы-старухи –
все странные, мятущиеся души,
особенная горечь закоулков –
прислушиваются глухими вечерами,
дремучими ушами ловят чутко
стенания далёкого вокзала –
ловцы гудков.

Не их ли паровозы
торопятся, в скрипенье, в скорготанье,
готовя перемены в тёмных судьбах?!.
Суровое предместье... ожиданье...
и сумерки под серым, хмурым небом.

2. Я звёзд не видел в этих переулках –
всегда тревожное, сырое небо
дышало надо мной,
и было всё в клочкастых,
изорванных и суетливых тучах.

Мела сухая, жёсткая позёмка.
Всегда вот так. Какое-то беспутье,
междупогодьё, смена настроений,
и почему-то так всегда сходилось,
что, спутников лишённый, в этих недрах,
в глубинах городского неустройства,
всегда один, я быстро пробирался.

И маленькие окна освещали
мою дорогу, и от поселений
тянуло мне в лицо необъяснимым,
как отзвуки невнятных размышлений
о душноватой тесноте уюта...

Сон юного невропатолога

Я в ужасе кричу.

Твоя рука находит
 во тьме мой лоб, и вот я ощущаю,
 как избавленье, ток прикосновенья,
 и слышу голос, нежный и зовущий:
 - Проснись... проснись!..

Выходит, я заспался.
 Мой сон был тяжек. Ночью мне казалось,
 что в недрах мозга кто-то копошится,
 раскрыв коробку черепную властно настезь.

А, впрочем, эти люди различимо
 и явственно, и грубо представляли –
 два здоровенных, замкнутых тихони,
 в капроновых, бесформенных перчатках
 на волосатых, неизящных лапах.

Да, эти двое. Как они знакомы!
 А ну-ка, ну-ка! Боже, эти двое,
 конечно же, эсэсовцы. Зачем-то
 одетые в холщовых балахонах,
 отменно белых, длинных, островерхих, -
 стояли над столом, над вскрытым мозгом,
 и в толщу невроглии осторожно
 мне телестимуляторы вставляли.

Я корчился, вопил и извивался,
 хотя наркоз был быстрым и блестящим:
 сознание сохранял, но ни малейшей боли
 не причинял...

Но вся непоправимость
 творимого так яростно пронзала,
 так чувствовались две малютки-змейки –
 два хитреньких ублюдка-аппарата,
 что навсегда, безвыходно вползали
 в интимную святыню – в мой прекрасный,
 божественный, единственный на свете, -
 в чувствилище моё – гипоталамус!..

Кто я отныне? Раб? Макака? Робот?
 Эсэсовцы молчали.
 В отдаленье
 был автор опыта – бесплотный некто,
 чьи даже признаки мне не были известны,
 не то, что имя или там обличье.
 Как некий дух модерна вездесущий,
 настраивал бесстрастно передатчик.

Последнее, что помню, это ужас,
 когда сквозь мозг пошли радиоволны,
 и прежде их команд ещё догадка,

что разум, как циклон, опустошила:
что предстоит?

Чесаться бесконечно,
центр удовольствий слепо раздражая?
Стать наркоманом? Или спозаранку
в цистерну впрячься, шасть в Александрию,
бензинчик подпустить в библиотеку
и спичкой, спичкой чиркать сладострастно?..

Потом волна вошла в меня...
Под утро
ты будишь. Вот глаза твои лучатся
во мраке над моими. Тихо, тихо;
одни часы отсчитывают время –
настольные, будильничек, ручные, -
загадочное, мерное звучанье.

Сосны

Сегодня было сорок пять.
В тумане – мороке морозном –
тревожно слышалось опять:
в лесу потрескивали сосны.

Так больно мучило меня,
когда в сугробах за деревней
от стужи, будто от огня,
кричали мощные деревья.

Шероховаты и круглы,
на недалёком расстоянье,
ширококостые стволы,
как в битве, намертво стояли.

Вот так до солнечной весны
им дюжить стойко и бесменно.
Настанет час: закалены,
они рядами лягут в стены.

* * *

Спроси: зачем с неутомимостью,
людей встречая, без конца
ищу черты неповторимости
в рисунке каждого лица?

Спроси: зачем гляжу на волосы,
и лоб разглядываю так,
в оттенке глаз и тембре голоса
ищу особенности знак?

Отвечу: видя всё неточное,

подобно доброму ножу,
я отсекаю всё побочное
и основное нахожу.

Скажу: и зависти, и ревности,
и ханжества ещё полно.
То сребролюбием, то свирепостью
лицо вконец искажено.

Но виден облик бесконечности,
движение, что без конца,
и совершенство человечности
в чертах обычного лица.

Обсуждение стихов

Зачитан отзыв знатока:
в стихотвореньях есть искусство –
рифмовка, ритмика, строка,
рассудок есть... но где же чувство?

Ещё один: не учтены
определённые моменты.
Вот, например, приход весны –
не те скворцы! Не те акценты!

Зевали многие, пока
шло обсуждение в этом зале.
Четыре школьницы с листка
в тетрадки что-то там списали.

Шёл шёпот: вирши-то легки,..
В углу полупустого зала
старушка, слушая стихи,
слезинки тряпочкой стирала.

* * *

Один поэт – цветы и травы,
другой машины воспевал.
Шёл спор, в котором оба правы,
В котором оба – наповал.

Вскричали оба: - Где же судьи?
А ну-ка, мальчик, раз ты здесь?
А мальчик – робко: - Я о людях
хотел бы что-нибудь прочесть.

Тоска о высоте

В один из летних вечеров,
когда зажглась звезда,

упало лёгкое перо
из птичьего гнезда.

Стояли около ствола,
у древа, что стройн`о.
Ты в руки пёрышко взяла,
сказав: «Зачем оно?»

Ему не сделаться живым,
опять в крыло не встать.
Одежду не украсить им,
стихов не написать.

Какой в нём нынче интерес?
А всё же бросить жаль:
оно знавало круг небес,
пронзительную даль.

И было столько долгих дней
опорой для мечты,
служило птице, было с ней».
Вот так сказала ты.

Уходят в прошлое года.
Беру я в руки иногда
перо, что выпало тогда
из птичьего гнезда,

и начинаю вспоминать,
как тосковала ты
о птичьей участи – летать
в просторах высоты.

Прочность

Мы жаждали прочности –
той, монолитной:
надёжности, точности,
чёткого ритма.

Но прочность потеряна
в жизненной драме.
И рушилось дерево,
лопался камень.

Мороз – и пернатые
все онемели:
замёрзшие, падая,
больше не пели.

И то уж не встретится
в жизни, и это.

А всё-таки вертится
наша планета.

Ведь как ни мололо бы
в нашей округе, -
всё думали головы,
делали руки.

Всю фауну врезали
пращуры в скалы.
И вечно Поэзия
мир озаряла.

* * *

Я помню каждый холм,
и каждый двор,
и мостовые,
и уголки бесчисленных вокзалов,
леса, почтамты, комнаты пустые,
где сочинял стихи,
и залы, где читал их
перед публикой.

Любое обстоятельство и место,
все настроения свои,
все лица,
что плакали, нахмуренно кивали,
что улыбались мне, -
все лица, чьи движения читая,
я сочинял стихи, -
я помню.

Мои стихи казались мне большими –
они всегда мне стоили труда!
Не вижу я себя непогрешимым,
но просто правым вижу я всегда.

* * *

В глуби Вселенной – в недрах разума –
стихии вечности кипят:
там огнедышащая плазма
и термоядерный распад.

Во мгле идут процессы синтеза –
процессы жизни естества.
Исследуется относительность
и складывается в слова.

Стоим на этой точке зрения.
Я знаю: истина одна –
и в звёздах, и в стихотворениях
Энергия заключена.

* * *

Спросили как-то у меня:
как пишутся стихи?
Откуда ритм и глубина,
и трепетность строки?

Для чувств и мыслей где места?
Ответить не берусь,
откуда гордая мечта,
приподнятость и грусть?

Одно скажу: они живут,
молчать обречены,
безмолвно очереди ждут
и ждут своей струны.

И всё равно настанет день,
пока душа жива, -
поэт отыщет для людей
прекрасные слова.

Поэт пройдёт дорогой строк,
не сбившись, без измен,
и будет ясен и высок
классический размер.

И будет людям нужен стих.
Так как же он возник?
Должно быть, всё-таки от них,
для них и через них.

Кризис поэта

1. Я слово потерял когда-то,
и где-то теплилось оно,
других, бесплотных слов преградой
от рук моих отделено.

И мысли в гладенькие строчки
на безупречно чистый лист,
в благополучной оболочке,
удобочтимые, легли.

Была в строках бесповоротность,
как непреложная черта;
и убежденность, и добротность,
и дорогая простота,

и право на существование
стиха отдельно от меня, -

всё было в том повествованье.
И только не было огня.

Огня... А где-то, кремень словно,
дышало, искрилось, звал о,
одно утраченное слово
огонь бессмертия несло.

2. О, как, истязая и муча,
владело бессловие мной!
Вздирало на ржавые крючья,
лупило дубиной стальной.

Потом, истекавшего кровью,
в последний, удушливый зной,
меня искушало бессловье
своей эфемерной казней.

Текло обещанье по жалу,
что есть ещё сладкая жизнь,
и поиск закончить внушало,
беззвучно твердя: - Отрекись!

Но сила моя истекала,
и вот уже – полужива,
всё жаждала слова, искала
душа моего существа.

Тогда-то у самого края
бессловие я поборол.
Врата лучезарного рая
раскрылись. Я слово обрёл.

И к людям вернулся поэтом,
чтоб истину миру сказать,
и, если не солнечным светом,
то кровью её записать.

Потом сообщили, что этот
мой путь никуда не идёт,
что надобно творческий метод
менять...

Из ближних тетрадей. Нежность весны.

* * *

*Погасли фонари.
Я в мире новом, тканом
из розовой зари*

и синего тумана.

*Ещё не родилс`я,
Оне вспыхнул день весенний,
но чуткие леса –
в весеннем настроенье.*

*Кончается зима.
Я в мире дивном, новом,
где тянутся дома
к объятиям сосновым,*

*где улицы к реке
спускаются по склонам,
где люди, налегке,
шагают просветлённо.*

*Ко мне издалека
сквозь мир необозримый
протянута рука –
рука моей любимой.*

*Она – моя судьба -
вот-вот ко мне метнётся,
коснётся глаз и лба,
и губ моих коснётся...*

Из дневника

Спускаются в кратер вулкана,
как будто бы жизнь не цена.
Мгновенье – отважные встанут
на желтую спину огня.

Тут есть аналогия с нами:
поэты, мы так же живём –
исследуя вечное пламя,
учась обращаться с огнём.

Нежность весны

В тот раз тугих сосновых веток
и красноватого куста,
на грани ночи и рассвета
коснулись влажные уста.

Потом, уже за этой гранью,
от пробежавших облаков
скользнуло нежное дыхание
поверх приземистых снегов.

И наконец легко и зыбко
объяла нас голубизна.
Природе первую улыбку
явила ранняя весна.

Февраль

Когда наступил февраль,
вдруг сделалась так ясна,
прозрачна голубизна –
открытая ветру даль.

Конечно, ещё мороз,
конечно, ещё буран.
Но день уже вешне пьян,
зима уже не всерьёз.

В полях оседает снег,
Раскованно льётся речь.
Вдруг вспыхнет, чтобы обжечь
кипением
женский смех.

Эй, солнышко, не пора ль,
весеннее, жечь сполна?
... Не верится – не весна,
а только ещё февраль.

* * *

Утрами зори февраля
ещё томительно туманны.
Берёзы, вербы, тополя
стоят в задумчивости странной.

Снега ещё до синевы
до смутной сумрачности белы,
и пробуждение весны –
ещё не завтрашнее дело.

Но бег весны упрям, упрям.
Восходят жизненные соки
по набухающим стволам
к вершинам, лёгким и высоким.

Весенние черты

Ни капельки зелёного
в природе не найти.
Но всё определённое
весенние черты.

Их прелесть и таинственность
хочу, чтоб стих постиг.
Всё зорче и всё пристальней
я вглядываюсь в них.

Там – взору обнаружатся
ледышки меж осин –
голубенькие лужицы
на донышках ложбин.

Там – чёрные, опрятные
присели с этих пор
грачи на изоляторы
на краешки опор.

Там, в поле, сердце радуя,
послышался, далёк,
проснувшегося трактора
негромкий говорок.

Весна, весна... От вечности
заботы и дела.
Живая нить Отечества
просёлком пролегла.

Про грача

Все графики ломая,
в зеленоватый лог
двенадцатого мая
снег запоздалый лёг.

Грач – видели? – был белым.
Был белым, это так.
Не занимался делом.
И спал в земле червяк.

Но холод был коротким,
и около реки
уже смолили лодки,
сняв куртки, рыбаки.

По мягкой, вешним соком
налившейся земле
грач побежал далёко –
к тем лодкам и смоле.

На столбик он садится.
Грач более не бел:
грач, смоляная птица,
конечно, почернел.

Но влажно, где он бегал, -
там капельки воды:
растаявшего снега
прозрачные следы.

* * *

Всё внутренне и внешне
меняется в природе,
когда она неспешно
к зелёному приходит.

От белизны давнишней
и серости недавней
ушел осинник ближний,
ушел топольник дальний.

Нежнее стали сосны...
Готовы для цветенья
напившиеся солнца,
подросшие растенья.

Уж в омурах стеклянных
купают цвет свой вербы.
А тучи – лишь поляны,
развернутые в небо.

В законченности линий –
повсюду цвет зелёный...
И только трактор – синий –
ползет себе по склону.

Агроном

Андрею Андреевичу Христо

Агроном ходил полями,
чёрною землёй,
в треске почек, в птичьей гаме,
вешнею порой.

Вниз глядел, внизу, знакомо,
светлый тёк парок
от крутого чернозёма,
от его сапог.

В небесах над этой нивой
всё издалека,
светлосерые, сквозные,
плыли облака.

Сколько радостного шума
в голубых краях!

Агроном ходил и думал
о своих полях,

всё в природе понимая,
зная до основ,
потихоньку напевая
песенку без слов.

* * *

С поросшей травой дороги,
что полем спускалась к реке,
взлетели две синих сороки
и скрылись в густом ивняке.

Два взлёта, два взмаха, два нерва
встречающей осень земли.
Две капельки летнего неба
в последнюю зелень ушли.

До будущего зноя

Не влажным, не зелёным –
мир стал сухим и белым:
и в переулке клёны,
и сад заиндевелый.

Мир был огромным, рыжим,
и жёлтым был, конечно.
Теперь белеют крыши,
и опустел скворечник.

На брошенной лопате,
на дёрне и на глине,
на водосточном скате –
густой осенний иней.

До будущего зноя
все птичьи хоры спели.
А в полдень, как весной, -
под крышами капели.

Памяти Есенина

Ещё светло на западе,
а месяц – на виду.
Сентябрь. Над тёплой заводью
по брёвнышку иду.

На берегу над лодкою,
как путник, одинок, -

со стрижкой короткою
молоденький кленок.

Узорчатыми тенями,
рубиново чисты
над водами осенними
скользят его листы.

Летят от летней пристани
закатные чирки.
Ах, осень, -
слёзы искренней,
есенинской тоски!

Горит бугор деревьями.
Пылает сад, стоглав.
Поэт, поэт, без времени
ты смолк, не дописав!

* * *

Сырое утро.
Осень воду мелет
над всей землёй в громадной серой ступе.
Ещё немного – белый день наступит.
Предчувствуется влажный ход метели.

Так смутно всё.
И девочка всё плачет.
Накормлена, в тепле и не больна,
а плачет всё, и нам с ней нету сна,
и не понять никак, что это значит.

* * *

Берёзы гаснут в Тавалгане.
Но ослепительно для глаз
коры открывшейся сверканье.
И вот уже сентябрь погас,
и скоро озеро застынет.
А березняк уже застыл.
Как птицы бледно-золотые,
вдоль солнца падают листы.

* * *

Повис акробат над рекой,
в смородинных зарослях сонных, -
воробышек в сером трико
качает засохший подсолнух.

Под самую грудку – вода.
Повсюду – и слева, и справа, -

река ожидает, когда
настанет пора ледостава.

Водица теперь холодна,
и солнышко ярко не светит.
И путь от зерна до зерна, -
как долгая песня о лете.

Суровый октябрь над рекой.
По берегу снег уж не тает.
И птица в сиротском трико
засохший подсолнух качает.

* * *

Поворот магистрали. И тут же,
где машинами ветер прибит,
на бугре, овеваемом стужей,
одинокое берёза стоит.

Всё растрчено лето, растеряно.
Листопад отшумел поутру...
Так, наверное, холодно дереву
на студёном октябрьском ветру.

* * *

Не тучи, не облака,
не головы лебедей,
а снежные берега
стоят в голубой воде.

Не избы без огонька,
без окон и без дверей, -
заснеженные стога
среди голубых полей.

Нигде ни полоски льда,
но плотно легли снега...
Летят и летят лета,
уносятся...
Навсегда.

Свиристель

Казимиру Лисовскому

Порой предзимней, в жгучую метель,
когда идёте в рощицах любимых,
вас не волнует птица свиристель,
что, прилетев, садится на рябинах?

В морозной мгле колпашевские ели,
и холод студит землю до глубин.
Но неумолчно пенье свиристеля
в рубиновых созвездиях рябин.

От Севера идя, за гроздью гроздь
он по пути без усталости сметает.
И пряная рябиновая кровь –
живая кровь земли – его питает.

Меня всегда волнует этот друг.
Он греться не летит в чужие страны.
Наш зимний край – ему блаженный юг.
Мы для него приятны и желанны.

Пусть бьёт в лицо жестокая метель!
Ещё кругом рябины пламенеют.
И слышится знакомая свирель.
И на душе становится теплее.

В метель

Мела метелица, мела
по бесконечному простору.
Влекла снега её метла
то в поле ровное, то в гору.

И стали белыми леса,
все тропы в белом утонули.
Притихли звери. Лишь лиса
пошла. Глаза её блеснули.

Зайчишку хлипкого она
хотела, видимо, зацапать.
И в ералаш такой, одна,
пустилась в путь на лёгких лапах.

Мела метелица, мела.
Лису лесные ветры гнали.
И вот, насытая, пришла
лиса к железной магистрали.

Свой бег замедлила, устав.
В метели бледнозолотая,
летящий к станции состав
у фонарей пережидая.

Приник мальчишечка к стеклу
в вагоне. Думает: мне снится!
Мелькала в мчащемся снегу

чертой огнистою лисица.

Сквозь ледяную кутерьму
и бесконечную остуду
глядел, глядел. И вот ему
открылось вдруг такое чудо.

Вагоны все, отгрохотав,
Исчезли, сказочно огромны.
А что ж лиса? Она стремглав
опять нырнула за сугробы.

Теперь куда она ушла?
Не разузнать уж нам, пожалуй.
Мела метелица, мела
и лисий след переметала.

Мела метелица, мела.

На зимнем рассвете

Я высмотрел подробно,
как всё несообразно:
дома солнцеподобны,
луна грушеобразна.

Светло и неподвижно,
массивны и огромны,
стволы стоят над крышей
бревенчатого дома.

Не ниже дальних вышек,
немного наклонённый,
белоголовый лыжник,
скользящий вдоль уклона.

Минута шла, и с нею
всё делалось обычной:
значительней, яснее,
светлей и гармоничней.

Простого роста лыжник.
Погасли занавески.
Стволы ушли от крыши.
Луна совсем исчезла.

Потом, являясь людям,
высоко вознесётся
над городом – над блюдом –
вздохмаченное солнце.

Полдень в лесу

1. Зима

А лес...
Такая тишина!
Сорвётся ворон с лап сосновых, -
звучит забытая струна,
а ухо ловит звуков новых.

И в полдень радуют меня
дымки над крышами сторожек
и одинокая лыжня,
и строчки заячьих дорожек.

2. Лето

То ли кто-то шёл не быстро,
то ли слабый ветерок
сквозь берёзовые листья
тонким шорохом протёк.

Полдень в травах шелковистых
покачнулся и затих.
Лес в зелёных рукавицах
держит белок молодых.

Где раздвинуты травинки
и ромашки не растут, -
муравьиные тропинки
к муравейнику ведут.

Кукушонок в городе

Так случилось: на соломе,
в шумный город занесён,
он в чужом проснулся доме,
и из дома вышел он.

В рёве поздних мотоциклов,
в блеске сварки и в дыму,
сказка города возникла
и направилась к нему.

Подступила, обступила,
стала с каждой стороны,
тишину шутя разбила,
поломала чьи-то сны.

Где бензиново и горько,
кукушонок, - ты к чему?
Круг ветвей да листьев горстка
лишь оставлены ему.

Что бетоном и железом
от родных своих начал –
от лесов и вод – отрезан,
понял он. И закричал.

Городской тревожной ночью
он завёл своё «ку-ку»,
долголетия всем пророча,
зла не помня на веку.

* * *

На сорок первом километре
за городской чертой
смолой сосновой пахнут ветры,
чащобою лесной.

На сорок третьем, за овражком,
земля черным-черна.
Там запах сева - тёплых пашен
и хлебного зерна.

И, только выйдешь на пригорок, -
уже стена видна:
на сорок пятом – новый город,
строений белизна.

Повсюду солнечно. Заметно
дни летние взошли.
О, дорогие километры
моей земли!

Волнующий март

1. Снег вместе с дымом сядет на растениях,
покроет корни грязью, как золой,
и март, закоренелый неврастеник,
замечется, издёрганный и злой,
вертась на скамьях – мебели громоздкой, -
беспутным поведением доводя
до головокружения подростков,
мечтателей, влюблённых и бродяг...

2. В канун волнующего марта
поверх равнины нашей снежной
географическая карта
была раскинута небрежно.

Задуло. Виделось: чудесно
все части карты вырастали.
Кустарники – массивом леса,

хребтами – холмики предстали.

Сильнее дуло. Всё стиралось.
Потоки снежные летели.
И карта вся – такая жалость! –
полуразрушена метелью.

Лишь серыми на белом снеге
детали бывшей карты жили:
струились тропы, словно реки,
в местах, где люди проходили.

3. Волнение – начало марта.
И мальчик, враз вошедший в силу,
внезапно ощутит, что парта
его движения стеснила.

Соседка – кто она? Подруга?
Коричневым обтянут локоть.
Он заострённый или круглый?
Так хочется его потрогать!

Взор мальчика – не безмятежный.
Во рту вдруг делается сухо.
Он видит щёку, глаз и нежный,
чуть напряженный контур уха.

Урок подобно году тянется.
Рот мальчика полуоткрыт.
Учитель о каких-то тангенсах
вдали кому-то говорит.

4. Учитель далеко не молод.
Учитель мудр.
Всё отдано. Отнимет школа
остаток утр.

И вечеров остаток – тоже,
остаток дней.
Да разве жить учитель сможет
без службы ей?

Вот перед ним сияют лица:
то из-за парт
волнение светлое струится.
Будь вечен, март!

5. Заканчивался месяц трудно.
Из каждой рытвины и щели
тянулся резко и простудно
сырым дыханием метели.

Детсадников без шуб и ш`арфов
гулять пока не выпускали.
А эти – вечно им так жарко! –
сосульки, чтобы грызть, искали.

Детсадники, сойдясь, упрямы.
- Как можно лёд лизать? А горло?! –
Обеспокоенные мамы
разводят их скорей проворно.

Лучи закатные блеснули.
О, мамы, вы не победили!
Морковки розовых сосуллек
к себе детсадников манили.

.....

Начало странствия

За городом через гудрон
брели с гусятами гусыни,
скользили тополя по глине,
то по двое, то вчетвером,
и отливали серебром
узорные кусты полыни.

Там ветер шёлковый свистел,
и мятную прохладу гнал,
и от автобусов порожних,
легко летящих, лес бежал,
и попадал под самосвал
неосторожный подорожник.

Там телеграфные столбы
коса, сверкая, огибала.
И переменою судьбы
там пахло странствия начало,
Грузовиков сияли лбы.
Рука шла вверх, меня вздымала.

Спокойный парень тормозил,
держал в узде железный ЗИЛ,
зелёный, будто этот лес,
зелёный, будто свет с небес.
Я, помнится, в кабину лез.
Я, помнится, благодарил.

И, словно время, от стекла
кругом трава текла, текла.

Над откосом

Зелёный тополь, жёлтая берёза,
багровый клён, оранжевый ранет –
всё это вместе стынет над откосом
и ждёт, когда поднимется рассвет.

Всё это вместе – существо живое,
рождённое от поля и тепла.
Проснулось.
И вздымает над собою
зажжённые, цветные факела.

И слушает.
Река течёт чуть слышно,
кричит сорока, бьётся стрекоза.

И смотрит.
Поднимается всё выше
по небу зоревая полоса...

Деревья ждут событий на рассвете:
ведь где-то небеса уже штормят.
Всё правильно.
Сейчас начнётся ветер,
и листья друг о друга загремят.

Дождь в августе

Вся улица была дождя полна –
от круглых туч до луж под востоком,
от сизых тополей до тёмного окна –
а дождь к тому окну прижался боком.

Кто добегал, ступали в тесноту
под крышей серебристой. Жались к дому,
и отдыхали, будто на мосту
из гула в тишь, от мокрого к сухому.

Был вид щенка промокнутого смешон,
но и плачевен всё ж: вот-вот простынет.
Рвалась вода. Шёл мимо капюшон,
и плащик пробегал, прозрачный, синий...

В объятьях листопада

Выбрасывает сети листопад –
чем дальше в осень, тем неудержимей.
И ветер, что летит на перехват,
в их пестроту, в захлёб играет ими.

Объята листопадом вся земля:
 пролёт моста, узорная ограда,
 где, потускнелым золотом пыля,
 несутся колесницы листопада.

В тяжёлом очертании плаща,
 большая, настигаемая птица,
 ты бьёшься там, крылами трепеща,
 спеша в моих объятьях очутиться.

До встречи, как до снега, далеко,
 как до того последнего кочевья,
 когда шагнут за белое окно
 из листопада белые деревья.

Воспринимаемая осень...

Стояли ночи тихих листопадов.
 Молчали ночи неподвижных рек.
 Тепло застыло. И, не предугадан, -
 сказали мне, – внезапно выпал снег.

Наш век отвык от шуток беспричинных.
 Ну кто, скажите, к снегу был готов?
 И нежные кинжальчики снежинок
 не дотянулись до усталых лбов.

И хорошо. В ту пору скульптор высек
 в абстрактном камне голову змеи.
 И досмотрел, не отвлекаясь, физик
 распады исступлённые свои.

Врач долечил. Не видел пекарь, что там.
 У них дела. Снежинки не для них.
 Проспал снежок измученный отчётом,
 а так вполне внимательный лесник.

Воспринимаемая осень, как утрату
 очередного лета навсегда,
 я звал тот зыбкий холод многократно,
 а выпал снег, - и я не знал, когда.

У чёрных стёкол девочка стояла
 и слушала на странном рубеже
 шуршание узорчатых кристаллов,
 летевших мимо спящих этажей.

Она проснулась, бедная. Ей было
 ознобно, жутковато. Но она
 терпела. Никого не разбудила:
 не отпугнуть бы чудо от окна!..

* * *

Зашлись в последнем свисте
у осени в руках
осиновые листья
на длинных черенках.

И, вырвавшись из лета
на солнечный сквозняк,
торжественно и медно
рокочет березняк.

Отточенные льдинки,
звонящие в пути, -
от лиственниц хвоинки
торопятся уйти.

Мне слышится их пение:
- К зиме! К зиме! К зиме!
И громче их падения
нет звука на земле.

Охапками раннего снега

Уж листьев не стало зелёных,
и осень берётся всерьёз:
вон красные фартуки клёнов
и жёлтые платья берёз.

Стоят тополиные толпы,
на ветер кидая листву.
Тревожно, пестро, неудобно
я в мире осеннем живу.

А время заботы и бега
всё крутит своё колесо.
Охапками раннего снега
моё осыпает лицо.

День гона

В то утро пришли холода.
Заря поднималась седою.
Пластины зелёного льда –
в реке над студёной водою.

Осину согнуло в дугу.
Берёзовый колок прозрачен.
День гона в сосновом кругу
звериной тропой обозначен.

Покинутый берег вдали

свинцом к небосводу припаян.
И женщина с края земли
по белым пригоркам ступает.

Она ещё стужи не ждёт,
вокруг с изумлением глядя.
То лапу сосны отведёт,
то ствол тополиный погладит.

Весеннее время прошло,
Растаяли краски восхода.
Её молодое тепло
бездумно вбирает природа.

От этого станет теплей.
Нас день обогреет, как пламя.
Неведомо женщине: ей
уйти суждено с холодами.

Снегирь

В белом кружеве из веток,
наверху,
стынет капелька рассвета
на снегу.

Нынче стужи надоели,
холод лют.
Но морозы и метели
не берут!

Свет и темь – проходят сутки.
Но заря
ночь и день горит на грудке
снегиря.

Метелица

Метелица
позёмкой стелется.
Метелица
поверху кружится.
Хороша метелица –
вся в белом,
в белом кружевце!

Легкая, летает.
Быстрая, танцует.
Тропки задувает,
на твоих ресницах тает.
Ветер дует!

Путь метелицы недолог:
 только солнце заслонила,
 только силу накопила,
 и уже легла у ёлок –
 утомилась.
 Уходилась.
 Белы рученьки сложила,
 отлетала, откружила
 и угомонилась.

Метелица
 больше по снегу не стелется?
 А где теперь метелица?
 Снег лежит на крышах
 неподвижно.
 По горе всё выше
 взбирается лыжник.

Снег в лесу нехожен.
 Снег в лесу уложен
 на сучки валёжин.

Метелицыно
 стихло весельице.
 До поры, до времени,
 до света ли, до темени
 прилегла метелица.
 Ой, до поры, до времени!
 Ой, задует лихо!
 Скучно без метелицы – тихо.

* * *

Кто там – за отсветом зеленым
 окна, горящего в ноч`и?
 Кричит хворающий ребёнок?
 Машинка швейная стучит?

Кому не спится лунной ночью?
 Навряд ли это звездочёт.
 Скорей какой-нибудь заочник,
 которого прижал зачёт.

Быть может, это – летописец.
 И, презирая сладкий сон,
 скрипит пером,
 контакты близит –
 от нас до будущих времён.

* * *

Ну что же, снег, пади, завейся
 под ветром, в утреннюю рань,

сплошной белой завесой
над необъятным полем встань!

И падай, падай мне на плечи,
коль время этому пришло.
Лети ко мне, неси навстречу
своё особое тепло.

Над крутизной, над тем откосом,
где должен смолкнуть человек,
я стану в ряд берёз и сосен
и поклонюсь тебе, мой снег.

Всё пролетит и пронесётся,
и ты, истаешь, снег, в огне,
сойдёшь. И снова встанет солнце,
бессмертное, в голубизне.

Из тетради «Мой день»

1.

*Вот листья первые – светлы
и нежнозелены, и редки.
Спускались в озеро стволы
и опрокидывались ветки.*

*Весь воздух тополем пропах.
К прохладе жёлтенькая птица
бежит на тоненьких ногах.
Всё это длится, длится, длится...*

*Вся эта
жизнь в расцвете дня
течёт, течёт, течёт в меня.*

*День в бесконечность вознесён.
Прониклись солнечностью краски.
Сквозит бессмертие во всём
и вечность материнской ласки.*

2.

Кругом зелёная земля.
Иду среди зелёных башен.
Кругловершинны сосны наши
и островерхи тополя.

Берёз серёжки – навесу.
 Не здесь ли место райских кущ?
 Деревьям дух любви присущ.
 Я к ним любовь в себе несу.

Вот под ладонью ветерка
 волнисто выгнулась река.

Вот птица вскрикнула негромко.
 Она невиданно легка.

Нашли на солнце облака –
 серебряно сверкнула кромка.

3.

Обманным спокойствие было.
 В траве уже ветер гудел.
 Судёнышко синее плыло
 по серой, неровной воде.

И, тучами небо объяв,
 вода из себя выступала,
 вода над собою вставала
 и брызгами била в себя.

Судёнышку – плыть. Никуда
 его не
 отпустит вода.

Спокойствие было непрочным.
 И вот – понесло, понесло!
 И взмахом, спокойным и точным,
 над бурей взлетало весло.

3.

Спешу (успеть бы до дождя!),
 где простирается упруго,
 за горизонт переходя,
 холмов покатая округлость.

Мне ощутить сполна дано,
 сколь уязвима и ранима
 вот эта нежная равнина,
 чьё лоно зеленью полно.

Посев и пашню может взрезать,
 взорвать недоброе железо.
 Равнине можно сделать больно.

Но, вероломности не ждя,
 она лежит легко и вольно,
 за горизонт переходя.

4.

В облаках мои мысли и чувства.

Облака,
если видеть их снизу,
многослойно лежат, даже густо,
но тебя, куда хочешь, пропустят
облака, если видеть их снизу:
каждый облак их солнцем пронизан.

Облака,
если видеть их сверху,
ни окно не откроют, ни дверку.

Облака,
если видеть их сверху, -
точно щит ледяной,
точно пики,
что его проросли,
точно стрелы,
наготове, сверкающе белые.

Над землёю заслоном великим
облака,
если видеть их сверху.

5.

Весь в жёлтом, велосипедист
непостижимо осторожно
спускался майским утром вниз,
к реке, песчаною дорожкой.

Тогда не все ещё цветы
из-под земли шагнули к людям.
Желтели около воды
лишь одуванчики да лютик.

Травы, тем более колосьев,
день созревания далёк.
Но неизбежность желтизны
и полный робости ездок –
не здесь ли посреди весны
себя являющая осень?

6.

Ты помнишь, милая, тот день,
с травой на шёлковой поляне,
тот безмятежный майский день
с черёмухой и тополями?

Тот день, без всякой маеты,

где получалось всё мгновенно,
что ни задумал бы. А ты
смеялась так самозабвенно.

Под ним давно прошла черта
забот, без вызова стучащих,
хлопот, спокойствие точащих, –
без них и жизнь была б пуста.

А тот был день – без них летящий.
Но вспоминай его почаще.

8.

Мой мир, дай мне стать твоим ухом и глазом!
О, тело моё, дай мне силу и голос!
О, годы мои, укрепите мой разум!
Согрей меня, солнце, как греешь ты колос!

Могучие сосны, меня осените!
Святые берёзы, меня вдохновите!
Спокойствие дайте, равнины и горы,
и ясности – реки, моря и озёра!

Прошу небеса: - Научите полёту!
О мощи взываю я к недрам глубинным.
Я к людям иду – к их страстям благородным.
Быть счастьем моим я прошу у любимой.

Позволь мне, земля моя, снова и снова
к тебе обратиться благодарное слово!

9.

Тускнеющий шар в тополя опустился.
У ног тополей незабудки цвели.
Вдоль берега речки тихонько катился
табун лошадей в красноватой пыли.

Над лесом и лугом дымила труба.
Повсюду ажурных опор силуэты.
Деревья и лошади, ваша судьба
безвестна.
Но песенка ваша не спета,
ещё не допета, совсем не пропета.

Я с другом.
О связи времён размышляем,
стоим в голубой изначальности этой...
Да, мы ещё столького в жизни не знаем.
И сами-то мы – только искорки света.
Но эта земля да пребудет нам раем!

10.

Как дуло нынче!
 Может статья –
 барашки волн взметнуло ветром,
 взмело в к черёмуховым веткам
 и там оставило метаться.

Возможно, всё наоборот:
 мело охапками черёмух,
 несло по верху волн огромных,
 возможно, – кто там разберёт?

Что ж, ветер, усложняй цветенье –
 в один кипящий шар весенний
 волну с черёмухой вяжи!

Как дуло!..
 Хоть бы на мгновенье,
 как мне унять моё смятенье, -
 коль можешь, ветер, то скажи!

11.

Подобно льющейся воде,
 что вдаль с журчанием стремится,
 в ночной неплотной темноте
 мне не даёт забыться птица.

Её притягивает дом:
 здесь будто птицы, а не люди.
 И, за светлеющим окном
 свистя, тревожит всё и будит.

Мне как-то кто-то говорил:
 так слышать птицу – быть дороге.
 Ещё я столько не открыл,
 не написал такие строки!..

Сейчас бы встать и к ней шагнуть.
 Но боязно её спугнуть.

12.

Мне мальчик однажды описывал ветер –
 не силу, не запах его, а движенье.

Всё было обычно, и вдруг этот ветер
 неслышно подкрался к играющим детям,
 и в круглом бассейне сломал отраженья.

- А после по травке
 и жёлтым листочкам, -
 рассказывал мальчик, - посыпал песочком.
 А после в деревья ушёл и остался,
 и в листьях и ветках метался, метался.

Не дождь и не солнце. Но что-то непрочно.
 Детей увели, но не пилось, не елось,
 а что-то томило, чего-то хотелось.

И мальчик две чашки разбил (не нарочно!)
 Он сам мне рассказывал. Думаю, точно.

13.

Красное лето видн`о.

В жаркой полуденной пыли
 красные автомобили
 ехали солнцу вдогон.

Вот деревцо молодое:
 бьётся зелёный огонь
 на многопалой ладони.

Лето – ликующий сад!

Пятые сутки подряд
 движет деревьями ветер.

Зелено листья сгорят.
 В жёлтый уйдут листопад,
 напоминая о лете.

14.

Этот город по-новому строится.
 Он
 ветром утренним весь напоён.
 Здесь машины и краны везде.
 Но, как прежде,
 в этом городе много скворешен.

Установлены домики в разных местах:
 на любовно хранимых воротах старинных,
 на высоких и узких шестах,
 возле крыш,
 на стволах тополиных.

А в садах, где аллеи и клумбы,
 на полянах
 скворчиные клубы.

Днём и ночью мятеж голосов.
 Хорошо, хорошо здесь живётся.
 Если слушают люди скворцов,
 это значит, и людям поётся.

15.

Опять испытания. Снова мне трудно...

Стою на земле. Небеса надо мной.
Нет, силы мои не иссякнут, покуда
зелёной листвы шелестящее чудо
встаёт надо мной.

Стихии и с ним поступают сурово.
Но дерево к вечности тянется ввысь.
Мне трудно сегодня. Но слышится снова
призыв:
- Не согнись!

Под синью родных неоглядных небес
немало чудес...

Захвачен я мощью древесного гуда.
И, если одно только дерево – чудо,
то с чем же тогда мне сравнить этот лес?..

16.

Вечерело.
К горизонту
шли зелёные лога.
Над землёй широким фронтом
раздвигались облака.

И, таинственно и грозно,
меднолики и остры,
вдалеке стояли сосны,
как татарские шатры.

Стало смутно.
Стало строго.
Но по-прежнему ясна,
мне берёзового строя
прямызна и белизна.

Вечерело.
Было время
на разделе света с тьмью.

17.

Во сне я слышал скрип тележный
и ржание, и стук копыт.
И я возрадовался, грешный,
услышав этот древний быт,

с его ямщицкою тоскою
и грустной песней при кострах,
и даже с вором, для разбоя
пришедшим с кистенем в овраг.

Но разве лошади будили?
Ревел поток грузовиков.
Они с телег переложили
себе на плечи груз веков.

И над Землёю поднимался
далёкий, книжный образ Марса.

18.

Мгновения летят.
Полуденное время.
Тихонько шелестят
кругом меня деревья.

И видно далеко –
и местности, и сроки.
Мне мирно и легко
в большой моей дороге.

Нетрудный льётся зной.
Глаза полузакрыты..
И виден Шар Земной
и вся его орбита.
Земля моя со мной
так неразрывно слита.

19.

С воды следили за
размеренным мельканьем:
неслись через леса
платформы с дробным камнем.

Как будто на весу
по мостику скользили.
А далеко внизу
мы жили без усилий:

я вёсла положил,
мой друг разлёгся в лодке.

А кто-то трудно жил:
имелся график чёткий,
возили дробный камень...

Так высоко над нами!

20.

Ещё не ливень. Первые дождевики
слегка дорогу белую пятнают,
летят на золотые волосинки
и на твоих щеках, как льдинки, тают.

День синий-синий надвое распался:
по небу полосой тучи мчатся.
И, нежностью наполненные, пальцы
вдруг на руку мне трепетно ложатся.

И мы бежим. Как будто ищем остров,
где ветру и дождю не будет власти.
Смеёшься ты. Нам радостно и просто –
рука в руке – скрываться от ненастья.

А тени всё полней. И ветерок всё круче.
И блекнет синева: там разбухают тучи.

21.

Ну, здравствуй, домик-крошка –
игрушечная печка,
два солнечных окошка,
да тополь у крылечка.

Спасибо, что позволил
иллюзии продлиться:
как в юности, застолье,
как в молодости, лица.

Здесь до утра, до света,
кричат, перебивают:
два пожилых поэта
стихи переживают.

Не всё, должно быть, спето.
Затишье в бурях. Лето.

22.

Простор. Берёзы полукругом,
да тополя.
Над жёлтым лугом,
над полем коршуны парят.

Четыре лиственницы, в ряд,
шумят ветвями.

В них поют
разноголоса птицы.

Тут,
меж зелени и синевы,
мир созреванием повит,
и запах листьев и травы
меня, уставшего, живит.

Приходит вечер.

Солнце село
за краем дальнего посева.

На прочных стеблях зреют зёрна.
Тепло.
 Задумчиво.
 Просторно.

23.

Мне некогда. Всё время
я вдумываюсь в землю.

Чтоб глубины достигнуть,
я ввинчиваюсь в шахты.
Живу Землёю: жадно
вгрызаюсь в хлеб и в книги.

От солнца взор мой слепнет.
И ветер, сердце рвущий,
меня сбивает с кручи.
Но вглядываюсь в небо!

Ко мне, разнообразны,
все таинства сбежались.
Таинственно и страстно
я с женщиной сближаюсь.

24.

Шесть дней собиралась гроза.
Природа на солнечных землях
творила свои чудеса:
сначала забросила семя,

пробила сквозь толщу ростки.
По всем нашим солнечным землям,
до самой глухой борозды,
копила и наполнила зелень.

Шесть дней – всё дарить и дарить!
Природа устала творить,
и меркли посевы от зноя.

Но жизнь обновленья ждала.
И грянуло утро седьмое.
И молния небо сожгла.

25.

Вот облако – серебряной подковой
по небу просветлённому скользит.
Через него тепло и незнакомо
не солнце ли, не счастье ли сквозит?

На небе и земле всё достижимо.
Откуда этот свет? Непостижимо!

Откуда эти птицы голубые
и травы, золотистые от зноя,
и женщина прекрасная со мною?
Её ещё так сильно не любил я!

Сегодня день – для счастья и добра,
для жизни, неразм`ененной и новой.
День, что коснулся светом серебра
и сотворил из облака подкову.

26.

Густеет темнота
над сизым летним полем.
Мне грозно... Немота...
А, может быть, я болен?

Мне мнятся кандалы
и красные рубахи,
и впадина скулы,
прижатой к чёрной плахе.

Затиснутый в толпу,
что всех морей бездонней,
стою, прижав ко лбу
горящие ладони.

И, будоража город,
петух орёт с забора.

27.

За элеватором, за соснами
и за крылами голубиными,
за горизонтом светлорозовым
меня с дороги ждёт любимая.

Звезда святая, незакатная,
тебе сегодня скажут голуби,
что приплыву на белом катере
иль прилечу на синем облаке.

Промчится серый волк неведомый
со мной. И ринется вдогон ему
вся магистраль с велосипедами,
автобусами и фургонами.

Но нет! Меня не перегонишь.
Приду к тебе – слезу уронишь...

28.

Вода холодными руками
легко разламывала берег.
И дерево – маяк с крылами,

в тяжёлой зелени, как в перьях,
пошло от неба и от леса –
так почва грозно оседала!

Стекало дерево отвесно.
Я видел: дерево страдало.

Вода – последняя граница.
Но шаг к измене – измениться!

Оно стремилось продолжаться –
гудеть под ветром, пахнуть пряно,
светить уверенно и прямо
и в небо солнечное рваться.

29.

От неба взор не оторву –
такая синяя погода!

По лету облаком плыву –
над этой рощицей кудлатой,
над жёлтой кручею покатою,
над жёлтым берегом крылатым,
над этим ласковым закатом, -
по лету облаком плыву.

Ушёл от накипи наносной,
гляжу на травы и на сосны –
по лету облаком плыву!

И, бесконечно дорога,
в душе рождается строка.

30.

Ночью молнии били в леса,
рвал на части огонь поднебесье.
Рухнул ливень – иссякла гроза,
и откуда-то выплыла песня.

Неожиданно всё на земле:
в петухах наше утро, как в трубах,
и сосна – на зелёном столе
обтекаемый воздухом кубок.

Всё свежо. Проторённости нет.
Смерть – росинкой над полем разбиться...
Неожиданны женщины – солнечный свет
засмутил их волшебные лица.

Каждый день, каждый час, каждый миг
неожиданна ты среди них.

31.

Переступало облако в листву.
 Листва по веткам плавно опускалась.
 Перетекало дерево в траву.
 Трава с водой задумчивой смыкалась.

Но и воде не виделось конца:
 где голубое утро занималось,
 и где была песчаная коса,
 вода тихонько в небо поднималась.

Мир так велик в своей прозрачной рани:
 не различить ни берега, ни грани!

Сквозь непомерно рослые леса,
 в неповторимо ясном мирозданье,
 текли твои, любимая, глаза,
 твоё струилось, нежная, дыханье.

32.

В июле за сосновым гребнем
 гуляет ветер по холму.
 Стоит, открытая ему,
 в цветах и зелени деревня.

Свежо в деревне день-деньской, -
 гуляет ветер молодой,
 летит упругою волной,
 в окно открытое крадётся.
 И пахнет в улицах смолой,
 шиповником и свежим тёсом.

Внезапно мне тревожно стало, -
 не ветер в тополе шумел:
 вдали ударила гитара
 и голос девичий запел.

33.

Школьный сторож белой краской
 красит парты во дворе.
 Он в рубахе распояской.

Крутит кисточкой в ведре,
 отряхнёт её небрежно,
 медленно вздохнёт
 и мазок наносит – нежно
 кисточкой ведёт.

Рядом мальчик – помогает:
 сказку дедушке читает.

Парты выкрашены чисто,

Жарко сторожу, он бос.
 ...Самому ему учиться
 в школе не пришлось.

34.

Туманы августа настали.
 Они врасплох меня застали.

Ещё я весь такой, как прежде,
 ещё я весь во власти лета.
 И просыпаюсь, лишь забрезжит,
 и жду горячего рассвета.

А всё – не так. Другое что-то
 по тропам волчьим и по лисьим
 течёт в осины от болота,
 и капельки стучат по листьям.

И я вдыхаю эту сырость,
 осваиваюсь в белизне.
 И ощущаю вдруг, что вырос,
 и что-то снежное во мне.

35.

Рубиновый августа день.
 Берёзы на дальнем пригорке.
 Недвижная коршуна тень.
 Что видит он, хищный и зоркий?

На ветках, вблизи и вдали,
 тяжёлые яблоки зрели.
 Подсолнухи в поле цвели.
 И белые ласточки пели.

По зарослям ивы и тала
 прохладное лето стояло,
 в зелёные дудки трубя.
 И счастье меня наполняло.
 И не было только тебя.
 Так больно тебя не хватало.

36.

Утро. Лодочка-долблёнка.
 Мостик через речку.
 На песке сидит мальчонка,
 лепит человечка.

День родившийся приблизил
 к сердцу небеса.
 На берёзовые листья
 выпала роса.

Знобких капель полон лес,
в каждой – что-то от небес.

Ты уехала отсюда,
а чего-то жду.
Не могу без чуда.
Правда, не могу.

37.

Миг сумрака возник
у старого погоста:
малиновых гвоздик
свернувшиеся звёзды.

Гроза ко мне гнала
от пасмурных деревьев
вороньего крыла
холодный, шумный трепет.

До нынешних мостов
увидел я ступени
из мёртвых городов,
от прошлых поколений...

Тут озорной бельчишка
швырнул на землю шишку.

38.

Пал первый снег в начале октября.
Дул резкий ветер, листья теребя.
Ресницы побелели у тебя.
Мы шли и шли, о чём-то говоря
сквозь тополиный пёстрый коридор.

Почти не помню этот разговор.
А помню лишь, как быстро сад пустел,
и твой каблук по лужицам хрустел,
и листья замерзали на лету,
качались, будто лодочки на льду.

Был шорох слов – не нужные слова.
Да мало ль я ненужных слов знавал!
И всё горело из последних сил.
А снег огни уверенно гасил.

39.

Утрами зори февраля
ещё томительно туманны.
Берёзы, вербы, тополя
стоят в задумчивости странной.
Но замечаю непрестанно –
она изменчива, земля.

Ещё снега до синевы,
до смутной сумрачности б`елы.
И пробуждение листвы –
ещё не завтрашнее дело.

Однако ход весны упрям.
Восходят жизненные соки
по набухающим стволам
к вершинам, светлым и высоким.

40.

Пойду во двор с лопатой, чтобы
не выросли в мой рост сугробы.

И – словно чашу света выпил:
земля прекрасна и строга.
За первым снегом новый выпал,
а там ещё, ещё снега.

И стало жить ясней и проще.
Морщины прочь гоню со лба.
Передо мною в ближней роще
легла заветная тропа.

Сквозь неподвижные деревья
тропа стремится спокойный ход,
проходит по стихотворенью
и дальше, вечная, течёт.

41.

Стихи не шли на ум полгода.
Так отрывали от стола
то нездоровье, то погода,
то посторонние дела.

С людьми встречался постоянно,
хотя б какой-нибудь отбор! –
не человек, а постоялый,
людей приветствующий двор!

Но понемногу зрела сила,
отодвигались пустяки.
Всё то, что просто жизнью было,
готовилось войти в стихи.

...Стихи, придя подобно буре,
враждебны спеси и халтуре.

42.

Вниз по склону – ветерок.
Листья клёна, сена стог.

Прелесть давней детской сказки –
 утра солнечного краски.
 Там, где крепкий подорожник
 и седые топольки,
 ходит с папками художник,
 мудро смотрит сквозь очки.

Вон осинка покраснела.
 Вон травинка поскущела.

Он в карман – как в патронташ.
 Ищет жёлтый карандаш.

43.

Птица ворон – уголёк.
 Птица гоголь – белый бок.
 Лес берёзовый гудит.
 Север стаями летит.

Топит печи всё село.
 Север дышит тяжело.
 Гонит в озере волну.
 В листья гонит желтизну.

В пятнах серых небосклон.
 Снежно веет за селом.
 В острой изморози дом.
 Столько Севера кругом!

А я улетаю на Север в 17.
 И птицам за мной не угнаться...

44.

Всё просторнее осень – всё плоче
 и прозрачнее кроны берёз.
 И уже от пустеющей рощи
 далеко отодвинулся плёс.

И заброшенно в ивах, и знобко.
 И звенит листопад над Сосновкой.

И за стаей усталая стая,
 обнимая крылами простор,
 в синих пустошах изнемогая,
 долетают до наших озёр.

Перед полночью ветер услышат, -
 и покинут недолгий приют.
 Грустно глянув на дымные крыши,
 снова лето на юг понесут.

45.

Всё больше не закруглено,
не слито в зелени массивной.
В берёзах – жёлтое окно.
И видно каждую лесину.

Разорван ветром тополь мой –
и тополь более не прочен.
Он весь – как старое письмо,
летят оранжевые клочья.

Он так от зелени устал,
мой тополь, – столько серых веток.
... А я письмо не дочитал,
и нет уже ни строчки лета!

В письме печаль.
И мне так жаль...

46.

Передо мной – деревья и цветы.
Вокруг меня – животные и птицы.
Я отрешён от всякой суеты.
Мне никуда не нужно торопиться.

Ни толкотни, ни гама – только лес,
отрада безмятежного цветенья.
И в голубом сиянии небес
отсутствуют пугающие тени.

И лишь одно сомненье начеку:
найду, возможно, истину – сумею,
но написать об этом не смогу,
и рассказать про это не успею.

... Прохожий вдруг споткнулся на бегу.
Поддержки ждёт. И я оберегу.

47.

Не спеши уйти. Повремени!..
Обступили серые огни
каменную ленточку перрона.

Ходят тучи п`о небу неровно.
Мелкий дождик пахнет чем-то пресным.
Потускнели матовые рельсы.

Дождь сильней и земли – безответней.
Чувствую пылающей щекою:
пролетел, толкнув меня, последний
листик остывающего поля.

Потянуло грустью и зимою.
 Наш перрончик лета не хранит...
 Может, поезд твой повременит?
 Молодость, побудь ещё со мною!..

1970 - 1972

48. Не здесь ли место райских кущ?..

Ах, кущи райские – не те же!..
 Вдоль поля нынче пни торчат,
 над речкой строятся коттеджи,
 плывёт автомобильный чад.

Не зреет сладкая рассада
 на остывающей земле.
 Уснула Фея дендросада
 на хирургическом столе.

И Маг ушёл, что, помню, дряблых
 людей с печалью привечал,
 и что шарами смачных яблок,
 с ветвей снимая, угощал.

Но почему же так влекущ
 иссякший облик райских кущ?..

2009

Из тетради « Космический зов»

Земля

*Она не казалась даже звездой
 рождённым вдали от неё.
 Она была для них только той,
 что имя дала своё.*

*Они не видали её полян:
 ведь годы путей и плата смертей
 от неё отделяли землян,
 рассеянных в пустоте.*

*Однако в кругах разнородных систем
 ракет направляя полёт,
 они были счастливы только тем,
 что где-то Земля их ждёт.*

Астрономическая баллада

Сквозь дали звёздные летела,
к мирам чужим устремлена,
к их принимающим системам
земная радиоволна.

Кто ждал вдали её? Волна же,
что вдаль Галактикою шла,
являлась средством для зондажа
и информацию несла.

В горах, старея постепенно,
уже которую весну
жил человек, путём Вселенной
пославший радиоволну.

И, напрягая чуткий разум,
ночами, глядя ввысь, стоял:
её, невидимую глазом,
он, как живую, представлял.

Так мыслил: всюду одинаков —
здесь, на Земле, в мирах чужих,
математического знака —
числа и символа — язык.

И вот, об этом также зная,
в другом созвездии — мечтал —
Цивилизация иная
воспримет верно наш сигнал.

Земле — открывшемуся другу —
в пространстве мировом тогда
свою космическую руку
протянет дальняя звезда.

Десятки лет прошли в дороге.
Мерцали звёзды-маяки.
Но человеческие сроки,
увы, предельно коротк`и.

Всё те же горы, звёзды те же,
деревья, птицы и трава.
Но человек, что жил в надежде,
сказал последние слова,
слова прощального ночлега:

«Я не проснусь, когда усну.
Но где-то трудится коллега,
принявший радиоволну.
Сидит, разменивая годы,
сутуля плечи над столом.

Ответ готовит – ищет коды –
инопланетный астроном.

Я жил не зря. Я твёрдо знаю
бессонным знанием земным:
вдохновлена душа чужая
сердцебинием моим».

Инопланетяне

К ним трассы нету. Рано, рано...
Но разум время обогнал.
Недавно к инопланетянам
направлен радиосигнал.

И будет двигаться годами,
нестись во тьме десятки лет,
и будет внуками, не нами
получен и прочтён ответ.

Какой – развёрнутый иль куцый?
А если вдруг поступит к нам
совет насмешливый – заткнуться
и не звонить по пустякам?

Мол, «успокойтесь вы, земные.
Куда вам, вы не доросли.
В иных Галактиках иные
миры значительней Земли.

А вас на части разложили
и в уравнение ввели.
Вы живы? Просто не решили,
куда девать людей Земли.

Поодиночке или скопом
забрать вас? Ночью или днём?
Куда вас деть? Под микроскопы?
В каменоломню? В гастроном?

Мешает, как это ни странно,
решенье нынче получить
обилие непостоянных,
необъяснимых величин.

Зачем гомеровские струны?
За что на яростной заре
сгорел монах Джордано Бруно
на инквизиторском костре?

А, впрочем, это всё неважно.
Когда-нибудь под выходной

или в рабочий день однажды
мы поглотим ваш Шар земной».

... Как жить Земле со знанием этим?
Науке надо б не спешить:
сиди себе по кабинетам
и леденец соси в тиши.

Нет – прыгнули в кипящий кратер!
А кто-то ведь предупреждал:
учёные, переиграйте,
не шлите радиосигнал!

Но зря... Из пламени, гортанно:
- Пора! Пора! Пора! Пора! –
монах мятежный фра Джордано
взывает к вечности с костра.

Пятьсот столетий

Подумайте, ну, что такого,
что на неведомой планете
прошли,
хотя бы и толково,
каких-нибудь пятьсот столетий?!

Хотя б разумным было это,
не зря потраченное время, -
что значит малая планета
в какой-то Солнечной Системе?!

Ведь в Космосе, всегда объятom,
извечно полном жаждой странствий,
сама планета – только атом,
частица в мировом пространстве.

В круговращенье непреклонном
времён, материи, движенья
она подчинена законам,
она – во власти тяготенья.

Она – как все. Но вас интересует,
что, не забыв свою обитель,
между созвездьями кочует
её дитя, хозяин, житель.

Путиами Млечными всё дальше
он мчится, жаждущий победы,
враг нетерпимости и фальши,
носитель солнечного света.

Дубами стали, стали силой

у дальних звёзд земные ветки.
Кругом – его сады, могилы
и станции его разведки.

Кругом он сам. И что-то значат
прошедшие на той планете
любовь, походы, неудачи,
вмещённые в пятьсот столетий.

Баллада об умирающем человеке

От Земли отделённый годами пути,
схоронивший друзей и жену,
и без радио - пленный, -
человек не стонал, не шумел, не шутил,
человек умирал во Вселенной.

Он давно уже улиц Земли не видал,
позабыл её воздух, что пахнет туманом,
без него столько лет билось море у скал,
воскресали и никли платаны.

Он всю юность провёл вдалеке от земли,
возмужал и состарился в астроширотах.
Их теперь борода рассекает, как клин:
человеческий век так кор`оток.

Он сидел среди груд расписаний и книг,
среди мёртвых приборов и пройденных лоций,
и глядел в темноту.
И представил старик,
будто где-то горячее льётся,
будто сброшен с ракеты сверкающий трап,
и, взобравшись по этому трапу,
над морями приветственно поднятых шляп
сын его поднимает шляпу.

Умирал человек в стороне от светил,
ощутил пустоту в холодеющих пальцах,
улыбнулся слегка, словно благословил
на открытия новых скитальцев.

Мечты в межпланетных походах

Однажды мы бросим скафандры к порогу
и скажем уверенно веское: «Хватит! –
Пусть кто-то другой соберётся в дорогу,
и, может быть, жизнью за это заплатит.

Пусть кто-то прибегнет к ионной защите,
к жестянкам тугого, холодного мяса,
а мы заслужили покой общежитий,

уют корпусов из стекла и пластмассы.

Смотрите: тела наши раны пятнают,
мы в двадцать два года навек поседели.
Смотрите: и зубы, и волосы тают,
заслужен наш сон в белоснежной постели.

А наши друзья, неподкупные парни,
что нами в песках марсианских зарыты,
не найдены в кратерах лунных коварных, -
они не забыты! Они не забыты!

Ну, что же, теперь наше дело – каминь,
вино, виноград, поцелуи, гитары.
В мехах обогреются зябкие спины,
в киосках пойдут нарасхват мемуары».

Мы силы найдём, соблюдая порядок,
сказать командирам: «Мы очень устали!
И станем опорой, мы станем наградой
подругам, что верно и преданно ждали».

...Вот так вне Земли мы, бывало, мечтали,
Намучась безумно, смертельно ревнуя.
Но начисто мы о таком забывали,
лишь только вступали на почву родную.

Из тетради «Спираль».

Спираль

Поэма представлений

Представление о конце света

*Последний, оглушительный аккорд,
но только завершающий – едва ли.
Мы с вами прибываем в тот же порт,
откуда – было время – отплывали.*

*История – то быт, то суета,
то писк, то стон в автомобильном гаме.
Лишь в счёте добираемся до ста,
она опять мотает нас кругами.*

*Уже в смолище адовой, взхлёб,
доваривает прошлое Европа.
Молотит ахинею губошлёр,
над ним висит кулак питекантропа...*

2017

Представление о семилетнем цикле

Трава зелёная, и листья, прорастая,
под тёплым ветром бьются и дрожат.
Вдруг снег пошёл,
а середина мая,
и я к земле, как осенью, прижат.

2011 - 2017

Представление о восхождении по Спирали

Все времена преобразуются
людьми!
Они во времени сближаются
людьми.
И неуклонно улучшаются
людьми.

О, Шар, обитель наша, сдавленный
у полюсов,
дорогой времени направленный,
как колесо!

И всё мужает с оборотами,
разбег берёт.
Движение бесповоротное –
вперёд, вперёд!

Я сам разомкнутость движения
избрал.
Не круг, не эллипс. Восхождение –
спираль.

На этой звёздной магистрали
который век
наращиваются витки Спирали –
карабкается человек.

Представление о вечноности Времени

Одно звено в сцеплении времён,
мельчайшая частица – наше время.
Пройдём, умрём и растворимся в нём,
в небытие отправясь вместе с теми,

кто был до нас.
В стремительности дней

невосполнимость каждого мгновенья
с годами ощущается ясней,
как новая ступень к исчезновенью..

Так жаждется неумиранья! Но,
во глубине земных цивилизаций
ни одному на свете не дано
ни на одной ступени задержаться.

Смолкают страсти – радость и беда.
Подобно звёздам, люди тихо гаснут.
Лишь Вещи остаются навсегда,
идёт приумножение богатства.

Живут каких-то несколько часов
в бою герои буйных революций.
Навечно остаётся колесо,
наскальные олени остаются.

Срок нашей жизни до предела сжат.
Неумолим бег времени жестокий.
И поколенья вновь и вновь спешат
к источникам, чтоб отыскать истоки.

Представление об архивных источниках

Я рылся в архивах.
Там не было пыли.
Там пели фанфары.
Там маршалы жили.
В землянках бессмертия
зодчие спали.
Ни строки, ни дни
для меня не пропали.

Я рылся в архивах.
Сверкали, горели
пред взором потомка
столбцы непарели.
Не ветер открытья ли
ныне принёс их –
петитные строки
бесчисленных сносок?

Там фронт-фолиант
в старомодной одежке,
как пристань таланта
в изящной обложке.
Там в каждой брошюре,
как в миниатюре, -
то гимны культуре,
то всполохи бури.

Там время спрессовано,
вжато в кассеты:
газеты, газеты,
газеты, газеты...

Весна за весною –
как нива за нивой.
Посев за посевом
вбирают архивы.
Ничто не минует
заветной орбиты.
Архивы – копилки.
Архивы – магниты.

Там каждое время
отмечено метой:
судьбою людскою –
судьбой документов.
Там всё про идущих
за сменой на смену.
Там всё про геройство
и всё про измену.
Про всякую пакость,
про всякое диво.
И даже про то,
как сжигают архивы.

Мечтаем писать
и свежо, и правдиво.
Для брата. Для друга.
Для дня. Для архива.
И где-нибудь в сноске
в петит воплотиться:
Такой-то... Заглавие...
Дата... Страница...

Представление о бессмертии

Надвигается ночь метеорных дождей –
время призрачных клятв эфемерных вождей,
время боли и мужества.
Время, когда
наступает ненастье, приходит беда.

Чей там визг?
Чей там писк?
Чьё там сердце болит?
Пролетает безжалостно синий болид.

Ход гиперболы звёздной и огнен, и крут.
Этой ночью морозной сердечники мрут.
Замерзает во льдах беззащитный рыбец.

Это Космос врывается в ткани сердец.
Излучения льются.
И, как иностранцы,
поднимают мечи на нас протуберанцы.

Берегитесь, Земля!
Набегает на Вас метеор Диомид.
И комета Икейа сквозь солнечный диск
пролетает.
И тает.
Земля, это риск.
Подставляете спину свою и лицо.

Бьются ровно стальные сердца подлецов.
Что им Космос и ночь метеорных дождей?
Вы, Земля, разберётесь в любви и вражде.

Отошли ворот`а у небесных запруд.
Умирает любовь.
Гениальные мрут.
Долгожитель покинет земные поля.
Но бессмертно движение Ваше, Земля.

Полюса.
И экватор.
И вновь полюса.
Вы вращаетесь двадцать четыре часа.
Вы вращаетесь сутки.
Вы движетесь год.
Оборот.
Оборот.
Оборот.
Оборот.

Никогда головы не теряете Вы.
И пока Вы живёте,
мы будем в живых.

Представление о стволе и корне

Уходит в землю корневище
и там по-своему живёт:
вбирает соли, влагу ищет,
всё время двигаясь вперёд.

В отростках-лучиках, дугою
в земной коре свой путь пробив,
оно, белёсое, тугое,
живёт законами глубин.

Движенью нет предела.
Длится

сегодня так же, как вчера.
У корневища цель – пробиться
до планетарного ядра.

О, глубина! В ней столько жара!
Как счастлив тот, кто ею шёл!
Не так ли к солнечному шару
всю жизнь свою стремится ствол?!

В веках завязанное прочно,
несокруσιμο, древо, стой, -
живая связь небес и почвы,
связь между небом и землёй!

Представление о бесконечности движения

Я снова – про исчезновение
и трансформацию времён,
про жизни, краткие, как сон,
эпохи, равные мгновеньям.
Про исчезающие страны.
О, потрясение пред видом
волны, смывающей песчаный,
прекрасный берег Атлантиды!..

Конечно всё. Удар – не станет
и жизни чьей-то. Вместе с тем, -
гармония в существованье
и сопряжении систем.

Да, в мире каждое звено
с другим звеном сопряжено.
Да, сопрягаются, как звенья,
эпохам равные мгновенья.
Да, жизнь полна потоков встречных.
Любовь, борение и труд
в непостижимо бесконечных
взаимодействиях живут.

Проходит время, как река,
что не воротится обратно.
Но карбонарий Спартака
вдруг вспоминает, точно брата.
Не дрогнул страшный пистолет.
Но, преступивши грань дуэли,
поговорить со мной о деле
приходит запросто Поэт.

Равн`о относит от пучины,
выносит на берег реки –
людей, больших, как маяки,
и, как песок, неразличимых.

Поэт, при всём его уме
и гении неповторимом,
себя помыслить не умел
без дивной нянюшки Арины.

Навечно не возведена
на свете ни одна стена.
Но ведь ничто и никогда
не исчезает без следа.
И времена, и племена
своей дорогою уходят.
Но, в обновленье, семена
бесчисленные
к Солнцу всходят.

Я счастлив каждое мгновенье,
когда гармонией пленён,
что во взаимодополненье
и трансформации времён.

Представление о ложных истинах и Истине настоящей

Задумаемся же о Ньюtone
и стойком шкипере Колумбе –
как чёрный чай ночами пьют они,
как спотыкаются на клумбе,
как умываются из тазика,
как им, должно быть, трудно бриться,
и как по адресу их дразнится
какой-нибудь задрыга-рыцарь.

-Ну, - хохоча, кричит, - и олухи,
была нужда от света скрыться им!
Задёргивать альковов пологи,
кишки пускать коллегам-рыцарям –
вот жизнь!.. А те – трясутся с клячами,
плывут на утлых каравеллах.
По крохам денежки выклянчивать
для замыслов своих – удел их.
Всё счёт да странствия – без роздыха,
как миллионы миль без берега,
а плата – вроде бы из воздуха:
законы физики... Америка...

Веками так – как в наваждении.
А в стороне глумится, множится
из поколенья в поколение
блажная рыцарская рожица..
И глазки смотрят зло и пристально:
нельзя ль пристроиться, подладиться,
И знают все на свете истины,

Как жрать и с бабами валандаться.

- Вот чудачки, мол, - ни рекламы им,
ни дня, воспетого газетами,
ни бетатронов, ни сверхлайнеров,
с их баснословными бюджетами...

Но всё-таки толчок в развитии,
Цивилизации заявочка –
несуществующая Индия,
да то, сомнительное, яблочко!

Задумаемся же о Ньютоне
и стойком шкипере Колумбе,
как в людном мире узнают они
друг друга и друг друга любят.
Как спину гнут прилежно гении,
толпою рыцарей освистаны.
И терпят *истины* крушение,
чтоб «заблужденья» стали *Истиной*.

Представление о встрече цивилизаций

(читая зарубежную фантастику)

Среди забот земных
нам предстоит сближаться
с посланцами иных,
чужих цивилизаций.

Мне видятся во сне,
с тревожным постоянством,
сигнальщики из недр
безмерного пространства.

И днём, наедине,
мне слышатся приветы
на радиоволне
неведомой планеты.

«Я – жизнь. Я так ждала
хоть зова, хоть вопроса.
Я наконец вошла
в чужую жизнь без спроса».

Вдруг позовёт – скорей
соревноваться с нею:
не кто из нас добрей,
а кто из нас умнее.

По флагам и гербам
вдруг прометнётся пламя,

как в адский кегельбан
играя головами...

Быть может, не таков
приход её... Не спится
мне: так я не готов
с ней воссоединиться!

Ни места для бесед,
ни рюмочек, ни кружек,
ни азбук, ни досье,
ни верного оружия.

Её язык – не наш,
всё чуждое. А кроме
того – где камуфляж
в моём привычном доме?

Забята тишина.
Кругом бушуют бури.
То сердится жена,
то дети бедокурят.

Но, вся напряжена,
на поиски земного
пускается она –
жизнь разума иного.

Закинет семена,
и вот – уж вырос кустик.
Вот – выбрала меня
и больше не отпустит.

Представление о жизнестойкости поэтов

Поэтам уйти не дано.
Мне верилось прежде, как в чудо,
что наше святое вино
в бессмертные влиты сосуды.

Но вот уже кто-то и стар,
а, может, завял в перестарках,
другой гипертоником стал,
а третий свалился с инфарктом.

Для плавной и звучной строки
настроены новые лиры,
по-новому пишут стихи,
иные восходят кумиры.

А где-то, отважен и юн,
ныряет пловец неустанный

в холодную глубь, где Нептун
хранит свои древние тайны.

Он ключ от нептуньих ворот
нашёл и уж больше не бросит.
Античные клады берёт
и амфоры к свету выносит.

Так верится нынче мне: он
ныряет в своём акваланге
не в море – в пучину времён –
за нами, за нами, за нами...

Представление о языковой сущности

Как часто слышать нам доводится
дошедшие через века
от пахарей и полководцев
слова чужого языка!

И мы не придаём значения,
что это, может быть, они, -
мелькали ярко в речи гения
тех слов алмазные огни.

Ещё наукой не изучено,
как, ёжась, слушали цари
слова из уст людей измученных,
их умерщвляя до зари.

Всё бушевало: клики, рыканье.
Так много значила молва!
Над богадельнями, над рынками
звучали вещие слова.

Вслед за строптивцами, безумцами,
ушли цари и бунтари.
Менялись знаки, корни, суффиксы,
понятия и словари.

О, предки! Ваши точки зрения
для нас – закрытая печать.
Через века и поколения
вас не понять без толмача.

И лишь слова легко, по-мудрому,
из языка, что позабыт,
подобные добротной утвари,
вошли в героику и быт.

Вся жизнь пронизана их токами.
История, верша свой суд,

ветрами валит их жестокими.
Слова же, вечные, живут!

Мостами лягут меж влюблёнными,
домчатся пенем от реки,
взойдут над конницей знамёнами
и засверкают, как клинки...

Представление о двух подобиях

(Из врачебной практики)

Люблю лепить из человека
всегда подобие себе:
от пят до капельки у века
и до росинки на губе.

Вот он сидит, как сыч, напротив,
таинствен, замкнут и сердит,
и от нотаций нос воротит,
и хмуро в сторону глядит.

Чего добьюсь, будя в нём эхо:
движенья? холода? огня?
Зальётся он веселым смехом?
поднимет руку на меня?

Застенчиво и осторожно
он мямлит первый свой вопрос.
Но почему же мне тревожно
и страшно, будто от угроз?

Вдруг понимаю всё, ей-богу:
свои черты во мне ценя,
он тоже лепит понемногу
своё подобье - из меня!

Иначе – что же? Оба люди,
одним на свете мы живём...
Мы были равными по сути
при всём различии своём.

Представление о дальновидности предков

Был безоружен человек.
В лесу нечаянный ночлег
его застиг. И, точно тени,
к его неяркому костру
сошлось лесное население.

Он не жалел озябших рук:

за головнёю головня
летели в лес – костра осколки.
Но всё теснее у огня
стояли розовые волки.

Бледнела серая зола.
Огонь сужался, цепеня.
И становились всё чернее
сухие, хищные тела.

И ночь темнела, и луна
в тумане где-то пропадала,
и ядовитая слюна
с клыков свирепых в снег стекала.

Заиндевели волчьи лохмы.
Ждут звери: вот огонь заглохнет,
и жертве некуда сбежать.
Тогда завоет их вожак.

Тогда начнётся самосуд –
метнутся к горлу человека,
собьют на землю, загрызут,
сгрызут дотла, полижут снега,
и дальше следом в след пойдут.

Но человек не ждал расправы.
Он взял дубины-факел`а,
на лыжи встал и грудь расправил,
и двинул в сторону села.

Село дымилось где-то близко –
печной, налаженный уют.
С дубин, как с труб, слетали искры.
А холод был предельно лют,

и гасли факела, и руки,
как тонущие поплавки,
так тяжелы, так неупруги...
И волки, на ногу легки,
уже лизали каблуки,
и ладились вонзить клыки...

Как вдруг внезапно, точно черти,
полны немислимой отваги,
метнулись ввысь, навстречу смерти,
по снегу, рыжие дворняги.
И сходу в схватку – по два чёрта
на волчью пасть, на волчью морду,
на стаю всю, что воет, сгрудясь,
на топоры – на волчьи груди!

Погибнуть – что же, штука эка!
 На то, кудлатые, живут:
 себя убьют, но человека
 они в обиду не дадут!

...А он стоял, счастливо плача,
 слезинки обирая с век, -
 своей немаленькой удачей
 ошеломлённый человек...

И, превращая в пику ветку,
 дивился он перед селом
 предусмотрительности предков,
 что так заботились о нём.

Представление о распаде и рождении жизни (Рождение листа)

Не потому, что более стал чуток,
 но всё равно, конечно, не спроста,
 я наблюдал недавно трое суток
 за таинством рождения листа.

Кто был герой? Раз город, значит тополь –
 мой давний спутник, верная родня.
 Неверно, что у дерева я пробыл, -
 оно не отходило от меня.

В тепле, в одной из напряжённых почек,
 в таинственности странной тишины,
 эмбрионально вызревал листочек,
 и вот – раздвинул замкнутость стены.

Меня всецело дума поглотила:
 вот смысл всему, вот мира красота –
 вся соль Земли и солнечность Светила
 сомкнулись в ткани этого листа.

И вот, как символ вечности, явились
 в листе, что выбрал я среди других.
 Но вспомнил я, лишь только листик вылез,
 о бесконечной хрупкости живых.

Леча людей, я часто в бездны падал,
 звёзд достигая, вновь людей лечил.
 Этапы увяданья и распада
 достаточно подробно изучил.

Я звал Добро. Глазам моим, напротив,
 неодолимым представало Зло:
 сопротивление погибавшей плоти
 ведь быть продленьем жизни не могло.

Я б мог уйти беспомощным и слабым,
свет, что несу, безвольно бы потух, -
леча людей не видел я когда бы,
что в бранных нас живёт бессмертный дух.

...Я трое суток наблюдал усердно
за таинством рождения листа –
возобновленьем сущности бессмертной
живого...
Это было неспроста.

Представление о странных совпадениях, или Представление поэта о своём итоге

*Записано 23.02.1966. Писалось, конечно,
о жизненных итогах у других поэтов,
предположительно. А вышло-то вот как...
Найдено в Тетрадах 10.03. 2017
и переписано без малейшей редакции
и правки.*

1. Поэт перебирал свои стихи,
написанные в юности когда-то,
не преданные речи и печати,
отброшенные просто и небрежно,
забытые на пять десятилетий.

Он улыбался, головой качая,
проказливой, сконфуженной улыбкой,
а то вдруг подагрической рукою
слезу стирал...

Стихи же были п`олны
коней несущихся и гор, и ветра,
и непонятных женщин, и веселья
над пропастью, и дымных пистолетов, -
всей той тревоги, дикой и слепящей,
гнетущей сердце, - что не оставляет,
а возникает резко и внезапно
отчаянным предчувствием беды,
предвиденьем какой-то катастрофы...

Поэт сидел над старыми стихами,
всё пережив – и огнеглазых женщин,
и ветры, рвущие перед паденьем,
и самое паденье ...

Катастрофы
и возрождение после –
всё минуло,
всё для него прошло,

но строки оставались
и сохраняли аромат надежды,
и молодость за их спиной стояла.

2. Итог

Живём, наследуя проблемы –
дилеммы, темы, теоремы, -
все догмы гневно разбивая,
и новые воссоздавая.

Копаемся, жуём, исследуем,
буяним, терпим поражения,
всю жизнь решения преследуем
и отвергаем все решения.

Идём, идём... Но всё далёк
во мгле мерцающий итог.

Сквозь парадоксы и контрасты
всяк движется своей дорогой
в незыблемой и вечной власти
начал и подступов к Итогу.

Частицы солнечной системы -
кто совершенен, кто кустарен, -
мы создаём свои проблемы
и детям их в наследство дарим.

Из новых тетрадей. Подробности небес

* * *

Р.

*Так жаловалась женщина: продрогла,
так неуютен возраст октября.
За тусклой фарой мокрая дорога –
вся зря. А ты упрям, упрям...*

*Всё тишишься одолеть свои подъёмы,
да ждёшь чего-то, вечно напряжён.
Такие в жизни ищут неуёмно
любовниц юрких вместо верных жён.*

*А ты соблазны пропускаешь мимо
и не уходишь от меня к другой.
Всё это странно и необъяснимо
и ненадёжно как-то, милый мой...*

*...Мне не дано поведать мир, как душу,
той, что продрогла на моём ветру.
Не ухожу – коль можешь слышать, слушай.
И молча слёзы жене утру.*

Подробности небес

*Подробности небес,
как сложные решенья,
мы чувствуем
 не без
игры воображенья.*

*Земля, дабы разжать
стеснительные рамки,
зовёт переезжать
в заоблачные замки.*

*Там тихо и светло.
Там звёздные соринки
колхозница с метлой
сметает по старинке.*

*Чуть ночь – одни и те ж
светила на свиданье, -
развёрнутый кортеж
несбывшихся мечтаний.*

*Лишь только облака
врата небес откроют, -
к Земле издалика
смертельный астероид,*

*холодный без любви,
летит неумолимо.
Но ты пока живи,
авось промчится мимо.*

*Прохладная звезда
спокойствие вселяет.
Но молния всегда
тебя испепеляет,*

*чтоб снова интерес
тебя воззвал из пепла
к подробностям небес.
И чтобы жизнь окрепла.*

Маленький полотёр

Полотёр отплясывал всю ночь,

освежаясь пивом возле шторы.
 Кто ж не догадался уволочь,
 спрятать от позора полотёра?
 Полотёр отплясывал всю ночь.

Ах, ты, маленький полотёр!...

И, когда подошли поэты,
 полотёр на рожон попёр:
 -Я прочту вам свои сонеты!

Ах ты, маленький полотёр!

Он ни чуточки не робел:
 что ж, паркеты зря проплясал он?
 Может, зря его корифей
 оттирал от конференц-зала, -
 добрый, ласковый корифей...

Мудрый, вдумчивый корифей...

* * *

Стёрты асфальты станций
 тяжкой пятой разлук.
 Голуби дальних странствий
 есть не хотят из рук.

Бойкая мощь железа –
 наш, на колёсах, дом.
 В небе вершины леса –
 зелень на голубом.

С кем-то всегда в разладе,
 вдаль напролом идя,
 катятся вкось проклятья
 женщины и дождя.

* * *

Со мной в теченье дней
 немало раз бывало,
 что убедить людей
 меня не доставало.

И погасал порыв,
 и выглядел я бледно,
 и, не договорив,
 я прерывал беседу.

Я следующим днём
 был вновь готов к атаке –
 находчив и умён.
 Но это после драки...

И не было страшней
и тягостней событий,
чем горечь этих дней
с их мукой нераскрытья.

Безмерных этих дней
с их поисками счастья.
Их не было нежней
и не было прекрасней.

Одинокий волк

Волк, одинокий путник, ночью
не спал: ломил по тесным елям,
тулуп свой обрывая в клочья,
бежал, но знал, что путь бесцелен.

Уже не будет рядом морды
хотя б кого-нибудь из стаи:
кто пал от пули, кто от мора –
глаза их всех поугасали,

а он всё жил. Спасла поджарость,
выносливость спасла, жестокость.
Да, он всё жил. В кошарах шарил,
рвал бок овечий – зубы `о кость!

Однако нынче стало худо.
Морозом лес ночной окован.
Не влезть к овечкам ниоткуда –
езде решётки да засовы.

Эх, лето, лето! Волчьи свадьбы.
Бредёшь, травища гладит брюхо.
Дожить бы! Козлика задрать бы,
а там – словить заряд и рухнуть...

Так он бежал, последыш стаи,
царапающим лапы настом,
о счастье сумрачно мечтая,
но зная: уж не будет счастья.

Пи-черр

У края голубых пещер –
там житель прячется по норам –
внезапно, видимо, с укором
пичуга пикнула: Пи-черр!

Никто не испытал испуг,

и никому не вышло боком,
что слышался у бледных окон
призыв последней из пичуг.

Никто не встал из нор, в которых
смотрели жаркий телевизор,
что «Мир животных»* к людям близил.
Предсмертный зов сошёл, как шорох:
- Пи-черр... пи-черр... пи-черр... пи-черр!..

Пи-черр! – воскликнула пичуга.
Пи-черр! – живи теперь без друга.
Пи-черр... пи-черр... пи-черр... пи-черр!

*Популярная передача Николая Дроздова.

20-й век. Дачный поезд

С бутылкой ржавой «тропиколы»*,
как с автоматом на весу,
седой мужик, по пояс голый,
стоит у станции в лесу.

Свой жребий каждому назначен:
тот ремонтирует пути,
а эти, славные, - по дачам;
им ехать проще, чем идти.

Две мускулистые старушки
про огородик и про сад
свои познания друг дружке
продемонстрировать спешат.

...В окошке вешки пролетали.
И мы с тобою, среди всех,
в труде наклонном скоротали
двадцатый век.

*«Тропикола» - марка газировки.

Велосипед на магистрали

Скрипит велосипед
на дымной магистрали.
Там жизнь полна побед
и бед
от авторалли.

Из лаковых утроб
струятся муз-подарки.

Сшибаются лоб в лоб
свои и иномарки.

Слагаются «дела»
из слитого бензина,
из битого стекла
и порванной резины,

из мата на устах
при роковых обгонах
и взяток на постах,
почти что и законных.

... Венок вблизи креста,
и слёзы льёт невеста.
Всё гуще теснота.
Всё меньше в мире места.

Как звёздный ливень, быстр,
как облако пар`ит он, -
поток самоубийц,
гонцов и сибаритов.

Наяривает вдаль
с настойчивой сноровкой
старинная педаль
под ношенной кроссовкой.

В опасное кольцо
шоссе берется мглистым
крутое седлецо
под велосипедистом.

Над выхлопами лет
эпохи мглы и чада
скрипит велосипед...
Да так ему и надо!..

Несоответствие

Нас мучает Несоответствие.
Упорно замерить спешим
распад элемента *технеция*
в железных утробах машин.

Кому-то старинное нравится.
Хотел бы в саду, на скамье
сказать комплементик красавице, -
допустим, мадам Рекамье.

Дорога ещё не наезжена.
Намечена только тропа.

А утро прощанья забрезжило,
поёт роковая труба.

Технеций на хлеб не намажешь.
Мадам комплементик не скажешь.
С последнего ложа не встанешь.
Ни жизнь и ни смерть не обманешь.

Летнее утро в дачном саду

Паук – бесстрастный наблюдатель
и выжидатель. Вместе с тем,
законодатель, обладатель,
создатель замкнутых систем.

Протянет нити меж растений.
Прикроет путаницей дверь.
И затаится – тихий гений
и обретений, и потерь.

Сквозят прозрачные стрекозы
и вьются птицы в стороне.
Паук, не изменяя позы,
живёт у времени на дне.

Утрами радушны и чётки,
и беспристрастны, как весы,
его трагичные решётки
в мельчайших капельках росы.

Влекомый выбором, застынет
внимательный и умный взгляд, -
забьётся некто в паутине
и будет щупальцами взят.

* * *

Вытанцовывал ветер свой стиль,
подгоняя шершавые листья в утиль...

Рыжий дождь,
что летел от угла до угла,
флегматичная тётушка
в кучу смела.
Золотистую каплю
встревоженный пёс
на спине к зыбкой пристани
рысью понёс.

Декабрик

Глухой декабрик. Снегопад.

Упадок дня. Продлённый сумрак.
 Дела и мысли невпопад,
 как тиканье из чьих-то сумок.

Взорвут ли? Или не взорвут?
 Присели, белые от страха.
 Снега влекут. Снега текут.
 Снега, как смертная рубаха.

Угрозен мир. Но всё равно
 над снегом волгнет ветер с юга.
 Насыплет женщина зерно
 на крышку уличного люка.

Ведь в мельтешенье томных лиц,
 в глухом декабрике, как в яме,
 ей нравится кормить синиц
 в их симбиозе с воробьями.

Как видно, женщина – из тех,
 кого унылость не колышет,
 кто видит в снеге только снег,
 а в сумках тиканья не слышит.

Снег`а

Белым бел`ы автомобили.
 Снега их за ночь в землю вбили.
 Растаял смрад. Улёгся чад.
 И только крышечки торчат.

Страна в покой погружена.
 В стране уют и тишина.
 Тоскует радиоприёмник –
 в сугробах погребённый скромник.

Иссяк поток нравоучений –
 моток кровавых сообщений.
 Молчит таинственный божок,
 пустой, как спавшийся мешок.

Хотя бы скрип, хотя бы хруст...
 Страна заснежена. Он пуст.
 Цветок беззвучия – пустышка.
 Страна под снегом. Передышка.

За снегом – вскоре быть звезде,
 быть дворникам.
 И песне, где
 туман рифмуется с зимой,
 как снег и зной.
 Как мы с тобой.

Слива

Ведёт людей великая череда:
 вослед приливам нас влекут отливы.
 Извечен импульс алчущего рта –
 вкусить ещё от падающей сливы.

Настанет час: ни друга, ни врага
 ни для разбора, ни для разговора.
 Второю цифрой кончится строка.
 живём надеждой: пусть ещё не скоро.

Но близок час отхода от всего –
 и от остуды, и от перегрева.
 Приходит понимание того,
 что падает не ягода, а древо.

Смири гордыню...

Был синий сумеречный час.
 От сосен раздавался гул.
 Буран летел, сквозь дебри мчась.
 Природа кинулась в загул.

Я и врагу б не пожелал
 брести по сумрачным местам.
 Я норов этих дебрей знал.
 Я там живал.
 Я вырос там.

Полёт пурги предельно прост:
 она года прессует в дни,
 несёт сугробы на подрост,
 чтоб были вырубки одни.

За сумерками ляжет мрак,
 за штормом – непременно штиль.
 Цветенье сада сникнет в пыль.
 Смири гордыню. Это так.

Простая мысль

Не вымерли они,
 проклятый лозунг чей:
 - Повергнутого пни!
 Упавшего добей!

А есть простая мысль:
 -Восстань! Шагни за грань!
 Упавший – поднимись!

Повергнутый – воспрянь!

Не нынче – так потом,
так в будущем году.
Пусть верится с трудом,
но верь в свою звезду!

Назло тупому злу,
она ещё взойдёт.
Она разгонит мглу.
Она не подведёт.

Радиожокей: - Всё о-кей! (2002)

*Поделись улыбкою своей,
И она к тебе не раз ещё вернётся!
(Из старо-советских песен)*

Проборматывает радиожокей
чепуховину, - однако же со смыслом:
- С настроеньищем,
 нерадостным и кислым,
расставайся, мол, приятель!
Всё о-кей!
Всё о-кей, приятель, всё о-кей!

Обстановка на дорогах всё сложнее,
с каждым часом всё коварней и опасней.
Всё скользит в эфире радиожокей,
залихватски врёт,
 рассказывая басни.
Всё о-кей, приятель, всё о-кей!

Между сексом и погодой,
 и рублём
напролёт в эфире крутится и скачет.
Не усни, смотри, водила, за рулём.
Нагрешил,
 так ты ж покаешься, и значит,
всё о-кей, приятель, всё о-кей!

Он двужильный,
 этот радиоболтун,
а устанет –
 включит песенку о брошке,
или включит,
 лопотун и хлопотун,
о тюрьме,
 но это всё же понарошке.
Понарошке всё, приятель.
Всё о-кей!

Иногда подкинет пару новостей:
 всё же мир еще совсем не потерялся.
 Сообщит водиле радиожокей,
 кто взорвался,
 кто украл,
 а кто попался.

Выползают, выбегают из квартир,
 выбирают водилы, как на праздник.
 А Земля, пока морочится эфир, -
 остывает...
 накаляется...
 и гаснет.

Кто-то выдохся, намучился, устал,
 на дороге чья-то звездочка потухла.
 Чтоб водила дэтэпэшником не стал,
 надо слушать радио вполуха.

Ибо в жизни,
 коль не думаешь о ней,
 всё о-кей, приятель.
 Всё о-кей.

Успокаивает радиожокей:
 всё о-кей!

Сказали «нет»

Речной накат слегка волнист.
 Покатый берег травянист.
 Покой небесных потолков –
 в комках белёсых облаков.

В отрогах Кряжа черный лес
 хво`ей касается небес.

Колёса поезда стучат.
 Их стук дрозды перекричат.

Презрев, как сон,
 природный фон,
 под ветер, бьющий из окон,
 и продувающий вагон,
 свистит мобильный телефон.

Слезой солёной сыт момент.
 Зелёный абитуриент
 заглох с мобильником в руке.
 Он погорел на пустыке –
 и на доске, и на листке.
 Его родители в тоске.

В комиссии сказали: - Н-да!
Ты лезешь, парень, не туда.

В дали – ему сказавший «нет»
сияет Университет.

Уйду...

От птичьих клёкотов свистящих,
змеиных песенок шипящих
и бычьих выкриков мычащих,
и человеческих галдящих –
- по зову издали –
уйду.
Уйду.
И мне не соболезнуй.
Уйду в компьютер.
Там исчезну.

В вагоне

Так трогательно женщина спала
в вагончике электропередачи!
Земля, кружась, за окнами плыла:
берёзы и цветы, столбы и дачи.

По русым прядям ветер пробежал,
большое солнце падало на плечи,
и круглый рубчик жестко пролегал
на безымянном пальце от колечка.

Она спала у сосен, у воды
и у платформ, будто вагоны, тесных.
Больших забот растаяли следы,
следы дневной усталости исчезли.

Как плавно замедлял могучий ход
электропоезд возле остановки!
И встрепенулась женщина. И вот
закончился и сон её короткий.

И, протирая сонные глаза,
вдруг улыбнулась, что-то вспоминая,
как будто кто-то ласково сказал,
будя её: - Пора, моя родная!

Но нет. Меж толчеи она одна.
Улыбку гасит. Снова смотрит строго.

Встаёт, идёт перрончиком. Трудна,
должно быть, этой женщины дорога.

Провинция

В моей провинции безлюдье.
Она ушла в себя, как в сон.
Машины стали к лесу грудью,
к подъездам – задним колесом!

В моей провинции бесптичье.
И, напугавшись пустоты,
ушли охотиться за дичью
в леса домашние коты.

В моей провинции безрыбье.
Его неповторимый знак –
висит над придорожной зыбью
на вывеске зелёный рак.

Всё это не опустошённость
моей провинции родной,
не обожжённость,
не сожжённость.
А ночь под летний выходной.

Ворона

Где уголок найти укромный?
Земля летит без тормозов.
Погрязли в мусоре по кроны
массивы девственных лесов.

Рассветный окрик похоронный
глухое эхо отразит.
Гнездо затравленной вороны
на хилом дереве висит.

Ей корма нет – куда годится?
Большая Химия вдали.
Куда деваться бедной птице
от загазованной земли?

Её судьба – не оторваться
от крон деревьев, как от корней.
Куда лететь? Куда податься?
Кому пожаловаться ей?..

Модель

Где белым по зелени пишат сады,
путь сизого облака в небе высок,
широкие площади синей воды,

как в кольца, оправлены в жёлтый песок.

Немудрые утки в болотный уют
 трусливо сплывают от гадких утят,
 сороки в лесах соловьями поют,
 и вороны зла никому не хотят.

Немодный художник придумал модель
 несложно устроенной странной страны.
 Для босса купили его акварель.
 За сказку уплачена четверть цены.

Недоумение

Положился на удачу –
 и сыграл.
 С`интуитчил, с`имитатчил –
 всё забрал.

Думал: будет, так и будет –
 рассудил.
 Но иначе жили люди.
 Всё спустил.

Как когда-то много значил,
 как кутил,
 интуитчил, имитатчил –
 всё забыл...

Как свалился на колени, -
 проглядел.
 И стоит в недоуменье –
 не у дел.

Поэт на даче

Поэт выходит знойным летом
 на улицу с цветком в руке.
 Поэт живет анахоретом,
 имея дачу на реке.

В былые дни – как на запруду
 азартно дачники пришли, -
 поэт сварганил халабуду
 и захватил клочок земли.

Кувшинки в тине, мостик хлипкий
 и плавный ястреба полёт.
 Поэт с утра наловит рыбки,
 цветы из леечки польёт.

Никто не видит, как хлопочет

поэт по саду. Входит в раж.
Никто не слышит, как бормочет,
затачивая карандаш.

Завяжет волосы в косицу.
И некому его послать
по магазинам поноситься,
пелёнки внучке постирать.

Уж сколько лет поэт не делит
ни с кем ни ночи и ни дни.
Живёт без женщины в постели,
живёт без бабьей воркотни.

Он всякий день, который прожит,
хронометрирует строкой,
а что в горшок себе положит,
то и съедает над рекой.

Поэт, разбуженный рассветом,
почешет сросшуюся бровь.
Жизнь проведя анахоретом,
напишет стансы про любовь.

Листья

Летели листья кувырком
под незаметным ветерком.

Он неопасен был для нас.
А этим листьям – как поддаст!..

Они работали всё лето.
И вот летят. Их песня спета.

Осенний дождик

От жёлтых листьев день короче,
и дождик не перестает, -
вдруг стихнет, голову мороча,
и вновь берётся за своё.

Смурной, прохладный, мелковатый,
с утра слегка навеселе,
вскопает землю, как лопатой,
и крыши вычистит в селе.

Кому во зло, а мне во благо,
уснёт, как вьедливый сосед.
Жалея мокрую собаку,
затихнет и сойдёт на нет.

Как в провалившемся спектакле,
с берёзы листик полетит.
Тот дождик стал последней каплей,
что день ещё укоротит.

Закат над Салаиром

Захудалый книжник
лез в свою квартиру.
Запоздалый лыжник
шёл по Салаиру.

* * *

День ч`уток.
И чут`ок
ещё подзадержался
и вниз на лес потёк,
на пихтах закачался.

И не за днём,
а в нём
сжигались наши годы
малиновым огнём
смолкающей природы.

На случай –
стали тучи,
как ружья у плеча,
как столбики над кручей
у кромки пихтача.

Сосна из-за окна
протягивала руки,
в закатных пламен`ах
сжигаемая в муке.

День св`ален
и спалён,
сошёл бесследно,
ломкий,
коль не запечатлён
на типографской плёнке...

Смолчу...
Гремят ключи
ушедших по квартирам.
И вот погас в ноч`и
закат над Салаиром.

* * *

За Слово зацеплюсь.
Возьму ориентиром

звезду над Салаиром
и в небо устремлюсь.

Со Словом обнимусь
у самой кромки звездной.
Стихи, вися над бездной,
обдумывать возьмусь.

Страданьем истомлюсь
над чем-то неготовым.
И наконец со Словом
навекки породнюсь...

На Луне...

1. На Луне всё другое,
и женщины тоже –
против наших бледней,
недоступней и строже.

Их мужчины всегда
занимаются делом:
красят дом свой ритмично
то жёлтым, то белым.

На Луне звездочёты
светила считают.
А в романах - о будущем
только мечтают.

На луне в отражённом
купаются свете.
Но откуда ж тогда
появляются дети?..

2. Читая Иммануила Канта

*Во все времена мудрецы
(или философы), не желавшие удостоить
вниманием добрые задатки
в человеческой натуре, изоцрялись
в дурных, порой отвратительных
сравнениях с целью опорочить наш
земной шар, пристанище людского рода.
Его сравнивали: 1) с ночлежным домом (...),
2) с исправительным домом (...),
3) с сумасшедшим домом(...), 4) с клоакой,
куда спускают нечистоты из других миров.*

***И. Кант. Трактаты. Конец всего сущего.
Изд-во Наука. Москва 1980 с. 283.***

На звёздные весы
легло стихотворенье.
От лунной колбасы
в рассудке несваренье.

Петух к себе гребёт.
Все сосны ночью серы.
А тополь достаёт
макушкой до Венеры.

Небесная фреза
срезает поколения,
наказывая за
любовные томленья.

Шит звёздами венки
из мифов и преданий,
что дом наш одинок
в суровом мирозданье.

От лунной колбасы
до атомного гриба
живём среди грозы
от взрыва и до взрыва.

Наш дом - сливной бачок.
Легко ли выжить дому,
стуча бочком в бочок
то Марсу, то Плутону?

Я в поздние часы,
как сон про избавленье,
на звёздные весы
метну стихотворенье.

3. Круглый дворик на круглой Луне,
за стеной, где змеятся овраги,
в захолустье пустынь, у Галактик на дне,
в тишине, в подступающем мраке.

Белый домик на белой Луне,
в окруженье бесплотных растений,
в белизне, в тёмносинем окне
собираются блёклые тени.

Тихий столик на тихой Луне,
средоточие мыслей о зле и о благе.
Тяжко мне, в размышленьях, наедине
с письменами на лунной бумаге.

Муза

Я корчился в муках молчанья,
как с дулом у сжатого рта.
Я думал, что это прощанье,
что это – уже навсегда.

Как вдруг развернулись светила,
звезда мое сердце прожгла.
И Муза меня посетила,
ко мне наконец снизошла.

Под небом, истерзанным в клочья,
так долго живя без неё,
я ждал её муторной ночью
в пустое жилище своё.

Я – путник на лодочке утлой.
Я так и не вспомнил, когда
забрезжило первое утро
без дула у сжатого рта.

Опять к ускользящей Музе
спешу в ожиданье побед,
в чарующей сети иллюзий,
как было в четырнадцать лет.

Будь вежливым...

Измену не прощай
ни под каким предлогом.
Коль просит, пей с ним чай
в общении не строгом;

свой путь к нему пройди,
коль очень уж попросит,
и даже обсуди
какие-то вопросы;

будь вежливым вполне,
а слушай лишь в пол-уха,
в бесплотной болтовне,
как вызыванье духа;

но только встрепенись,
когда пахнёт войною,
и вновь не повернись
к изменнику спиною.

Шифровальщик времени

Со всеми говорю накоротке,
и, не впадая в пафосные речи,
на ледовитом стоя ветерке,

не горблюсь, а стою, расправив плечи.

Живу, анализируя молву,
давая цену шёпоту и крику.
Я – шифровальщик времени. Живу,
внося системный код в неразбериху.

Вот страсть моя, которую ловлю.
Вот жизнь моя, открытая для многих.
Кому-нибудь дорогу уступлю,
чтоб со своей не повернуть дороги.

Баллада о собачьей ревности

Рассвет ещё не стаял,
и, пользуясь моментом,
вожак собачьей стаи
прикончил конкурента.

В таких делах – по средствам
решение любое.
А здесь прошло – посредством
решительного боя,

виновницей в котором
недавняя интрижка,
а яблоком раздора
Жюльетка-замухрышка.

Хвостом вертела, дура,
кокетничала, стерва.
У пса по кличке Хмурый
не выдержали нервы.

Недолгая утеха
жюльеткиным проказам.
Соперника, с разбега,
ударив, бросил наземь.

Заехал лапой п`о рту.
В разноголосом гаме
подставленную морду
раскровянил зубами.

Страшась, хвосты поджали
дрожащие зеваки.
Скулили и визжали
в рассветном полумраке,

в тоске. Текла по снегу
хлеставшая кровища.
Помчит их дальше бегать

без крова и без пищи

вожак осатанелый.
Рассвет в багровой пене.
Изгрызанное тело
лежит без погребенья.

В кровище и Жюльетка,
Жюльетка – не святая, -
шкодливая соседка,
подружка целой стаи.

Об исчезающих людях

1. На пороге весны

Начинающий бомж
смотрит жёстко и строго,
как внимательный босс,
что собрался в дорогу.

Ещё сила в руке
и в извилинах сила,
ещё есть в рюкзачке
полотенце и мыло.

Не внушала печаль
абсолютною властью
милицейская сталь
на мосластых запястьях.

Ц`елы зренье и слух,
требушина и рёбра.
Неприязненный дух
проступает недобро.

Вот он весь, будто весть
преисподней, не меньше.
Простирается месть
на начальство и женщин.

В том-то смысл, в том и соль,
в том и боль мизансцены:
перекатная голь
не прощает измены.

На пороге весны
помышляет о том он
у безмолвной сосны,
между лесом и домом,

над руинами лет,

оседающих в яме,
там, где беличий след
на холодной поляне.

2.Мусорщик

Склонён седовласый затылок.
Глаз натренирован на хлам.
Идёт собиратель бутылок
по Богом забытым углам.

Идёт меж помоек по весям,
по шёлковой зелени трав,
наслушавшись басен и песен,
но в ящик ещё не сыграв.

2004

3.Брели бездомные ребята...

Глядело небо волчьим глазом,
роня слёзы из-под век.
Пять суток падал, падал н`аземь
неповторимо белый снег.

В пространстве, холодом объятom,
со снеговертью наравне,
брели бездомные ребята
в своём немислимом рванье.

Тихи, недужны, бородаты,
и каждый бит и перебит, -
бредут бродяжные ребята
по жизни, сбитые с копыт.

Их путь безвестностью прострочен.
Последний отнимают кров
сортиры, запертые к ночи,
вокзалы, полные ментов.

В смурной уют канализаций
успеть бы к темени пролезть...
... Ни выспаться, ни нализаться,
ни вдоволь хлебушка поесть.

И приведёт ли их дорога
от ниспадающего снега
у Салаирского отрога
хоть до какого-то ночлега?..

4.Слёз нет...

На скамеечке старушка,
 чья-то бывшая подружка,
 ныне горькая вдова, -
 шепчет жалкие слова,
 что жива едва-едва.

Где-то близкие уснули,
 а на ней пальто в июле,
 никуда не прислониться,
 не берут лежать в больнице,
 внук – злодей – добра не помнит,
 выгоняет вон из комнат,
 надсмехается сосед.

Слёз, и тех в помине нет...

5.В сбербанке

Спокойный человек –
 согбенная старушка.
 Задумчивый ночлег,
 холодная пирушка.

Ей дарит целый мир –
 ах, для неё не жалко! –
 любезнейший кассир
 ближайшего сбербанка.

Мир балует её
 резонно и уместно:
 раз в месяц выдаёт
 прожиточные средства.

В торговый зал молчком
 зайдёт, чтобы погреться,
 разжиться молочком,
 крупой и вдоволь хлебцем.

Позволит вдруг себе
 поужинать пирожным.
 Признательна судьбе:
 раз в месяц это можно.

Морозный путь

В худые времена
 морозный путь жесток.
 Ущербная луна
 ложится на восток.

Седой покров зима
 из холода спрядёт,

развёрнутая тьма
из сумрака придёт.

Кровавится заря.
Диск солнечный, багров,
горит меж янтаря
стоячих облаков.

Вдруг вынырнет олень,
чтоб в сторону свернуть.
И обнажает день
припрятанную суть.

Мечтанье

Р.

Из мира, где взрослые люди
преследуют свой интерес,
где мир не мечтает о чуде,
а трудится ради чудес, -

вернуть ускользнувшее время
в рассветный, волнующий час,
как в юности, встретиться с теми,
кого уже нет среди нас, -

оттуда, где юные люди
работали с нами в пути,
рассвет на серебряном блюде,
как чудо, тебе принести...

Нюанс

За речкой – бор,
а в нём посёлок,
а в нём топор
для рубки ёлок,

а там труба
горячей печки,
и ждёт судьба
на том крылечке,

где бушевал
пожар заката,
где целовал
тебя когда-то.

Элегантный город

Высотный Город на березах
преферансистов собирает.

Там вороньё в привольных позах
картечью чёрных карт играет.

Их роль в извечной мелодраме
добром закончится едва ли.
На них глухими вечерами
находит облако печали.

Им сладко, сладко погрузить бы, -
и каждому в своей квартире, -
что от рожденья до женитьбы
не всем дано прокаркать в мире.

Но кто-то резко хлопнет дверью,
а кто-то вынырнет из мрака.
И карты полетят, как перья,
и разразятся бой и драка.

Орда того забьёт крылами,
кто без нее грешить решится.
Над Городом, над свалкой в яме
картель карателей кружится.

Пер`овый мат дотла распорот
и склеен перед новым стартом.
И снова Элегантный Город
тасует крапленые карты.

Уходит в тень
сторонний знак.
Как чёрный день –
вороний зрак.

Легенды о Контрасте

Карта не соответствует местности.

***Первый тезис нейро-лингвистического
программирования (NLP – эНэЛПи)***

Любовью к людям полнится страна,
или в ненависть вся погружена, -
цветущий сад играет светотенью:
зеленый лист сквозь белое цветенье.

Беспечный муж –
практичная жена.
Бестактен шум –
тактична тишина.

Навязанное нам перемещение
сулит обманно милость и прощение.

Гора – где яма.
Солнце – где Луна.
Игрок правдив,
а карта неверна.

Один свалился, пулями прошит.
Другой - всю ночь, злорадствуя, блажит.

А третий сгинет. Но уж не отдаст
в штормах и штилях найденный Контраст.

Бестактен ум.
Тактична тишина.
Легенда – мир.
А истина – война...

О песнях белых бабочек

По зову долга и задавшись целью
цветущим летом сделаться метелью,
на той полуразгаданной неделе
под небом цвета старой карамели
эскортом странным бабочки летели.
Их крылья, как у ангелов, свистели.

Порхая, колыхали воздух местный,
и грациозны, и тяжеловесны,
и все безлики, и, что интересно, -
не разобрать, уместны или неуместны...

Коршуны. Утренний этюд

Утрами коршуны летали,
кругами странными ходили,
мозаик смутные детали
крылами острыми чертили.

Под ними – план кручёной сетки,
где занимают все углы
нагие стволики и ветки
и обнажённые стволы.

Им волглый сумрак симпатичней,
чем свет, машинный и железный:
играли птицы в «третий лишний»,
рискуя жизнями над бездной.

День медлил. Было сыро, мглисто.
Вдруг по-разбойничьи, вкружную,
сошлись небесные шпагисты,
на клювах яростно фехтуя.

Подруга их не закричала.
 На крыльях сумрака суровой
 неторопливо изучала
 мозаику окраса крови.

Исходом солнечного тока –
 так получилось,
 так случилось! –
 её недремлющее око
 над этой гибелью сочилось.

Исходный день

Морозец крепкий. Крик вороны.
 Молчанье блёклых голубей.
 Глубокий снег лежит неровно.
 Сугробы – деревья грубей.

К земле прижатый дым завода.
 В лесу безлюдная лыжня.
 В тумане на исходе года –
 багровый круг исхода дня.

На водоёмах настывает
 и каменеет синий лёд,
 как будто Солнце остывает
 и, остывая, слёзы льёт.

Новый Год в Городке

Закончилась пурга,
 и, вестью о морозах, -
 спокойные снега
 на соснах и берёзах.

Как в новогоднем сне,
 таинственны и жёстки
 на снежной белизне
 сверкающие блёстки.

Народ поверил снам,
 и целую неделю
 сидели по домам
 и пили или пели.

Не добр и не жесток,
 не влага, и не пламя –
 безлюдный Городок,
 уснувший под снегами.

Романс о тишине

Хотелось тишины
и тихих летних плёсов,
а звуков – лишь волны
и птиц разноголосых,

чтоб не было машин
с их рокотом звериным,
и скрип дверных пружин
не портил всю картину.

Хотелось тишины
и ласковых прогулок,
чтоб звали на блины
в старинный переулок,

чтоб вечером текла
неспешная беседа,
чтоб жизнь уберегла
от злобного соседа,

Чтоб не бежала тень
разлучная с тобою,
чтоб длился тихий день,
наполненный любовью.

Дни шума сочтены.
Стучится в сердце зрелость.

...Хотелось тишины.
Так тишины хотелось.

Развод и маленькая такса

Драма из городской жизни

Глупышка – маленькая такса,
весёлый, голенький щенок, -
встречая парочку из загса,
пометил струйкою порог.

Ее держали ради смеха –
держат забавного щенка
в медовом месяце помеха
была не слишком велика.

Завидев свежую собачку
(за ней таскаться, как дышать),

псы затевали гон и драчку.
И это стало раздражать,

надоедать... И вот как вскоре
сложился их несложный быт:
чета супружеская в ссоре,
медовый месяц позабыт.

Теперь семейством стимул двигал:
получше как бы поделить,
кому ее вести на выгул,
купать, выкармливать, лечить.

Что за дурацкая собачка!
Вот лезет с лапами в кровать,
ей только б дом и дворик пачкать
и в пятый угол нос совать!

Она ж, кишечничек прочистив,
учует, как при ворожбе,
то шелест падающих листьев,
то дождик, бьющийся в трубе.

Учуется звук и запах буден
и с грустью вытерпит режим, -
что недоступен взрослым людям,
надменным, умственным, чужим.

Ребенка б завести. Куда там!
Командировки, то да сё.
Сходились разве что по датам.
И вот решили: это всё!..

Двухспальный дом разрушен резко
по воле этих дурачин.
К тому глупышка такса, дескать,
явилась главной из причин.

Кто осуждает эту пару,
а кто и так себе. Но вот,
глупышку сдав ветеринару,
они оформили развод.

Без любви...

Сороки, синицы и все воробьи
забудутся нынче без нашей любви.

Их примет холодный рассвет декабря.
Их голод прогонит ни свет, ни заря.

Соседская бабушка встанет чуть свет.

К сугробу приносит их скудный обед.

Накрошит сухариков, кинет зерна.
О птицах заботится только она.

Сама не доспит, а когда не доест.
Покормит и юркнет обратно в подъезд.

... Старушки уйдут, и умрут без любви
сороки, синицы и все воробьи.

Про телевиденье

... Отвыкнешь думать головой,
коль присоседишься, как свой, -
под вид конструкции несущей
для дверцы, приоткрытой в мир, -
к телеведущей,
вечно ждущей
прямого выхода в эфир.

Поэт...

Памяти Евгения Т.

*Толпа – нестрошерстая, быстрая кошка –
Плыла, изгибаясь, дверями влекома.
Каждый хотел протащить хоть немножко
Громаду из смеха отлитого кома.*

Владимир Маяковский

Бездомный,
 бездомный,
 бездомный поэт
метался,
 метался,
 метался вдоль улиц.
Бездонный,
 бездонный,
 бездонный рассвет
его настигал,
 пока все не проснулись.

Промокли,
 размокли его башмаки,
продрогло,
 продрогло тщедушное тело.
Трепало,
 таскало за ниткой строки
его бесконечное,
 вечное Дело.

Проснулись и вышли из нор,
 как из гор.
 И в каждом жила
 бессловесная мука.
 Не видят в упор,
 и стихи не в укор.
 Поэт – лишь молчун
 и несносная бука.

Ночные стансы

Долгой ночью мне неловко,
 не усну.
 Зимний дятел бьёт головкой
 о сосну.

Невдал`и на речке мелкой
 треснет лёд.
 Ночью дремлет даже белка:
 устаёт.

Путь мой длинный и недлинный –
 два в одном.
 Перевернута корзина
 кверху дном.

Тяжесть лет из полных сумок
 не сгрузить.
 Этот движущийся сумрак –
 жизни нить.

Весна

Наш лес от шишек и до пят
 бессонно дятлы стерегут.
 Под ветром сосенки скрипят,
 берёзы к берегу бегут.

Мелькает ранняя трава,
 от кромки снега уходя,
 и шепчут теплые слова
 уста весеннего дождя.

Опыт

Вот час: идут за полцены
 сочувствие и соучастье,
 когда уже истощены
 запасы нежности и страсти,

когда былой полёт и взлёт
забыты, словно день вчерашний,
и птица гнёздышко не вьёт,
и волк в лесу уже не страшен,

и соль не в соль, и толк не в толк,
когда подул последний ветер,
и только опытность и долг
питают наше долголетье.

Книжный магазин 20-11

Бесстрастный день – ни желтый, ни зеленый .
Обычный предосенний листопад.
Еще к покупкам люди благосклонны,
но очевидно всё же невпопад.

Не грозный отзвук прерванных полётов,
не тусклый свет поверженных знамён –
богатство текстов, роскошь переплётов,
обилие писательских имён.

Лежат на камне грустные гвоздики,
неслышные гудят колокола.
На полках в ряд непроданные книги.
Предельно ясно, чья опять взяла.

Экраны брезжат нынче в каждом доме,
компьютером владеют все подряд.
Как островки в пылающей соломе,
на полках книги всё еще стоят.

Администратор в зале ходит хмуро,
подводится убыточный итог.
Так увядает книжная культура,
с цветка слетает яркий лепесток.

Зной. Огородный этюд

Где ветерка и солнца вдоволь,
нет сил поплакать ни о ком.
Склонились пожилые вдовы
над огородным сорняком.

Их чуткий взор к земле прикован,
ни зной не сгонит, ни гроза.
И, снисходя к таким оковам,
их ожидают небеса.

Не чудеса...

Живя в разомкнутом пространстве,
себя к внезапностям готовь:
тому, кто жизнь проводит в трансе,
сполна не оценить любовь.

Он шарит по пустым сосудам,
но отступает перед чудом.

Когда лентяй займётся делом,
трус на мгновение станет смелым,
растяпа – ловким и умелым,
зелёный цвет сотрётся белым, -

всё это – нет, не чудеса,
а лишь антракт на полчаса.

Обращение к поэтам

*«Жаркам Сибирским»
Петра Корытко*

Пишите, миленькие, в стол.
Пусть оседает стих на днище,
где даже хваткий Интерпол,
хоть с ног собьётся, не отыщет.

В покое или на скаку,
пишите броско и неброско.
Достаньте новую строку
из недр бунтующего мозга.

Пишите, миленькие, в стол,
чтобы перо не притупилось,
и сердце радостнее билось,
и свежий ветер вас нашёл.

Пишите, миленькие, впрок
стихи. Они у нас, как святцы,
и как отставленный урок.
Авось, когда-нибудь сгодятся.

Экологический этюд

Остатки гибнущего леса,
реликты девственной тайги, -
пресытись шествием прогресса,
как можешь, здесь обереги.

Тогда и рай тебе приснится,
и воссияет жизнь твоя,
раздвинув скучные границы

унылой прозы бытия.

И благодарная природа
за избавленье от невзгод
и ради продолженья рода
на счастье женщину пришлёт.

И, выясняя лишь причину,
а не в предчувствии конца,
той женщине пошлёт мужчину,
а детям будущим – отца.

Накрапывает дождик мелкий...

Играя в шутку, но вполне отравно,
дождь молотил по городу исправно.

Наохлившийся дэпээсник –
беда и боли флегматичный вестник –

стоял один на мрачном перекрёстке
у чернобелой мокнущей полоски,
на берегу неистребимой пробки.
А пешеход, нагорбленный и робкий,

кряхтя, перебирался без дороги,
в надежде, будто дэпээсник строгий
поддержит на крутом пороге
и скажет, подстелить соломки где бы,
чтоб не подняться в пасмурное небо...

Дух созиданья

Писательницы собирались в парке
выгуливать породистых собак,
и там друг дружке делали подарки –
незримых связей дружелюбный знак.

Занятия их были неизменны:
собачьих игр лихой круговорот,
из детских лет – азарт книгообмена,
меню с набором сплетен и острот.

А между тем по манию аспряла
они всё меньше слышали похвал,
в теснинах парка осень догорала,
а книжный рынок всё заустевал.

Вернувшись в дом не поздно и не рано,
они работой скрашивали дни,
и, проникаясь магией экрана,
свои шедевры строили они.

Дух созиданья крепко пробирал их.
И маникюр с помадой на губах,
и отголоски телесериалов
соседей с выгулом собак.

И шарики надутые сдувались,
чудачили старушки. Под шумок
полиции преступники сдавались...
Так жили персонажи, кто как мог.

Мужья, в плену домашних бухгалтерий,
ревнители писательских затей,
вели баланс доходам и потерям,
тетешкали собачек и детей.

В шкафах по стенам – Гоголь и Тургенев,
Агата Кристи, умный Сименон.
За стеклами неслышно дремлет гений,
та жизнь ушла, и непробуден сон.

Первая метель

У парка есть простая цель –
всё прочно спрятать в мире целом:
и норки ёжиков, и прель,
и все дорожки скрыть под белым.

Грызёт девица карамель
и гладит равнодушно кошку
под говор злобных пустомель.
А небо движется к окошку
и, серое, скользит сквозь ель.

Так начинается метель.

Земля зажда́лась

Не осталось, не досталось,
не случилось, не пришлось –
из богатства даже малость
накопить не привелось.

Да могло ли так случиться,
в это верится с трудом:
ведь из птичек лишь синица
за окном стучится в дом.

И стучится, и долбится,
хочет истину познать.
От меня-то не добиться –
лишь бы клюв не поломать.

Мне бы лучше мыслью взвиться,
цель была бы не проста –
оторвать перо жар-птицы
из павлиньего хвоста.

С неба надобно спуститься,
заждалась уже земля
и жар-птицу, и синицу,
и простого журавля.

Бельчонок на дороге

Нет больше меры скорбным встречам –
так много стало неугодных:
автомобильный путь отмечен
телами жертвенных животных.

Дороги нынче – не игрушки
для без вины приговорённых –
лежат расплющенные тушки:
то пес, то голубь, то котёнок.

Бельчонок серый резво скачет
в снегу метельном по ветвям.
Но белка не переиначит
опасный путь, открытый вам.

Размаху беличьего бега
уподобляется езда,
пока машины человека
не доконали навсегда.

Дорога стелется упруго,
вся – полоса на полосе,
и человечество по кругу
бежит, как белка в колесе.

О Высоцком

Высоцкий
жил, как факел, и сгорел.
Надет, как бляха, жителем парада:
Смеётся, ловкий:
- Пел, да устарел –
Открыто всё, да нам туда не надо!

Живём с всё нарастающей тоской:
не вечный взлёт, прямой, как автострада –
музейных фондов призрачный итог.
Не стюардесса, как награда.

Открыт Париж, но мне туда не надо!
Открыто всё...

Из последних тетрадей. Реплика

Реплика

О том, чем я живу, никто не знает.

*Тот, кем я дорожу, меня воспринимает
подобьем бесталанного педанта,
тогда как я иду дорогой Данта
и в муках прохожу теснины ада,
всё дальше от божественного Сада,
всё дальше вниз путём безумных сходней,
в глубины и теснины преисподней.*

*Задуматься бы всё же: не пора ли
убраться с омертвляющей спирали?*

*Но я же обречён смотреть и слушать,
как гибнут человеческие души,
как их стирают, комкают, сминают,
как с них покров бессмертия снимают.*

*И знаю: есть божественная тема –
увидеть свет кометы Вифлеема.*

*Но как успеть от путаницы к Вере,
коль впереди спина Алегриери?*

Эхо весны

Рассветная сутемень рдела
в огне отдаленных зарниц.
Вот снова весна прилетела
на крыльях вернувшихся птиц.

Из почки старинного клёна
проклюнулся первый росток,
чтоб после в узоре зелёном
раскинулся ближний лесок.

Шуршание волглого снега
на миг успокоит меня
короткой заплатой ночлега
на тканях взошедшего дня.

Всё радостней, всё интересней

движение с приходом тепла.
 К вакхической пушкинской песне
 опять моя жизнь потекла.

И вместе с волнующей тайной
 на белое поле листка
 легко и как будто случайно
 спешит опуститься строка.

О ветре

Когда терзают горести, как смута,
 то, по совету древних мудрецов,
 описываю ветер. Почему-то,
 куда ни повернись, он бьёт в лицо.

Не только это. Путая картину,
 авторитетен, свеж и деловит,
 внезапный шквал подталкивает в спину
 и утащить с дороги норовит.

Ещё бывает воздух переменчив,
 уныло хмарь волнистая течёт,
 как вдруг взметнется ввысь воронка смерча
 и много жизней разом пресечёт.

В бореньях с ветром счастье без опаски,
 двойное счастье в легком ветерке,
 что путь берёт от мимолетной ласки:
 глаза в глаза, рука в твоей руке...

Апрель. Сочится влагой атмосфера,
 и дуновенье нежное, бродя,
 целует ветки тающего сквера
 и на пальтишке ниточки дождя.

Рутиня

Сидит на облаке девица,
 и весь денёк, смурной и серый,
 кому-то счастье дать сулится,
 зовёт купаться кавалера.
 Она – известная певица.

Верблюду облако подобно.
 Повсюду облачные пятна.
 Сидеть на облаке удобно,
 а петь, наверное, приятно.
 Верблюду облако подобно.

Сейчас поющие уста ей
 небесный отрок смажет мёдом.

Вот голуби вспорхнули стаей.
 Всё это длится год за годом.
 Рутина длится год за годом.

На облаке сидит девица.
 Она – известная певица.

.....

Вся музыка Вселенной

Я молод был.
 Как власть
 и знак, и точка зренья,
 Индустрия рвалась
 в мои стихотворенья.

Не верится, что сам,
 имея ум и силы,
 я это написал
 (но так оно и было):

«В наушники врываясь по утрам,
 привычной станет музыка Вселенной –
 междупланетных строек тарарам
 и кораблей космических сирены».

В надежде на успех,
 я гнался за погодой,
 работая, как цех
 серьёзного завода.

Меж станций и мостов,
 что строились рядами,
 я жил от проводов
 и бредил поездами.

В строительной пыли
 мир ширился, чудесен.
 А женщины цвели
 и так хотели песен.

Все женщины – из грёз
 и музыки весенней,
 из ландышей и роз,
 и пылких объяснений.

И вот настала месть
 за ту былую косность:
 ведь Женщина и есть
 и пахота, и космос.

Прошёл, не отразив

любовные боренья,
не созданный массив
моих стихотворений.

Благодарность

Зелёным летом день длиннее,
земля просторней, и река
без берегов, и вместе с нею
дорога сызнова легка.

Не знаю больше места, где бы
так упоительно легко
в голубизну ручья и неба
вмешался прочерк облаков.

Мы благодарно день встречали.
Казалось, будто бы во сне,
что все заботы и печали
растают в той голубизне,

и всё добрей, всё неустанней
из юных далей мир глядит,
и дрожью первого свиданья
за все потери наградит.

AVE, CENSOR!..

Aut Caesar, aut nihil (Или Цезарем, или никем)

Ave, Caesar, morituri te salutant!
(Здравствуй, Цезарь!
Обреченные на смерть тебя приветствуют!)

Латынь

Аве, цензор, пощади!
Аве, цензор, не форсируй!
Минным полем проведи
и поэмы, и клавиры!

Аве, цензор, веселей
тереби библиотечку!
Над романом слёз не лей
перед тем, как бросить в печку.

Сердце слабое не май
пыткой – цензорским кошмаром.
Аве, цензор, поступай
сообразно циркулярам.

Делишь с автором угрозы
и опасности сполна.
А свои ночные слезы –
аве, цензор, - льёшь одна.

Настроение

Меня гнетёт кошмар..
Я обречён на муки.
Я не держу удар.
Я опускаю руки.

Ни цели, ни труда,
ни простенькой удачи
погасшая звезда
уже не обозначит.

Кто лучшее знавал,
того найдёт и свалит
открывшийся провал.
Но возродит едва ли...

Пейзаж

Спешат соединиться,
как требует душа,
напев рассветной птицы
с шуршаньем камыша.

Опустится пространно
над кромкою волны
прозрачный слой тумана
у краешка луны.

Качающейся лодкой
плывет перед тобой
сквозь марево
высотка
с покинутой избой.

День видится хорошим:
наладились дела,
когда ещё не брошен
и муза не ушла.

Бывалый старикан

Был бойкий и бравый.
Частенько бездумно
гонялся за славой,

за блеском и шумом.

Знававший порывы
и всякие риски,
когда-то ретивый –
остался без близких.

Он попросту гаснет.
В нем друга не видя,
жена прожила с ним
в тоске и обиде.

Он зиму и лето
не сходит с дивана:
таблетки, диета
и редкая ванна.

Он книг не читает.
Когда-то упрямый,
листает, листает
он телепрограммы.

Жена, что устала,
нерадостна тоже:
когда бы сначала...
была бы моложе...

Всё проще диеты –
он старец бывалый.
А телесюжеты
всё ближе к финалу.

Палевый сонет

Пророчествами стихов –
работает Неизбежность.
От палевых облаков
в природе любовь и нежность.

Здесь палевый свет небес
везде в полудённой сфере
голубит и дальний лес
и спящий в довольстве берег.

Всё палевое вокруг.
За небо держась крылами,
здесь палевый коршун вдруг
повис высоко над нами.

Здесь палевая волна
и палевая страна.

Ты и я

Ты власть и рок,
учитель в школе.
А я – игрок
на минном поле.

Как на беду,
ты штурм и натиск.
А я бреду,
кряхтя и пятясь.

И вот живу,
тебя листая.
А рандеву –
дорога к раю.

Петухи

Всё внушало тревогу.
Погромыхивал гром.
Петухи вчетвером
преградили дорогу.

Почему-то четвёркой
и без общества кур
завели у пригорка
удалой перекур.

Вот пустяк, а тревожит.
Жизнь и так нелегка.
Непонятное гложет –
в этом власть пустяка.

Кошка смотрит жеманно –
симпатичный пустяк.
И в сюжете романа
что-то так и не так.

И тревожит всё время
призрак давней беды –
непонятное в теме
путеводной звезды.

Приветливый рыбак

Висит заря, чиста,
на тополях и клёнах.
От жёлтого листа
до бурого листа
ещё полно зелёных.

Где волны чуть рябят,
с утра свежо и тихо.
Обрушен камнепад
дроздов на облепиху.

Вот гуси, воспаря,
к зимовке тянут клином.
В начале сентября
кончается малина,

и пожелтел стручок,
и так мила картина,
что даже паучок
оставил паутину.

Рыбак поставит сеть
и трубочку погасит.
Бесчинствует медведь
у отдалённых пасек.

Рыбак божится: - Так!
Сам встретился со зверем! -
Мы знаем: он чудак,
и верим, и не верим.

День тёплый и сухой.
Рыбак поднимет сети.
И угостит ухой,
и выпивкой приветит.

Боец

Кулак работал от бедра.
Надсадно зрители свистели.
Слова лились, как из ведра.
По большей части – мимо цели.

Легко ли бить наверняка?
Ведь зал капризен и не светел.
Крепчала сила кулака,
а зал как будто не заметил.

Боец рискует не успеть
к успеху нынче или завтра.
Ему приходится терпеть
дурную мощь амфитеатра,

и знать: не кончится кошмар,
и всё бодрее, всё достойней
держат удар, вести удар,
и не устать от вечной бойни.

Подарок

*Я твой король,
А ты моя королева!
(Из старо-советских песен)*

Божественное утро,
омытое дождём.
Кто поступает мудро,
тем сырость нипочём.

В то утро слаще хлеба,
омытое дождём,
подарком королевы
сполна вознаграждён.

Кармический призыв

Оборвана кармическая связь,
когда приходит позднее сиротство,
и дальше жить придется,
не боясь
утрачивать гордыню первородства.

Последний срок.
Да будет он велик.
И пусть Господь прозренье не погасит,
когда наступит неизбежный миг
соединить оборванные связи...

Марафонцы

В земных теснинах вслед за солнцем –
всегда немеркнувшей звездой –
бегут упорно марафонцы
по свету вечной чередой.

Бегут с бессмертным порученьем...
А солнце по утрам встаёт,
следит за их перемещеньем
и оступиться не даёт.

И ты, вступая в эстафету,
извечный подвиг не прервёшь.
Их достояние – планету –
вослед за солнцем понесёшь.

Я добежал...

Я добежал до этих зданий,
до той заманчивой черты,
где не закладывают дань им
в ненасыщаемые рты.

Но время спрашивает строго
с того, кто бьет мишени в лёт,
чья распростёртая дорога
к иным свершениям ведёт...

К роману...

Я на пределе сил,
как на вершине знаний.
И вдруг пролился пыл
внезапных указаний.

Хотелось бы уйти
в какие-то ворота,
чтоб не было в пути
такого поворота.

Уже удар судьбы,
казалось, невозможен.
Она: - Хотелось бы.
А ты: - Я должен, должен!..

...Открыв значенье пустяка мне,
мой мир побит, ошеломлён.
И лишь союз косы и камня,
возможно, будет укреплён.

Развитие

Держись, поэт!
В развитии чувств
упорствуй в избранном искусстве,
когда, во имя всех искусств,
с гранатой выбежишь на бруствер,
и вдруг увидишь пустоту,
где нет развития замаху.
Держись, поэт!
Храни мечту
и не гони, как росомаху!

Пусть нет ни друга, ни врага,
а только круг земной орбиты,
и только поле и тайга
тебе в развитие открыты.

Коль бирюзовые глаза
насквозь пронзят с немим укором, -
держишь, поэт!
Тебе нельзя
встречать их свет с потухшим взором.

Не видно в будущем ни зги?
А ты держись.
Иди упрямо.
Отставь гранату.
Сбереги
развитие от мелодрамы.

За нас решают...

Есть люди – не видны, не громки,
а нашу жизнь за нас решают.
И образы-головоломки
их речь нередко украшают.

Я не однажды был так занят,
что их коварства не пугался,
и что от их иносказаний
не прятался и не скрывался.

Талантливо и дружелюбно
сводили к ярости и розни,
а я – вояка безоружный, –
как мог, парировал их козни...

Набросок

Срывает ветер запертые двери.
Астрологу вещающему верим.

Гадалка карты крапленые мечет.
Страшит астролог близостью конца.
Игрок разъял всю жизнь на чёт и нечет,
не открывая бледного лица.

Не здесь ли смысл искомого прогноза,
приметный знак отбившимся от рук?
И, злой, пронзает сердце, как заноза:
не верю, нет, а все-таки, а вдруг?!

Поэты

Всё отшумело – травля и наветы,
над головами бешеный кулак.
На тихой полке – смолкшие поэты:
Цветаева,

Высоцкий,
Пастернак...

Не заблудись в роскошных многотомьях,
читатель добрый. Ты не виноват,
что нынче вряд ли кто-то вспомнит
о них, великих, что прошли сквозь ад...

Ураган

Тот ураган обрушил скалы
и, разрушая строй берёз,
до наших мест добрёл, усталый,
а в доме только крышу снёс.

Такой оказии не помним,
чтоб ветер нас не поберёт.
Он, клён старинный вырвав с корнем,
в канаве брошенной залёт.

Коль хаотично бьёт по целям
ополоумевшая плеть,
закон судьбы в подобном деле –
один: искусство уцелеть.

Не попадая под дубину,
полезно опытному быть -
не прятаться за чью-то спину
и никого не погубить.

Птицы

Июльский ливень переждём.
И птица здесь – скажи на милость! –
не хочет мокнуть под дождём.
Она – смотри! – в листве укрылась.

Скрывается в твоём углу.
За что ей послана невзгода?
Тяжёлой каплей по крылу
её карает непогода.

Тяжёлый ливень льёт ведром.
За что – она сама не знает, -
ее запугивает гром,
и молния почти пронзает.

Вдруг проясняется Восток,
светлеет – будто рассветает.
Она врывается в поток.
И улетает.

И да продолжится игра...

Да будет ясен наш маршрут,
и разум души караулит,
когда на лодке приплывут
дожди холодного июля.

И да продолжится игра,
и чуткий ястреб в небе вскружит,
когда кромешная жара
леса пожарами обрушит.

И чтобы молния и гром
прижались там, на верхотуре,
над мирным берегом,
ковром
спокойно легшим перед бурей.

И обещанием любви,
как прежде,
ты меня зови...

Разлука далека

Разлука зла, но далека...

В краю, где зла никто не помнит,
глухая тишь, ни ветерка,
лишь темносерая река
струится в отдалённой пойме.

Достигли зрелой высоты
среди неначатых покосов
высокорослые зонты
открытых солнцу медоносов.

В безвременье стоят дела,
людей оставили недуги,
летит беспечная пчела,
и облако не ждёт разлуки...

Весенний гост

Луна в ущербе малой долькой
небесных яств распознавалась.
Мой друг со счета сбился, сколько
зеленой краски проливалось.

Закат истлел на тёмносинем,
а ветер шелестел, как птица.
- Давайте рюмочки поднимем!

Весною тост любой сгодится.

Ведь мы же с вами все за выкат
из тупика на возрожденье,
за намечающийся выход
из безнадежных положений.

И друг сказал, бокал подняв:
-За лунный свет!
За зелень трав!

Завод

За серой стеной
небольшого завода —
искусственный зной
и смурная природа.

День ластится грубо.
Безумствуют ночи.
Цепляются трубы
за скудную почву.

Пространства, в которых
цветет торопливо
в колючих узорах
шальная крапива.

Там рядят и судят,
там ищут и ловят —
какие там люди,
и что нам готовят?

С какою волной
вызревает невзгода
за серой стеной
небольшого завода?..

Навстречу счастью

Стоит сиротская зима.
Поэт в толпу, как на экзамен,
от прежней славы без ума,
идёт с потухшими глазами.

Навстречу счастью своему
выносит нынешние строчки.
Ещё поклонницы ему
несут тепличные цветочки,

но замолкает льстивый хор,
злорадства недруги не прячут,

не бьют и не вступают в спор,
и за спиною не судачат.

Поэт, весна твоя прошла,
и замечает след метла...

Судьба интригана

Законченный болван,
шалун и интриган, -
подстрижен и побрит,
имеет бравый вид.

Он скачет и снуёт,
и песенки поёт.
Он с женщинами крут.
Беда – его маршрут.

Изъян, да не изъян:
хоть с вечера он пьян,
да снова весь в игре
на утренней заре.

Законченный debil
двух зайчиков убил.
Играл, играл, играл,
да всех переиграл!

Законченный болван,
шалун и интриган.
Его искусство – блеф.
И здесь он – царь и лев.

Всех умников собрал
и в усмерть обыграл.

Он делал, что хотел:
скакал, сновал и пел.

Но все-таки меж дел
ничуть не поумнел.

Пурга, как ведьма...

Весь день поток снежинок мелких
с небес метелица приносит.
И чёрный хвост летящей белки
сметает снег с берёз и сосен.

Так в жизни: вихрь метёт и кружит,
и, кажется, сбивает с ног.
Душа смолчит и занедужит,

уста не вымолвят упрёк.

Пурга, как ведьма, злобой брызжет.
Уже и белки не летят.
И даже голуби под крышей
в ненастье голодом сидят.

Но в тёплом доме не сидится,
когда буранит и сочится
лишь мрачный холод из-под ставен,
и говорят:
- Пора проститься. –
Так в жизни: выбор не оставлен.

Морозный утренник. Февраль.
Заря на миг оцепенела.
И небо серое, как сталь,
и сумрак, весь от снега белый.

И боль, когда уходит друг,
а ты вдогонку не успеешь.
Придёт бессилие разлук,
и ты от ужаса немеешь...

О возвращении

С богами тот не заодно,
и тот богам уже не равен,
кому однажды суждено
вернуться в брошенную гавань.

Не поторопится причал
открыться в новом постоянстве
тому, кто некогда бежал
искать свой путь
в пучине странствий...

В теснинах пустынь

*В Гимберии людей поедает
страшный монстр - лихорадка Эбола.
Эпидемия разрастается, вовлекая
соседние страны.*

Из газет

В Гимберии солнце тяжёлого цвета,
в пустыне живёт одинокий шакал.
Под небом черней голубого берета –
лютующий вирус у чёртовых скал.

В теснинах пустынь – вероломство и зависть,

шакал, поедающий мир до основ,
в ходу воровство чернокожих красавиц,
а спорт – отсечение неверных голов.

Сверкает наточенный нож изувера
сегодня и завтра, как было вчера...
В оазисе дремлет наивная вера
в божественный статус любви и добра.

Шакал одинокий гугнив и проворен,
убийца же собран и нетороплив.
В Гимберии вестником боли и горя
над жертвами кружится вдумчивый гриф.

В Гимберии свет проступает не прежде,
чем преодолется жизнь взаперти.
Лишь тот, кто до гроба привержен надежде,
к спасительным струйкам сумеет пройти...

Облака

Кто по дрова, кто в лес,
кто с вывертом, кто прямо, -
конструкторы небес
затеяли программу.

То движутся легко,
а то играют в прятки
спешащих облаков
бегущие порядки.

Должно быть, неспроста
меня прельщает снова
святая простота
их нравственной основы.

И х`аос белизны –
их вечная природа –
предчувствие весны
в любое время года.

Год...

Уйти ещё не насовсем,
а отдохнуть хотя бы год
от жгучих мировых проблем
и разных тягот и забот!..

Сказали б разом: - Подождём! –
когда б случилось это чудо
под сладким денежным дождём,

как манна, взятым ниоткуда...

Рыбец, наживу заглотив,
 плывёт за удочкой, неловкий.
 Набравши ход, локомотив
 летит, минуя остановки.

Судьба – лишь миг, когда в загул
 свободный поиск переходит.
 И кто бы к жизни пристегнул
 хотя б один свободный годик...

**ПАМЯТИ ВИКТОРА ЧЕРНИКОВА,
 рыцаря и барда Нижней Тунгуски,
 автора книги «Старый шарманщик»**

1.

Ах, старый,
 старинный шарманщик,
 романтик,
 а в сущности выросший мальчик!
 Куда ты ушел,
 бородач неуёмный,
 иль сгинул в тайге,
 иль на улице тёмной?..

Захватишь гитару –
 в пути пригодится
 на дальних привалах
 твоих экспедиций...

2.

Вот новое утро.
 Мы больше не вместе,
 спокойный и мудрый
 поэт из предместья.

Седой, бородатый,
 но сердцем не старый,
 ушел навсегда ты
 с бесценной гитарой

в болота, валёжник,
 в подъемы и спуски
 в трущобах таёжных
 на Нижней Тунгуске...

И новое слово...

Мне этот кайф знаком,
 пусть в исполненье новом:
 упиться языком
 и задохнуться словом.

Потом очнуться вдруг
 для воздуха и вдоха:
 на рифму, как на крюк,
 навешана эпоха.

Поэт и женщина

Поэт прогуливал уроки
 не час, а целых два часа,
 чтоб в старой роще у дороги
 услышать птичьи голоса.

Сирень цвела прохладным летом.
 Поэт по-странному любил.
 Дружила женщина с поэтом,
 всю жизнь скучая рядом с ним.

Она шептала: - Я устала...
 Любила всё же. Потому
 она поэта не бросала,
 страдая верностью ему.

Поэт работал неотрывно.
 И, полагая среди встреч,
 что ради музыки и рифмы
 любовью можно пренебречь,

поэт-прогульщик строил звуки
 и Время в стих переводил.
 Не посвящал стихов подруге...
 Да вдруг поэму посвятил!..

Удел пенсионера

У завершающей черты
 с очертанною сферой
 есть доминанта нищеты –
 удел пенсионера.

Решает жизнь сама:
 на месте тяги к знаньям
 взамен игры ума
 является брюзжанье:

что недополучил
 (скорей всего из лени),
 раз не достало сил,
 умений и стремлений, -

свалить легко готов
 на чьё-то невниманье,

на происки врагов
и недопониманье...

Предчувствие беды

Не на трубах, а на нервах
марши грозные играют.
Чёрный голубь-недомерок
землю клювом ковыряет.

Он ленив и непроворен,
а, возможно, недоволен
от того, что мало зёрен,
утомлён, возможно, болен.

Тут же, в з`аполошном беге
суетливая округа –
зёрна бывшие коллеги
вырывают друг у друга.

Ни просвета, ни управы.
Так и будут жить до гроба.
Тупиковая забава.
Ненасытные утробы.

А никто и не заметил,
а никто и не укажет:
с неба падающий пепел
им на головы приляжет...

Рассудку вопреки

Подобием пустынь
осталась для меня
раздавленная в пыль
машинами земля.

Плакаттики кричат:
«Природу береги!»
Но непрогляден чад
сжигаемой тайги –

рассудку вопреки
взвивается в зенит
над поймою реки
и в улицах стоит.

Коль время подошло
ступать ко всем чертям, -
вали родное зло

на инопланетян.

О ЛИТЕРАТУРЕ

Дневник почитателя книг

1. История – длящийся миг.
История книгами льётся.
История вышла из книг
И в книгах, как жизнь, отзовется.

2. Признался критик:
- Скорбь нашла,
когда услышал нынче летом:
«Литература умерла
с ее борьбой добра и зла
с чередованием тьмы и света,
и с тем, как делали дела
все эти Гоголи и Феты».

- Ты прав старик, но вот дела, -
так прозвучала речь поэта:
- Литература умерла,
но умереть-то умерла,
да вот воспрянула, пошла
и закусила удила...

Спрошу:
- Далёко ли ушла?..

Дрозд

Куда девался чёрный дрозд?
Он не из тех, что жили в стае,
и сообща везде летали.
Он, говорят, нырнул под мост,
как на погост,
откинув голову и хвост.

Он падал в густоту листов,
в кусты
и жив теперь едва ли...
А долетал до синих звёзд
и не боялся шумных гроз.

А жил от нас недалеко,
скрывался в роще на реке.
И нет ответа на вопрос:
куда девался чёрный дрозд?

Синица

Такое даже не приснится:
однажды осенью суровой
долбила форточку синица,
как будто ждя зерна и крова.

Синицам что? Сбивались в стайки,
слетались к первой на долбёжку,
и не давали спать хозяйке.

Тойота подошла к окошку.
Возможно, в ней сидят злодеи,
обманут эти лицедеи,
на милых птиц натравят кошку.

Забвение

Прощальная струна.
Звучание лови
последнего звена
исчезнувшей любви.

В минувшее ушла
лукавая игра -
холодная зола
погасшего костра.

Ни зги, ни ветерка,
и птица не поёт.
Спокойная рука
не вздрогнет, не взмахнёт.

Забвение, как тень,
О, время, не порочь
тот ненасытный день
и ту святую ночь.

Пейзаж перед ненастьем

Был дождь, и листья трепетали,
из тех, что нынче опадали,
и сутки выдержат едва ли, -
однако всё еще живут.

Асфальтом аспиднее стали
степенно голуби гуляли,
как будто пищу добывали,
но вред ли зёрна обретут.

Тут все сомнительные ралли,
где мы ведь тоже побывали,
святоши жёстко пресекали,
да всё никак не пресекут.

Я пёс...

Я пёс.
Мой путь означен целью,
- из череды бессчётных встреч,
как из глухого подземелья,
крупницы золота извлечь.

Я пёс.
В погоне за добычей
ищу короткие пути,
чтоб ускользящий обычай
надёжно в быт перевести...

Там нет покоя

Уйти в другие времена –
там нет покоя.
Автомобильная страна –
совсем другое.

К обеду ложка дорога:
другое время.
Надёжно вставлена нога
в лихое стремя.

Орёл, взлетающий в седло
работать шашкой,
не знал, что это ремесло –
с концевкой тяжкой...

Оратор

Среди оваций и знамён
нам свет ораторы открыли.
Об окончании времён
нам столько слов наговорили.

Тогда погибнет человек –
никто проснуться не успеет.
Земля не пустится в побег,
а разом вся заледенеет.

Оратор скалится, шутя:
-Сценарий страшен, но не завтра,

а миллионы лет спустя.
Пока живём внутри антракта.

Помечен абсолютным злом,
он времена перебирает,
и за компьютерным столом
другую музыку играет.

Блатную песенку споёт,
и между делом примет стопку,
и ненароком вдруг нажмёт
небрежно пусковую кнопку.

Связать бы порванную нить,
загнать назад разъятый атом,
успеть бы близких заслонить
собой,
да ведь не даст, проклятый...

Телепатемы

*Человек стоял и плакал,
Комкая конверт.
В сто ступеней эскалатор
Вёз его наверх.
Семён Кирсанов. Лирика*

Сквозь толщу Солнечной Системы
в мой мозг текут телепатемы.
В извилинах, узлах, субстанциях –
воспринимающие станции.
Я – поместилище удобное.
Вольф Мессинг, я твоё подобие.

Я совладать пытаюсь с бурями
не на Земле уж – на Меркурии.
Я в силах мыслить с точки зрения
цивилизации из кремния.
Звёзд и туманностей движение
читаю с малым приближением.

Но что там? Весть о чьей-то смерти...
Ты, плача, комкаешь конвертик.
И я, чья мысль к светилам тянется, -
здесь, на Земле, в почтовом зданьице,
у стенки, только что покрашенной,
вдруг замираю ошарашенно...

Мир манускрипта

Что миром не скрыто и скрыто,

из мглы уходящих веков
в таинственный мир манускриптов
стекает волнами листков.

Их путь человечески труден,
судьба – в беспощадной борьбе.
Им страшно бывает, как людям,
и больно – как мне и тебе.

Их плесень пятнает, как раны.
Им жребий в бессмертии дан:
бежать в отдалённые страны,
спускаться в костёр и в спецхран.

Их пишут, бывает, любовью,
на милых тетрадных листках,
а часто слезами и кровью,
и тьмой в пистолетных зрачках.

В блаженную юность вступая
(ещё никому не служил),
я знал одного шалопаю
и с ним, словно с братом, дружил.

А чтоб не свалился из круга
(казалось, в пучину нырнёт),
ему подарила подруга
на память нарядный блокнот.

Он стал знаменит. Но усталость
смела череду новостей.
Почти ничего не осталось
от книг и газетных статей.

И только витает над хором,
шаблону молвы вопреки,
нарядный блокнотик, в котором
он что-то писал от руки.

Там сладость любовного ритма,
там дух, вознесённый в астрал.
Таинственный дух манускрипта
в себя вдохновенье вобрал.

...Он мне признавался: на свете
одной лишь надеждой дышу,
что в книги гроссбухов столетий
хотя бы полстрочки впишу.

В старом парке

Всё было невпопад.

Мир наполнился покоем:
безумный листопад
сменился странным зноем.

Осенняя листва
застыла на деревьях,
и замерли слова,
как на устах у древних.

За этим рубежом –
беда в старинном парке:
этаж за этажом
лепили супремаркет.

Очистилась земля
и сделалась просторней:
на стройке тополя
валялись кверху корнем.

Топориком амбал
работал у дороги.
Он ветки обрубал,
как руки или ноги.

Мир трепетно застыл:
хотел в живых остаться.
Но кто-то вскачь пустил
войну цивилизаций.

Пригородный лес

Куда девался лоск? Исчез.
И вот я вышел на опушку:
почти по самую макушку
затоптан пригородный лес.

Ещё не кончилась весна,
и толком лето не пришло.
Но проявилась желтизна,
как будто зелени назло.

Вот сосны вечные – гудят.
Берёзы – те уже кряхтят,
трава в ложбинах не поёт,
зеленой быть перестаёт.

Мой лес, прими и приголубь,
и раны все перевяжи,
и расскажи, и покажи –
шагать ли прочь, идти ли вглубь,
где результат, и где исток,
где прячешь аленький цветок...

Его не стало

Стремился всё от жизни взять –
до главных мест, до пьедестала.
И вот уже – рукой подать...
Но в тот момент
его не стало.

Не слышен похоронный вой.
Не слышно трубного металла.
Отвергнут брошенной женой.
Что ж, заслужил.
Его не стало.

Обласкан денежным дождём,
а денег всё не доставало.
- Ещё ухватим, подождём, -
сказал. Но нет –
его не стало.

Не превратится в пух земля.
Ничьей любви ведь не сыскал он.
С ним не доспорил только я.
Другим плевать...
Его не стало.

Утро в спальном районе

Шуршит на улицах резина.
Необозрим простор небес.
Больной старик из магазина
бредёт с мешком наперевес.

В тот миг у всех свои резоны.
Как в ночь, горит фонарный ряд.
Пока таджик стриждёт газоны,
на страже голуби стоят.

Рули, шофёр! Тебе раздолье:
старушка зеброй семенит,
детей не видно – дети в школе,
гаишник, слушай, где-то спит.

-Ты с Марса, милый?
-Ради бога!..
-Не к месту здесь слова твои.
Забеспокоится дорога –
сейчас появится ГАИ.

- Но ты пойми и пешехода.

Закон, как люди говорят, -
 кому тюрьма, кому свобода.
 - Того затопчут, тех простят...

Я знал...

За годом год, из лета в лето
 глухою, жёсткою порой
 я сохранял в себе поэта
 и жил таинственной игрой.

Когда на собственном примере
 я терпеливо познавал
 удары боли и безверья,
 то продолжал стихами мерить
 любой обвал и перевал.

Где за обманкой шла пустышка,
 унижен, бит и перебит,
 я знал, что это передышка,
 как знал, что рифма, словно вспышка,
 разрядом молнии пронзит...

Зима - уже...

Был ранний снег, и всё засыпал,
 и залегает, раз уж выпал.
 Пал снег – мой милый протезе.
 Зима – уже.

... Октябрь. Так рано – канительно,
 а не прицельно,
 не раздельно
 уже который день подряд
 не паутинки,
 не дождевики,
 а только листья и снежинки
 в метели суетно летят.

Синицы форточки долбят,
 цепляя сетки коготками.
 Белеет сад.
 Вдали, в углу
 три белки, легкими шажками
 скользят по чёрному стволу

то вверх, то вниз, то поперёк.
 Всё это – около дорог.

Моя подруга – вся в тревоге,
 горюет: ах, они продрогли,
 ах, голодают, в неглиже...

И впрямь, зима не на пороге,
зима – уже...

Вертолётник – стрекоза

На ветвях чертополоха,
искупавшихся в росе,
нынче утром было плохо,
очень плохо стрекозе.

Видят ход осенней сказки
на цветах и на траве
перламутровые глазки
на зеленой голове.

Будет голод,
будет холод,
будет – неба не достать,
будет мир ее расколот,
будет – время не летать.

Не рыдает, не канючит,
ран своих не берedit.
На репейниках колючих
тихо, бледная, сидит.

Вертолётник уж не в силе,
завтра вряд ли будет жив,
перепончатые крылья
аккуратненько сложив.

Тельце тощее подсохло.
С неба капнула слеза.
На ветвях чертополоха
замерзает стрекоза.

Из разных тетрадей. Сервет

Сервет*

*За дерзость держал он ответ.
Грехи его в ад привели.
Не веровал в Д`огмат Сервет.
За это его и сожгли.*

*А Д`огмат был сила и власть.
Он праведно мучил и жёг.*

*Где сжечь он не мог, -
мог прокл`ясть.
И думал, что всё это –
Бог.*

*Он мог и избавить от бед
в течение истовых лет.*

*Но Бог –
это сущность добра.
Но Бог –
это солнечный свет.
Так, слышал я, мыслил Сервет.
И с тем он дошёл до костра.*

Мигель Сервет, 1511 – 1553.
Испанский врач и богослов.
Для популяризации своих воззрений
много ездил по Европе. Имел
неосторожность, будучи в Женеве,
оспаривать тамошнего религиозного
диктатора Жана Кальвина, иронизировать
над ним. За что и казнён, как еретик.

Автоинспектор

Ремейк из 60-х годов

Гнал на закат безумно некто.
Дымились вихри над мотором.
В тоске стоял автоинспектор.
Переживал чужую скорость.

Его как будто это мчало.
Он весь пропитан был гоньбою.
Стрелу спидометра качало
за гранью сто сороковой.

Природа пятнами мелькала.
Чёрт с ней! Уже не до природы...
И что-то страшное мигало.
И что-то там мелькало вроде.

Нет места предостереженьям.
Нет веры знакам и плакатам.
На трассе Царь и бог движенья
был вместе с бешеным фанатом.

Он знал: шальным и оголтелым
ограничения не в радость.
И был готов тяжелым телом
на руль бунтующийся падать.

Пора...
 Сейчас огонь по кругу
 метнёт земное притяженье.
 И всё...
 Тогда он бросил руку
 с жезлом.
 И оборвал движенье.

Хоккей.

Ремейк из 60-х годов

Памяти Валериана Архипова

Уже давно по сути дела
 была проиграна игра,
 Партнёрам, дерзким и умелым,
 сдавали лавры мастера.

Вратарь топтался неуклюже.
 Гремели около ворот,
 сшибаясь,
 полудужья клюшек,
 и шайбы ввинчивались в лёд!

В ворота шайбочка стучалась.
 Не просто так –
 стоять вот так,
 в громоздких панцирях перчаток,
 в непробиваемых щитках.

Команда слабла. Стилль их сломан.
 Предупреждения судьи,
 болельщиков злорадный гомон.
 И поражение впереди.
 Всё впереди.

Противник лихо вёл прорывы.
 И рассыпалась их стена.
 И откровенно весь период
 сдавали лавры мастера.

И только мальчик,
 только мальчик –
 стоял, как лев,
 плясал, как слон.
 То раздувался,
 точно мячик,
 то раздавался,
 точно зонт.

К нему, как чёрные медали,
летели шайбочки.
И вдруг
молниеносно отлетали
назад в игру!

Метался мальчик,
как пружина,
среди пробоин и прорех.
Работал мальчик,
как машина,
один за всех.

Команда сникла.
На трибунах
с ума сходили знатоки.
Он отбивал, не слыша гул их
и одинокие хлопки.

Эй, знатоки!
Игра не кончена. Внимайте!
Несётся шайба надо льдом.
Неуловим, во всей команде
уже начался перелом.

Кто прочил проигрыш?
Не нужно
спешить в прогнозах, говорю!
Команда приняла игру,
и с шайбой, вновь послушной клюшкам,
неслась к чужому вратарю!..

Ну, вот и всё про матч, пожалуй.
Каток. Болельщики. Игра.
В чью пользу счет? Чья проиграла?
А всё ж вы, парни, мастера.
Да, мастера...

Из дневников

Фукуяма -
Фукушима.
Ходишь прямо –
ходишь мимо.

2011.

Алхимик

Искусно выученный в Риме,
исполненный надежд и сил,

пришёл молоденький алхимик.
-Я знаю тайну! – заявил.

Как верил он, птенец весенний,
что не сотрутся никогда
его познания и умения,
его счастливая звезда!..

И кружевной, весёлый герцог
для ослепительной игры
открыл ему кредит и сердце,
лабораторию открыл.

Тогда, стряхнув пылинки странствий,
алхимик, бледный от похвал,
на алхимическом сеансе
сурьму с уриною смешал.

Ещё он ртути взял и серы,
а к ним секретный порошок
подсыпал некой тайной мерой
и на глазах у всех поджог.

Какое выбросилось пламя!
И, в безобразной толкотне,
метнулись рыцари и дамы
к частицам, вспыхнувшим в огне.

Потом отхлынула обратно
зевак глумливая волна.
И герцог милостиво крикнул:
- Ещё попробуй, старина!

Алхимик, не ропща, не плача,
стал у рабочего стола,
как лев, бороться за удачу,
трудясь прилежнее вола.

Так стал алхимик алхимичить,
стекляшкой в колбочке болтать,
из чепухи, из крови бычьей
надеясь золото достать.

А в перерывах понемногу
старинным тешился вином,
кабанью розовую ногу
глодал за герцогским столом.

Он отъедался год от года,
но пыл с годами не пропал.
А герцог мыкался в походах,
буянил, с женщинами спал.

Однажды, страшный, криворотый,
вернулся, Господом храним.
Поспешно заперли ворота
и развели мосты за ним.

Кричал на рыцарей, сдирая
парик с распущенных седин:
- Нам с вами не увидеть рая!
Все- туняядцы. Я – один!

Я ранен. Вот – сижу без денег.
Поход мощну дотла растряс.
Я спрашиваю: где бездельник?
Где этот злостный лоботряс?!

Он ринулся туда, где тигли,
где вёлся поиск панацей.
- Кончай приятель фигли-мигли!
Под землю! В камеру! На цепь!

На лестницах качнулись плоски.
Солдат прогикала толпа.
Сорвали красные сапожки,
жабо и шёлковый колпак.

Отныне, в рубище потёртом,
при тусклом свете каганца,
сиди и слепни над ретортой
своей до самого конца.

Свободным станешь, если выдашь
златой песок – источник грёз.
А получались ангидриды,
поташ и медный купорос.

Порой отодвигалась дверца,
и в забытьё, в кошмар, в тюрьму
ступал сутулящийся герцог
к полуослепшему, к нему.

Держала сохнущую руку
другая тощая рука.
И кашляли в лицо друг другу
два оголтелых старика.

... Алхимик, дряхлый и зловещий,
заставил стражу донести,
что он у грани тайны вещей,
у цели поисков почти.

Но становился герцог прахом.

Пора. У смертного одра
его установили плаху,
и – вспыхнул пламень топора!

Двору такое не в новинку.
Палач – не дрогнула рука.
И две души, летя в обнимку,
исчезли в щелях потолка.

... Ворота замка вновь отверсты.
Ликует праздная толпа.
Очередной весёлый герцог
в владенье герцогством вступал.

И снова, с тиглями своими,
отважен, светел, безбород,
один молоденький алхимик
стоял у герцогских ворот.

Робинзон

Безвыходно в безлюдье ввергнут он,
и к свету замурованы ступеньки.
Но всё-таки не сгинул Робинзон –
не влез в петлю,
не встал на четвереньки.

В безмолвии пустела голова,
и всё переставало получаться.
Он забывал отдельные слова
и с фразой разучался обращаться.

Устав от дел, листал какой-то том,
и молча цепенел под небом звёздным
над чудом сохранившимся листком.

Как он боролся, боже, как боролся!

Ходил в шитье из шкуры –
не нагой,
всё время был опрятен –
не набегом.

Боролся за жилище. За огонь.
За право оставаться человеком.

Всё научился: печь и класть полы.
Любые знал ремёсла и затеи.
Пол-Англии одел бы от иглы,
как от зерна пол-острова засеял.

Сомкнёт глаза – и станут возле глаз
столетний старец, в волосе, как в плече,

то некий ростовщик, то свинопас,
то гордая и ласковая леди.

Спасение – на верфях дальних стран,
в проворных пальцах, ткущих парусины.
Вот парусами взбухнет океан,
и юнги влезут с трубами в корзины.

И кто-нибудь из мальчиков, в ночи,
вися в корзине возле звёзд бессонно,
увидит дым и громко закричит:
-Ура! Я вижу остров Робинзона!

Счастливец!
Как завидуют ему
все мальчики грядущих поколений!..
А Робинзон безумствовал в дыму,
при виде бригов рухнув на колени.

Главы российской истории

Ярослав Мудрый: о силе и назначении государства

Дружинников на время отослав,
(он наконец спокойствия дождался),
сидел и мыслил мудрый Ярослав
о вековой силе государства.

Он знал страну. Он в ней увидел всё,
всё поднимал, обдумывал и строил.
Там сеют хлеб, там ладят колесо,
иконы пишут, чествуют героев.

Берёзы голубые и дубы –
родных лесов прекрасное наследство –
стоят у изголовия судьбы
рождённых для большой любви младенцев.

Дух в здешних людях – нет, не от овцы!
Случаются проступки и проказы.
Но отпускают грешникам отцы,
и в Русской Правде нету смертной казни.

К нам подступали хитрые враги,
брат поднимал оружие на брата.
Что должен ты? Отчизну береги!
Мир на Руси – вот мудрости награда.

Пусть в школах говорят учителя.
Пусть паруса наполнятся ветрами.

О, только бы жила моя земля!
Посевы наши век бы не сгорали!

Хочу, чтоб разум в душах не ослаб,
и всё светил, как солнце вешним утром.
Так размышлял о жизни Ярослав,
не зря в народе наречённый Мудрым.

Но, ход его раздумий перебив,
пренебрегая княжеским уставом,
в пылище тяжкой, в рубище, в крови,
вбежал гонец и стал пред Ярославом.

- Прёт, княже, из далёкой стороны
нас извести тупая сила вражья.
Все частоколы ею сожжены
и вероломно перебита стража.

И мудрый князь поднялся над столом,
взял всё, что нужно было в это время –
тяжёлый меч, кольчугу и шелом, -
и вдел сапог в серебряное стремя.

Ода земским врачам

Как жили земские врачи?
А хорошо, должно быть, жили.
Не знали утра без свечи
и поздно ночью свет тушили.

Покинув небогатый кров,
спешили день дотла истратить –
то объезжали фельдшеров,
то шли в холерные бараки.

Всё были около людей.
Всё знали про заболеванья.
И верили: нет дел святей,
чем, скажем, оспопрививанье.

А спали где-нибудь в избе,
без одеял и без подушки.
И, долгожданные везде,
с крестьян не брали ни полушки.

...Вёрст за сто в данный земством дом
приедет врач – товарищ редкий;
сидят бессонно за столом,
азартно спорят, сняв жилетки.

В лечебнице вздували свет
и операции творили.

И ad consilio* ответ
ища, о стольком говорили:

что доля медиков тяжк`а –
частица участи народной;
что гадят, вот, исподтищка;
что будет Родина свободной;

что хорошо бы отдохнуть,
что кто-то из коллег сломался;
что мысль вершит свой трудный путь
от Аристотеля до Маркса...

...Вот земский врач идёт сюда,
ко мне, весь в солнце, руку тянет.
Нестриженная борода
струит вокруг него сиянье.

Мой сверстник – долго ль будет жив?
Ведь что ему предназначалось?
Его, возможно, скосит тиф,
возможно, - дикая усталость.

...А чьё-то горе вновь стучит:
- Спаси нас, батюшка наш лекарь!

Так жили земские врачи –
как подобает человеку.

*Ad consilio (лат., мед.) – совместно,
сообща. Отсюда «консилиум» –
совещание специалистов
для постановки диагноза
и назначения лечебного пособия.

Никифор

Никифор знал, что будем
летать посредством крыл.
Так всё тогдашним людям
он это и открыл.

Могло пройти и проще,
победой без потерь, -
конечно, будь он лётчик,
и было б то теперь.

А он, что мог, то выбрал:
поднялся и упал.
Он тёмный был, Никифор.
Он грамоты не знал.

При всём народе, охнув,
свалился между верб.
И дьяк вздохнул: - Пройдоха!
Казне какой ущерб!

Дьяк знает, в чём загвоздка:
- Не возратить сюды
истраченного воска,
рогожи да слюды.

Сорвите-ка с Никишки
рубаху из холста,
да всыпьте-ка Никишке!
Кнута ему, кнута!

И был Никифор свален
и высечен, как тать.
И бабушку позвали
его поврачевать.

И, глядя в небо сине,
тихонечко шептал:
- Вот жил бы я не ныне,
а после, я б летал.

Он был хоть здешний духом,
но от земли далёк.
И мудрая старуха кивала:
- Так, сынок...

Меншиков

Ответ Ярославу Смелякову

*Куда девалась та отвага,
Тот всероссийский политес,
Когда ты с маленькою шпагой
На ядра вражеские лез?*

Ярослав Смеляков

Он ждёт. Одна свеча опл`ыла.
Свеча другая оплывёт.
Он ждёт опять того, что было.
Того, что будет, он не ждёт.

В дворцовой комнате укромной
он верит: это не конец.
И под письмом Петру Второму
надменно ставит: «Ваш отец».

Он знает нынешнюю сволочь, -

как ржёт, беря его листки,
та саранча, что близ престола, -
голштинцы, штирцы, пруссаки.

То адмиралы были с нами,
стрелки, кухмистеры, ткачи.
Теперь не то. Перед глазами
темно от этой саранчи.

Хотят залить Петрово пламя
питомцы бабьего двора.
Шурша камзольими крылами,
дотла сожрут посев Петра.

Спасенье будет не оттуда.
Оно под парусом плывёт.
Он не опалы ждёт, а чуда,
в печальной праздности, и вот,

кряхтя, вылезит из каретных,
несоразмерно узких дверц,
от гнева и от тряски бледный,
и он кричит, в слезах: «Мин херц!»

Тот, по спине привычно бухнув,
садится рядом. И они
по спящему Санкт-Петербурху
несутся вдаль, богам сродни.

Гони во всю! Теперь надейся!
Кровь пробивается к щекам.
Вот мимо рослых лейб-гвардейцев
они идут к временщикам.

И грозно п`о столу как вдарит –
из дуба высечет огонь! –
как в камень грохнув, государя
полуаршинная ладонь...

...Он ждёт сидит. Пред ним парсуна.
То друг, любовь его вобрав,
всегда могущественно-юный.

И рассыпается во прах
мирок пустой и пустяковый
о ту парсуну, как о щит...

Чу! Стук недобрый слышен снова.
Гонец изгнания стучит.

(А к Ярославу Смелякову
Василий Суриков спешит).

Пастернак

Был неизменно ясен Пастернак.
Где скрылись вы, кто помнит вас, писаки,
что в тысячах значительных бумаг
мололи разный вздор о Пастернаке?

Навряд ли, впрочем, память им нужна, -
тем заказным, тем знавшим всё писакам,
в ушедшие навечно времена
глумившимся спроста над Пастернаком...

Из цикла «Гражданская война»

1918. У белых

В гостиной тихо и темно,
тепло и томно.
Закрото шторою окно.
Легко. Укромно.

Излом изменчивой судьбы.
Рояль. Гитара.
Часок без дыма и стрельбы
и без ударов.

Хозяйка: нежный голосок
с печальным чувством.
Ей подпевающий басок
исполнен грусти.

Не станет больше никогда
любви и веры,
как только выйдут, господа,
ах, офицеры.

Как только, бросивши окоп,
взойдут на бруствер,
бессмысленно сражаться чтоб
с восставшей Русью.

Под пули красных партизан
по снежной крупке
пойдут за милые глаза
и домик хрупкий.

А выжившим – куда кому:
по-за кордонам,
на смерть в советскую тюрьму

или по зонам.

Тот вечер и его уют
могли ль остаться?
Хозяйку в лагере забьют
лет через двадцать.

Тиф. 1919

Гнал по путям бегущих тиф.
Как в море, в черноте бездонной,
как рыбы, крючья заглотив,
стояли чёрные вагоны.

Два санитаря, что ни день,
а иногда по целым суткам
считали крючьями людей,
сбиваясь в этом счёте жутком.

По самокрутке сотворя,
хлебнув для крепости гамыры,
под мёртвым зраком фонаря
срывали крестики с мундиров.

Почил в безделье семафор,
сомлел состав-сороконожка.
А те – бумажников набор
несли в холодную сторожку.

Своим безрадостным трудом,
должно быть, дорожили оба:
один в деревне строил дом,
другой за каторгою побыл.

Не волокли платформы груз,
не слышно воплей паровозных.
Освобождаясь от обуз –
обозов, пушек и тифозных, -

страдая, уходил Колчак.
Громада красных, накаляясь,
в мороз, у тифа на плечах,
ломилась в Новониколаевск.

На штабель трупов коршун сел.
В теплушке леденели нары.
«Кто был ничем, тот станет всем», -
тихонько пели санитары.

От поругания уйти –
вползти хоть на какой-то берег, -
отчаясь, выполз на пути

полуум`ерший офицерик.

Он приподнялся тяжело,
в намеренье ползти к востоку,
куда последний эшелон
по рельсам, точно конь, процокал.

И рухнул вновь под свой вагон.
Лишь продолжал под ветром биться
полуоторванный погон –
крыло подбитой, жалкой птицы.

Ах, как судьба было слепа,
как слаб мальчишка простодырый!..
Без доктора и без попа,
товарищей и командиров,

он умирал нехорошо.
Метель углярки крыла тенью.
Над офицериком прошло
его последнее виденье:

не шомпола, не свист плетей,
не тот старик, что им застрелен,
а дом гимназии в Чите
и банка с маминым вареньем.

Но для безжалостной игры
с небес метелица летела
на белобрысые вихры,
на остывающее тело.

... Кто там? Опять они бредут,
и крючья снова тащат оба.
Им нужно задержаться тут,
у заметённого сугробом.

«Ишшо один *колчак* пропал».
«Гляди, молоденька-ай, собака...»
И тащат мёртвого со шпал,
срывая крючьями рубаху.

Поэмы античного неба

Столпы Геракла

Конец, предел – столпы Геракла.
Корабль, предутренняя рань.
Солёной влагою набрякла
тугая парусная ткань.

Столпы Геракла. А за ними –
граница всех известных стран,
пучина мрака. Тьма обнимет.
Конец Вселенной. Океан.

Порозовели неба своды.
Ревел над палубою шквал.
Стояли молча мореходы,
и ветер волосы им рвал.

Ах, где вы, девы дорогие,
кувшины с пальмовым вином,
благословенной Финикии
цветы и краски? Где ты, дом?

Их предводитель, - видел каждый, -
забыл про дом, забыл про страх.
Нечеловеческая жажда
жила в неистовых глазах.

Дороже жизни – зов дороги.
Он в небо бороду задрал.
В тот миг ему трубили боги.
У рубежа. У этих скал.

Плыла земля в безмерном круге –
огромный драгоценный храм.
Он, предводитель, поднял руки
и повернулся к морякам.

Заговорил. К нему, внимая,
тянулись души и умы.
«Я отвергаю мысль о крае.
Мы не у грани вечной тьмы.
Мы посреди большого мира.
А ну, потуже пояса!»

По мановенью командира
надулись ветром паруса.

Встречь Атлантического вала
рванулась древняя земля.
Столпы Геракла миновала
тогда скорлупка корабля.

Архимед

Архимед рисовал чертежи на песке –
на нетленной и вечной чертёжной доске.

Не любил математика ушлый сосед.

Костью в горле торчал у него Архимед.

Злоязыкий повсюду напраслину плёл.
Всё словесной войнишкой на мудрого шёл.

«Архимед, - говорил он, - себе на уме.
Ни кивка, ни улыбки, ни слова ко мне.

Ни винишка из амфоры не отхлебнёт,
ни с гетерой в обнимку на пляж не пройдёт.

Нищ и прост, лишь в сандали без пряжек обут.
И зачем-то к нему за советом идут».

Но людьми по заслугам пророк был ценим.
Подступил к Сиракузам властительный Рим.

Вот на горло наступят его сапоги.
И пришли земляки: «Архимед, помоги!

Наши жёны и дети в смертельной тоске.
Дай нам технику боя. Пиши на песке!

Дай оружию облик и суть, и размер!»
И придумал оружие тот инженер.

Как солома, сгорели в порту корабли.
Но враги всё равно в Сиракузы вошли.

Тёк вдоль гибнущих улиц кровавый поток.
И в пучине его утонул городок.

Удручённо чертил Архимед на песке –
на нетленной и вечной чертёжной доске.

Чертежи возникали из боли, как стон.
А сосед между тем посетил Легион.

« Я великому Риму открою глаза,
на приют Архимеда ему показав», -

так всезнающим вестником римских побед
возомнил про себя Архимедов сосед.

Не считался с порядками этот нахал.
После дикой резни Легион отдыхал.

Никому не хотелось подняться чуть свет.
Никуда не ушёл бы от них Архимед.

Впрочем, всё же нашёлся один
добросовестный воин, солдат-гражданин.

Тот солдатик привык не жалеть ни о чём.
И прикончил пророка коротким мечом.

«Римский воин, - сказал он, - богами храним.
И в предателях – нет, не нуждается Рим!»

И сосед расторопный, согласно молве,
повалился на землю с копьем в голове.

Архимедовы просьбы веками свежи:
«Убивай, но не трогай мои чертежи!»

Уцелел Архимедов чертёж на песке –
на нетленной и вечной чертёжной доске.

Герострат

Ещё не заподозрен Герострат
в его погоне за всемирной славой.
Он бродит возле мраморных оград –
юнец прыщавый, хитрый и лукавый.

Он сер – не храбр, не боек, не умён.
Он, как сосуд, вмещающий обиды,
Поочередно в девушек влюблён,
бытующих при храме Артемиды.

Завидя их, трепещет, сам не свой.
Нашёптывая избранное имя,
целует их следы на мостовой
и ползает на брюхе перед ними.

Во дворике прихрамовом они,
все солнцем ионическим согреты,
богине обольстительной сродни –
Таргелия, Таиса, Пигарета.

Ещё беспечной заняты игрой.
Его всегда насмешками встречают:
кидают апельсиновой кожурой,
осмеивают и ногой пинают.

А надоест, так прогоняют прочь.
Пир Пигареты длится днём весёлым,
Таиса меченосцу дарит ночь.
Таргелия уходит с дискоболом.

Последний час. Оплёванный стократ,
пренебреженьем женским в сердце ранен,
застыл полубезумный Герострат
пред золотым, как солнце, изваяньем.

Мир не разрушен. Спят ещё сады,
спят брег и море, птицы спят до света.
На ложах возлежа, не ждут беды
Таргелия, Таиса, Пигарета.

Вакханки, вы могли б остановить.
Ему и надо-то всего немного:
ну, перестаньте жалкого травить,
позвольте хоть бы за руку потрогать.

Последние минуты. Тишина.
Ни гомона, ни ржанья, ни словечка.
Ещё лишь миг, и будет взнесена
в античном небе огненная свечка.

В посуде бьётся жертвенный огонь.
И вот пролито жертвенное масло.
И протянулась потная ладонь
к огню. И вмиг спокойствие погасло.

Под облаком стервятник прокричал,
узрев с небес погибельные сцены.
Настил из роз, пылая, заурчал,
и задымились мраморные стены.

Всё... Не успели выбежать вовне
три девушки, божественно нагие.
Испепеляясь, корчатся в огне,
закрыв собою статую богини.

Шипя, в руинах плещется вода.
Эфес * переживает драму эту.
Но не спасут пришедшие сюда
Таргелию, Таису, Пигарету.

Вам, дорогие жрицы, не узнать,
что весь огонь из жертвенников вытек,
что статуей богине уж не встать,
раз превратилась просто в дымный слиток.

А поджигатель радостен вполне.
Теперь он верит: вот она, награда –
вот Прометей с Гераклом в стороне,
а впереди – фигура Герострата.

Нет, Герострат не струсил, не сбежал.
Он пытку принимал почти что с честью.
И признавал: свой подвиг совершал
движимый жаждой славы, но не мезтью.

Он что хотел, то разом получил:

насмешницы жестокие убиты,
увидел в горе женщин и мужчин,
и головёшки храма Артемиды.

... Народ не сдержит ненависть свою.
Погребены при почестях вакханки,
и в то же время брошены зверью,
как падаль, непотребные останки.

Он породниться с вечностью взалкал.
И преуспел же. Так. Но что тревожит?
Грызёт эпохи Падаль, как шакал,
да вот никак насытиться не может.

***Эфес (Ефес)** - место описываемых событий,
один из дюжины значительных ионических
городов; храм Артемиды (Дианы Эфесской) –
одно из семи древних чудес света.

Галиматья. Приложение к поэме «Герострат»

*Галиматья, фр. – безтолковщина, чепуха,
вздор, безсвязица, бессмыслица, нисенетица.
Нисенетица, юж. – ни то, ни сё, чепуха,
бессмыслица, вздор.*

Даль

Опровергая сущность бытия,
и утверждая мир, пустой и плоский,
кипит, бурлит, свистит Галиматья.
Не соглашаясь, мальчик для битья,
вопя белугой, лезет к ней под розги.

И вот загадка: ждёт Галиматья,
и, выждав час, любит себя собою.
Уверена в себе Галиматья,
поскольку есть подросток для битья,
что подставляет тело под побои.

Вот установка, речь, а вот статья
и путь к розге, свободный и недлинный.
Ужасна не сама Галиматья.
Галиматья и мальчик для битья, -
вот ужас в чём, - они неразделимы.

Из тетради «Пушкин»

* * *

Пишу о стародавних временах

*с их гл`авенством не денег, но идей,
где лишь дуэль за честь бойцов рассудит,
где вор так вор, злодей, так уж злодей,
предполагая: так вовек пребудет...*

*Бессилен раб пред волей олигарха –
то жанровый закон в извечной драме:
Свет на коленях возле стоп монарха.
Но Пушкин воспарил над Светом и царями.*

Доктор Арендт

*Николай Фёдорович Арендт –
в то время один из наиболее
компетентных врачей России,
лейб-медик Николая Первого, -
лечил смертельно раненного
на дуэли Пушкина.*

Доктор Арендт, доктор Арендт,
не дождётесь вы похвал.
Это чьи там пальцы шарят
сверху тяжких одеял?

Чей там час последний пробил?
Как погасшая гроза, -
заостряющийся профиль,
уходящие глаза?

Истерзает и состарит
жребий, выпавший на вас, -
для доклада государю
ездить в Зимний каждый час.

Петербургский и московский
взбудоражен высший свет.
Лучший друг поэт Жуковский –
хоть за Пушкиным вослед, -

как сумел, так успокоил
неутешного отца:
«государь его присвоил,
но, увы, не до конца».

А жена? Так ей подавно
весть ужасную принёс.
Вот Наталья Николавна,
некрасивая от слёз.

Доктор Арендт? Он надломлен.
Как реальному врачу,

нетактичен и нескромен,
я в отчаянье кричу:

- Я-то знаю, я-то знаю,
чьё прекрасное чело
угасает, угасает,
чей там след перемело.

Доктор Арендт, вы не в силе!
Не сумели ничего!
Что ж вы, лучший врач России,
а прохлопали его!

Неуместны ваши вздохи,
щёки зря стыдом горят.
Лучшим лекарем эпохи
называют вас, собрат.

Вам же ведомы причины,
отчего же не лечить?
Доктор Арендт, мы мужчины.
Доктор Арендт, мы врачи.

Это, слушайте, так просто:
вызвать скорую ноль-три,
тело вызволить из простынь,
и – в больницу, и – спасти.

В нашем деле медлят разве?
Упускаете момент...

...Он не слышит. Солнце гаснет.
Умирает пациент.

Сам на грани смертной муки,
мой коллега – мрачный гость –
очень долго моет руки,
ищет шапку, шубу, трость.

Тихо молвит: - Да, не в силе.
И не более, чем блажь,
мой натруженный, мобильный,
мой врачебный саквояж.

Мне сегодня на угрозу
реагировать нельзя:
ни асептик, ни наркоза
у меня же нет, друзья.

Я работал неуспешно,
просто выбился из сил.
Ну, а разве вы безгрешны? –

доктор Арендт спросил. -

- Чтобы Пушкина добились,
вёрсты выстроены в ряд:
ваши реанимобили
в диких пробках простоят.

В ваших мощных и бессонных
тоже мрут от пустяка –
в ваших операционных
тоже смертность высока.

Тот, кто пишет ваши книги,
ото всех семи сторон
от предательской интриги
тоже не заговорён.

Где бандиты верховодят,
там у вас, а не у нас,
пули киллера наводят
на поэта в чёрный час.

Как настигнут, так ударят,
без руля и без ветрил.
-Извините, доктор Арендт!
Я не то наговорил.

... За окошком стынют люди.
Отрывая от земли,
сотни раз молва осудит
и возвысит Натали.

Ваш визит забудут краткий,
слава Богу... Скорбен путь...
Доктор Арендт, шагом шатким
вы идёте сквозь толпу...

На рысях, не без отваги,
в тайне, рвением горя,
опечатывать бумаги
мчатся вестники царя.

Баллада на смерть литературоведа

Весь век он проводил в бореньях
с врачами, с бабами... со мной...
Вот на его останках бранных
лежит могильный перегной.

Настанет вечер первозданный.
Могилы примут сонный вид.
И поминальные стаканы

бездомный люд опустошит.

Пейзаж, заведомо нечёткий,
освободится от бродяг.
Вороны, вспомнив о ночёвке,
обсыдут хмурый березняк.

Все, кто хотел, пришли проститься,
и молча удалились прочь.
И, каркнув, аспидные птицы
открыли аспидную ночь.

Дела, где он так наследил,
прошли в пустопорожном лязге.
Земные горести и дразги, -
уж не до них среди могил.

И вот тогда, в придворном лоске,
осилив долгий перелёт,
сподвижник Пушкина Жуковский
в обнимку с призраком придёт.

Что ж, кровью недругов насытись,
свой бранный подвиг завершив,
погиб в бою старинный витязь,
на поле голову сложив.

Но нет покоя, ибо вместо
того, чтоб стыл у хладных скал,
поэт на поиски невесты
его балладою послал.

А сам, войдя в былую силу,
из томной мглы безумных лет
восстал, дабы найти могилу,
где погребён литературовед.

Питомцы пушкинской поры

Н. П. Трухиной

У почитаемых могил,
где нет отбоя от туристов,
где я почтительно бродил,
стоят потомки декабристов.

Питомцы пушкинской поры,
они стоят с другими вместе
там, где покоятся миры
свободы, верности и чести.

Года... Хоть сотни лет живи,

сюда тропа не зарастает.
 Неистребимый дух любви
 над этой публикой витает.

Открыто множество причин
 чтить память предков неуклонно
 соотношеньем величин
 любви с достоинством поклона.

Громады времени летят.
 Из мрака звёздочки блестят.

Десятая глава

1

В глазах черно от злого дыма.
 Во мгле свободные слова
 Пожрёт огонь. Неотвратимо
 Горит Десятая глава.
 Ночной прискорбен труд поэта:
 Исчезнет труд в лучах рассвета.
 Сюжет собьётся и замрёт.
 Поэт писать перестаёт.
 Дворовый мальчик наготове
 Всю боль с хозяином делить.
 И перья новые чинить.
 Он пожеланья чутко ловит,
 А за чадящим очагом
 Следит, как будто за врагом.

11

Монарх спросил: - Скажи мне, Пушкин.
 Когда бы рок тебя призвал,
 И ты б, как Лунин иль Якушкин,
 В рядах мятежников стоял?
 И ты, в несбыточном угаре,
 Восстал бы против государя?
 И с ними, в статском сюртуке,
 Стоял с оружием в руке?
 -Да, государь. Во имя братства
 Я с теми мысленно стоял,
 Чей совершенный идеал –
 Навек повергнуть цепи рабства.
 ...О том горящие слова.
 О том Десятая глава.

111

Он заподозрен в соучастье.
 Над ним глумятся подлецы.
 Неровен час – его запыстья
 Сожмут кандальные рубцы.
 «...Онегин держит путь на площадь.

Читатель, может быть, и вы?
 Декабрь плюмажный строй полощет
 Ветрами льдистыми с Невы».
 Восставший разум гонит строки.
 В Сибирь, по манию царя,
 Друзей везут фельдъегеря.
 В Читу, в острог, несутся тройки –
 На жизнь в оковах среди стуж.
 «Там генерал, Татьянин муж».

1v

Аудиенции добилась.
 Сам царь отговорить
 Пытался. Вот что говорилось:
 -Я должен вас предупредить...
 -Ваше величество, я еду!
 -Вы навлечёте только беды
 Преступной волею своей
 И на себя, и на детей.
 ...Развязки судеб так не схожи.
 Татьяна учится варить
 И печь хлеба, стирать и шить.
 Онегин Таню не тревожит.
 Ему в романе вечно жить.
 А ей на каторгу спешить.

у

Он вырос – мальчик, чьи салазки
 Когда-то Пушкин описал.
 Он первым пушкинские сказки
 И слышал, и потом читал.
 Он обращается к поэту,
 Чтоб экзекуцию вот эту
 Прервал. Он слёзы льёт, прося.
 ...Глава сгорела, да не вся.
 Слуга из пепла тихо вынет
 Обрывки слов и строк, и фраз –
 Поэта прерванный рассказ –
 И сбережёт их, как святыню...
 Молва: про то Некрасов знал.
 И русских женщин воспевал.

Вина мобильных телефонов

Всему виной мобильный телефон.
 Звонок бы сделал – утром иль при свечке –
 подслушавший иль кто-то из сторон,
 чтоб не случился бой при Чёрной речке.

Могли бы дозвониться и царю,
 или хотя б Жуковскому сказали...
 А я – клянусь – от счастья воспарю

и попрошусь на танец в царском зале.

Я б Николая Первого просил,
 послав ему из будущего строфы.
 В тот час ему б достало сил
 прервать державно ужас катастрофы.

«Невольник чести» - лермонтовский слог.
 Ах, я забыл: он жил во время `оно:
 сексота не пустили б на порог –
 пусть с телефоном, пусть без телефона...

* * *

Бежит с пригорка на пригорок
 машина, словно бы конёк.
 До сладкой боли сердцу дорог
 апрельский ветреный денёк.

В полях, от инея белёсых,
 где расступается туман,
 недвижно шествуют берёзы,
 и птицы свищут по холмам.

Вот мы с коньком поля раздвинем.
 Вбирают даль мои глаза.
 Сюда, в простор, могучим клином
 вошли сосновые леса.

Лучи скользят по волглым сучьям
 и телу круглому дерев.
 Вспорхнул скворец к далёким тучам
 и сел в траву, не долетев.

И я, под ясностью небесной,
 среди холмов или равнин,
 тут вспоминаю: «мчатся бесы»
 и «колокольчик дин-дин-дин»...

И, проезжая нашим краем,
 землёй развернутых дорог,
 мы вновь и вновь обожествляем
 величие нетленных строк.

Берёзам давний спутник снится,
 а, может, думают о чём.
 Шофёр, как пушкинский возница,
 сидит спокойно за рулём.

Тетрадь особая. Тоска по Томску

* * * *P.*

*В поэтической стране,
на берёзовом коне,
с облаками наравне,
пронесусь, едва живой,
у тебя над головой.*

*В романтический момент
повторю эксперимент:
всё ли тот же я студент,
что хотел познать тебя,
за всю жизнь одну любя...*

Томск. Университетская Роща

Я словно чашу света выпил!
Земля прекрасна и строга.
За первым снегом новый выпал,
а там – ещё, ещё снега.

И стало жить ясней и проще.
Морщины прочь гоню со лба.
Передо мной в прозрачной роще
легла заветная тропа.

Сквозь неподвижные деревья
тропа стремится спокойный ход,
проходит по стихотворенью
и дальше, вечная, течёт.

Воспоминание о Томске

Подули ветры. Намочили
дожди старинные жилища.
Покрыли борозды-морщины
домов бревенчатые лбища.

Он выглядит немного странно
сегодня, - город, полный елей:
в нем есть и башенные краны,
асфальт и крупные панели;

а рядом – сколько раз мне снились! -
так сладко пахнувшие талом
и дымом – серые, резные,
сплошь деревянные кварталы.

Как снег метёт и хмарь тревожит,
дожди секут и солнце греет!
Как бревна в стенах морщат кожу!
Как в Томске улицы стареют!

Эх, брошу всё! На третью полку
швырну фанерную котомку;
не дам, не дам себя сбить с толку;
пройду вокзал. Пойду по Томску.

Там, близ покинутого сруба,
что занял улицу ночную,
меня встречающие губы,
дрожа от счастья, поцелую.

Вела к ним долгая дорога.
И вот они – теперь уж скоро! –
не произнесшие упрёка,
не проронившие укора;

А только – полные стремленья
ко мне, тоски пред расставаньем,
и жадности, и утомленья,
и свежести, и узнаванья...

Вот Город.
Он, как песня, льётся.
К нему потянешься, - и вот он!
К нему летят, летят колёса,
наматывая наши годы.

Ност`альгии печать

Людей прошедших больше не встречать.
На прежних, ускользящих закатах,
на переулках, ласковых, покатых, -
минувший Томск, ност`альгии печать.

Отплыли с ветром в сумрак облака
и спуск, чреватый выходом к реке,
и чёрный конь, как пёс, на поводке
у крепкого, хмельного мужика.

Тот путь, что брезжил, - более не крут.
Бревенчатых домов необычайных
давным-давно разгаданные тайны
теперь воспоминанием влекут.

Нестойкий миг в прощальном далеке.
И я – к твоей прижавшийся щеке.

Станция Тайга

На Томск пути через Тайгу.
И все студенческие странствия

проходят, будто сквозь иглу,
сквозь пересадочную станцию.

Я не однажды кочевал.
Ночами, словно мир, огромными,
глаз не сомкнувши, ночевал,
бродя примолкшими перронами.

Мерцали дивные огни –
зеленый, красный, фиолетовый.
И тихо было. С чем сравнить
ту тишину передрагсветную?

Внезапно – нету ни колёс,
ни паровозного пыхтения,
ни смеха ветер не принёс,
ни птичьих клёкотов, ни пения;

одни – едва звенят пути.
Из глубины, из ночи той
найдёт, с макушкой поглотит
внезапный приступ одиночества.

По эту сторону огней
всё вновь и вновь переживается,
как в убегающем окне
твоё лицо отодвигается...

Хотя бы раз, хотя бы здесь
поговорить по-человечески!
Вдвоём бы в пригородный сесть
и покатить назад, к Предтеченску!

Но нет же... Снова мне шагать
без той, далёкой, что обидела...
Ах, где ты, станция Тайга,
что расставанье это видела?!

Месяц любви

Опять фонари вдоль трамвайной дороги...
Нелепые письма без стона порви!
Наш март возвращается, в тучах, в тревоге
ночной, неизмеренный месяц любви.

Опять я шепчу у ворот, у заборов,
ловя твои руки, о страсти своей.
Рассветы всплывают в студенческий город...
Порви мои письма, по ветру развей!

Наш март повторяется, нежный и грубый.
Встают общежитья, трамваи звенят.

И снова твои бесконечные губы
в тот давний наш март возвращают меня.

Переулоч

Здесь пахнет деревом сырым,
и голоса ночные гулки.
А мы притихли и стоим
в меланхолическом переулочке.

Он весь пронизан тишиной,
но в ней, густой и полусонной,
то взвизгнет тоненько гобой,
то загремят аккордеоны.

То будто выйдут на разбой
далёких громов переливы
и надо мной и над тобой,
такую нежной и пугливой.

И непонятно такой,
и на прохожих не похожей,
и глядящей своей рукой
моих волос торчащий ёжик.

Так над скворещеным мирком,
над переулочком многоустым,
что стал мне дорог и знаком,
встаёт большое наше чувство.

* * *

В трудных поисках, в спорах жарких
я застал в один из моментов
самых мужественных и ярких,
страстных, чутких томских студентов.

Я знавал их в часы досады:
дар веселья дан им не даром.
Я учился у них, как надо
отвечать на удар ударом.

Я их понял в годы разлуки,
в одиночестве испытанья:
опускающиеся руки
снова подняты их дыханьем.

Гаданье

В ресторане Томского вокзала
нам цыганка, помнится, гадала.

Спорила, обманывала, лг`ала,
откровенно деньги вымогала.

Можно было высмеять заранее
это никудышное гадание.
Мы ж не говорили ей: - Ну, ладно!
Слушали настойчиво и жадно.

... Не сказали мы об этом случае
женщинам, которые нас мучили.

Тоска по Томску

Весна за весной – как сосна за сосной.
Уверенный поезд в пространстве несётся
сквозь годы и вёрсты, сквозь нынешний зной,
подобный кипящему в термосах солнцу.

Давно я забыт ностальгическим Томском,
свободен от граждан его полунищих.
Тот город рифмуется с Шерлоком Холмсом,
но память его не разбудит и сыщик.

Я сам себе Холмс в этом странствии долгом,
где мчит меня вдаль моя жизнь молодая,
текущая вечно меж ветром и Богом.
Я встану не раньше, чем буду когда я

воспринят в его деревянных хоромах,
возлюблен в его удалых захолустьях,
с шарфами его шелковистых черёмух,
с водой из колонок, с печами. Да пусть их!..

О, солнечная внятность!..

Для нас и для потомков
навеки сохрани
студенческого Томска
заветные огни!

О, солнечная внятность
и рук твоих, и губ,
целованных стократно
на томском берегу!..

Бродила наша радость,
шепча свои слова,
от Лагерного Сада
до станции Томск-Два.

Крепчали наши корни
над доброю рекой,

от улицы Загорной
до улицы Тверской.

Я снова, снова слышу
святой и светлый зов
бревенчатых домишек
и каменных дворцов.

И счастье есть, и горе.
Но не погаснет, нет,
его аудиторий
и общежитий свет.

Колдун

Я занят колдовством.
Я волхвовать умею.
Из слов я строю дом
и заклинаю змей я.

Чтоб счастье испытать
опять побыть студентом,
могу всю жизнь глотать
асфальтовые ленты.

Остановлю волну,
нахмурившись сурово,
Я в зелени тону
и воскресаю снова.

По-зверьи бы рычать
и петь бы мне по-птичьи,
деревьями б шуршать –
вот было бы величье.

Я травы разведу,
я соберу цветенья.
Забормочу – колдун –
рефрен стихотворенья.

Поэт Вадим Иванов

Когда-то в лесах за Томью
среди сплошных катастроф
жил в маленьком старом доме
поэт Вадим Иванов.

Весь в путах недуга прочных –
железней любых оков
собственный позвоночник
чувствовал Иванов.

Жизнь в тело вбивала клинья.
С горы, говорят, видней:
любимые уходили,
бросая его в беде.

Любимые тоже люди,
им тоже хочется жить.
И кто их за то осудит,
как принято говорить.

И в горестный час из груза
боли и голых стен
к нему поднималась муза,
любившая без измен.

Чем дальше, тем неустанней,
муза влекла, летя.
И в шёпote пониманья
рождалось у них дитя.

Потерями и болезнью
сумевшая пренебречь,
рождалась его поэзия.
Теперь её не отсечь.

Он так и считал, упрямый,
когда в солидный журнал
тетрадочки со стихами,
одна за другою, слал.

Их там, свежа, импозантна,
а в сущности, как метла,
машина, Литконсультантом
завшаяся, ждала.

Мол, нет и не будет книжек.
Печататься? Не талант.
«Из банды рвачей и выжиг»
тот давний Литконсультант,

которую Маяковский
когда-то предугадал.
Халтурная наша гостья,
когда ты сгинешь, когда?

С ответом тянул резину,
стихи навсегда сложив,
как в мусорную корзину,
в редакционный архив.

А где-то в глуши за Томью,

больной, в кругу катастроф,
в своём полунищем доме
надеждой жил Иванов.

Ответ задержан доставом –
так он рассуждал: дождём,
распутицей, ледоставом,
метелицей. Подождём.

Конверт поступал зловещий,
исчадие всех невзгод.
Творились такие вещи
с поэтом из года в год.

Решим теперь: почему же
он всё-таки победил?
Кому дозарезу нужен
и близок, и дорог был?

Друзьям и семье. Потомкам,
в чьей памяти воскресал.
Проспектам и кедром Томска
(тот город его спасал).

В горе людском, как в хламе,
сгубив не один талант,
жирел чужими стихами
деляга Литконсультант.

Где он сегодня? Вытек.
Истёрт его грязный след.
Но выстоял паралитик
Вадим Иванов, поэт.

Чердак на улице Тверской

На улице Тверской при сносе дома,
которому не меньше сотни лет,
среди стекла, под прелою соломой,
на чердаке был найден пистолет.

Был день весенний – ветренный, неяркий.
Вокруг себя строителей собрав,
оружие довольно старой марки
в руках держала девушка-прораб.

Дивились все таинственной находке.
Хозяин дома – не был на виду:
газет не брал, не пил вина и водки,
и тихо умер в нынешнем году.

Вот сведенья о старце одиноком,

но почему – ответа нет и нет –
жил человек десятки лет под боком,
и в битых стёклах прятал пистолет?

И от кого – от белых ли, от красных –
упрятывают ловко старики
в предметах непростых, небезопасных
из биографий целые куски?

Находка быть могла деталью в сказке,
и детям пригодилась бы в игре,
но пистолет хранился в свежей смазке
и в не по росту сшитой кобуре.

И девушка-прораб в тот день со стройки
домой одна в задумчивости шла.
И тополя стояли вдоль дороги,
которая в прошедшее вела.

Они-то знали, тёмные деревья,
ведь в их стволах свернулись кольца лет.
В изгибах улиц, в переулках древних
для старых тополей секретов нет...

Всё было сказкой

В том городе,
большом и старом,
всё было сказкой.
По деревянным тротуарам
ходил с опаской.

Дворец смотрелся нерушимым,
и кони ржали,
Берёзовым душистым дымом
дома дышали.

Коты бродили на дорожках.
Полы скрипели.
И в общежитье на окошках
девицы пели.

На час зайти в мою обитель
ты снисходила.
И дерево искал строитель,
что было силы,
чтоб в брёвнах, сложенное в стенах,
свободой пахло...

В тех временах благословенных
ничто не чахло.

... Найти черты в своём потомстве
таких, как были,
как мы любили,
и нас любили
в старинном Томске.

В старинном Томске. Собаки

Стелясь в метельном полумраке
над перекрёстками окраин,
сшибая с ног внезапным лаем,
людей преследуют собаки.

Дворняги без семьи, без рода,
блеск плотоядных глаз не пряча,
ублюдки бешеной погоды -
они быстры. Они бродячи!

Они в метель почти нагие,
под фонарями, точно пятна.
Немая сила их стихии
ещё во многом непонятна.

Сачки ловцов кладутся в сани,
и псы режут всё злей и громче.
Они своё существованье
в лабораториях окончат.

* * *

Тёплый ветер – к большому снегу,
к белизне, к чистоте, к сугробам,
снежным бабам, снежкам и смеху,
к перепутанным первым тропам.

День опять и глубок, и светел,
давней болью и счастьем тянет.
И куда-то относит ветер
светлый пар твоего дыханья.

Из цикла «Молчаново. Уборка хлеба».

* * *

...А всё ж перо моё мужало
в глуши молчановских лесов,
где топь от ужаса дрожала,
и оседало колесо,
и обращаться не желало.

Во мне рождался человек,

и человек держал экзамен
в полузатопленных дождями
развалах старых лесосек.

Рвались на тросах рукавицы.
И от усилья наших плеч
переставали в топях биться
машины. Зачилась речь,
чтобы когда-нибудь родиться.

Я слушал песни, что в полях.
Я обнимал тебя, земля...

И я за хмарью видел небо
и вдохновенье потому,
что вечная насущность хлеба
рождала преданность ему.

Кул`и

Мы хлеб возили в Кузино
с далёкого культстана.
Сидели в тряском кузове,
поверх кулей, с Иваном.

Хоть было это осенью,
светило солнце в лоб нам.
Не лило, не морозило,
а дуло ветром тёплым.

Кули, такие умники,
стоят, сцепясь бочками.
Иван сказал: - Подумай-ка! –
и засверкал очками.

Иван сказал: - Мы воины! –
и потянулся с хрустом. –
Мы справились. Освоена
работа на погрузке.

Мы тяжести осилили.
Так славно всё на свете:
машина, небо синее
и мускулы, и ветер!

Подсохла грязь. Не месиво –
Дорога, как дорога.
Нам сделалось вдруг весело:
сидели, как два бога!

И мчались, будто конница,
под тучей пролетали.

Сейчас уже не вспомнится,
над чем мы хохотали.

Молчаново

Молчаново, Молчаново,
суровая земля,
всё сызнава, всё заново
с тобой встречаюсь я.

Измученные лошади.
Студенты – восемь лбов.
Немерянные площади
неубранных хлебов.

Мы, так сказать, для помощи
колхозникам пришли.
С утра до поздней до ночи
таскали мы кули.

А ночь! Уснёшь под ватником,
тут бригадир Егор:
- Ребя-аты, ЗИС*, вставайте-ка! –
я слышу до сих пор.

Был миг один: под ношею,
посереда дождя,
я думал: ношу сброшу я
иль рухну, не дойдя.

Так сгинул бы без толка я,
когда бы не оно –
молчановское, волглое,
тяжёлое зерно.

Тугое и красивое.
Я к жизни поднят им,
его пшеничной силою,
могуществом земным.

Не землю по экватору
прошли, подошвы сбив,
а путь до элеватора
над берегом Оби.

Всё сызнава, всё заново
иду в твои поля,
Молчаново, Молчаново,
суровая земля.

*ЗИС – грузовая машина, в те времена
вместимостью в 1,5 тонны, то есть

полуторка.

* * *

Прости, рифмую заново –
суровый месяц как экзамен,
и та земля в селе Молчаново,
что вся иссечена дождями.

Забыли мы про небо звёздное
и ослепительный рассвет.
И цвет воды, небес и воздуха
был серый цвет,
свинцовый цвет...

Ночь наибольшего приближения Марса к Земле. Ремейк

От газет и от радио жили вдали,
а про будущий Спутник и слух не ходил.
Но про ночь эту знали. Огонь разожгли,
и в культстан, где тепло, ночевать не пошли.

Было знобко. И Марс нам, не грея, светил.
- Аэлита – моя, - заявил вдруг Лек`арский. -
Как закончим, женюсь.
- На Земле, не на Марсе? –
слубопытствовал вроде бы в шутку Иван.
В тон ему был ответ: - В Берендеевом царстве.

Марсианская ночь... Объявляется план:
кто про что, а Лекарский о Марсе.

Тихим зовом колосьев звенела Земля.
Не войной с марсианами жили поля.

Подошли трактористы. Уселись в кружок.
Подошёл комбайнёр и, золу шевеля,
Прикурил, и в костёр опустил уголёк.
- Полетел бы на Марс. Заявленье подам.
- Марс ещё не освоен.
- Тогда на Луну.
Шутка, что ль?! – хохотнул неуверенно сам.
И задумался, вслушиваясь в тишину.
- Я здоровый, - продолжил. – Прошёл целину.
На Морфлоте служил. Тоже надо учесть.
И желанье к планетам слетать – это есть...
- А жена?
- А не стану жениться пока...
Так, студенты, возьмут ли?
– Да наверняка...

Красный Марс, приближаясь, навис над костром,

накалялся помалу и рос по минутам..
 ...Кто бы знал, что работал уже космодром,
 космонавтов готовили к звёздным маршрутам...

Марсианские тени толпились вокруг,
 в темноте, над молчановским полем разлитой.
 где Лекарский мечтал о певице Ткачук*
 и влюблено шептал: - Аэлита!

 *Аэлита Ткачук – московская певица, побывавшая
 на гастролях в славном городе, где учился Лекарский.
 Очевидно, так же, как Марс, для него недостижимая.
 Хотя, кто знает... Лекарский ещё тот был упрямец.

Воспоминанье о разлуке

С высоты, с высоты на мосты
 звездопады и капли летят.
 Где-то ты,
 где-то ты,
 где-то ты,
 где не спят, где ночами не спят.

Бьются рыбы в холодной воде у мостов.
 И ребристые груди машин,
 как стальные ножи,
 у стены темноты у мостов.
 Где-то ты,
 где-то ты,
 где-то ты.

Запоздалые лошади тихо бредут,
 их копыта о старые брёвна стучат.
 Только звёзды вокруг над мостами цветут.
 Котелки над кострами.
 Похлёбки урчат.
 Это – врозь. Только писем листы,
 что не больно часты, да мосты.
 Где-то ты,
 где-то ты,
 где-то ты...

Мгновенье

То был один осенний полдень после ливня.
 Я с молчаливыми людьми лежал на сене.
 Был в отдаленье лес – нечёткость линий.
 Возможно, листья леса шелестели.

Не помню облаков: они, пожалуй,
 подобно лесу, не имели граней.
 Был скромнен лес: ни горечи пожара,

ни птиц неутомимого старанья.

Да, это так: молчали горла птичьи,
и добрые друзья мои молчали.
И в тот момент я впитывал величье
дотоле мной непознанной печали.

То было, очевидно, ощущение
неразделимости с живой природой.
Так приоткрылось вечное значенье
минуты этой на изломе года.

Вот был момент...
И кончилось мгновенье.
И снова, словно вытянутый в струнку,
я для всего искал определенье
и тосковал без чёткого рисунка.

Из тетради «19-91»

Контакт

*На перепаханной поляне
сидели инопланетяне,
весьма усталые с дороги,
и предавались хатха-йоге,
узлами став, и в той же позе
стоял на стрёме их бульдозер.*

*Боясь прослыть совсем бестактным
в своём анализе трансактном,
застыл, подобно истукану,
не прерывая их нирвану, -
хотел бы смыться вместе с ними,
куда субстанция поднимет.*

*Заворожён вселенским ритмом, -
пожалуйста, я ста магнитным
и сразу был затянут в щелку
на межпланетную тарелку,
оставлен в комнате опрятной,
откуда хода нет обратно.*

*Кто я? Цветок в оранжерее?
Пират, повешенный на рее?
Сугроб над брошенным окопом?
Бактерия под микроскопом?
Кем сделан там? Дорожной вехой?
Ответ: - Просился ехать? Ехай!*

*Земным болезням не подвержен,
без пищи сытый, - не привержен
картофельному и мучному, -
да много ль надо мне, ручному?
Бесплатная подружка («котик»),
стопа газет – почти наркотик:*

*подобно иглам, кровью мажут
отчаянные репортажи,
статьи, случается, уколуют,
а хроника вопит от боли.
Кит перед гибелью зевает.
Земля людьми оскудевает.*

*Развязан узел хатха-йоги,
бульдозер свищет на треноге,
сметает лес, на город тянет,
повсюду инопланетяне,
и, незаметные землянам,
работают под океаном.*

*Землица рыхлится и мнётся,
водица теплится и льётся,
и удобряются посевы –
земля направо и налево,
земля в переворотном веке.
Ей надоели человеки!*

*Догадки, сплетни, слухи, страхи,
сомненья даже в близком крахе.
Один лишь всё на свете знает,
да спрятался и не мешает.
Болтаюсь путником небесным,
балда, всем Космосам известный.*

ДИДЖЕЙ. Поэма

1.
Замкнулось небо на засов.
Раскрылись тучи.
Но Светило
сквозь желтизну глухих лесов
пробилось и предупредило,

что впереди сезон дождей,
быть может, и неукротимых.
И пригорюнился диджей,
и убежал, пока не вымок.

Река вступила в берега.
От птичьих клёкотов печальных

диджей – ночных забав слуга
и веселящихся начальник –
устал
и больше не блистал.

Так охлаждается металл...

2.

Возликовала ворож`ея,
когда однажды вечером
заполучила в дом диджея.

Раскинув карты веерком,
распределила чёт и нечет,
взяла магический кристалл
в блескучей мгле
душистых свечек.

Диджей от музыки устал.
Его все больше тянут стулья.

Он был расчувствован вполне,
обняв за талию колдунью,
внимать гаданью в тишине.

Вот замечательная пара –
гадалка
и диджей с гитарой.

3.

Всенепременный друг идей,
друг чуткий – ушки на макушке, -
отпетый труженик
диджей
слегка припудрил конопушки,
поправил рыжий ирокез.

Тут, направляя шум и тряску,
взяла фанера фа-диез,
и мир преобразился в пляску.

Гремела музыка-пурга.
(Все дело в музыкальном слухе).
В полметра круглая серьга,
звеня, болталась в левом ухе.

Жар-птица пела в рукаве.
А мир стоял на голове.

4.

Диджей Абдурахман
почти что из картинок

построил не шалман,
а вовсе мини-рынок.

Ах, маленький игрок,
он рыночек построил.
А выйдешь за порог, -
там выставлены строем,

и, словно для борьбы,
стоят ножами в спину
модерные кубы
гигантских магазинов.

Примета возрождения –
эксперимент диджея?..

5.

Диджей Абдурахман
засел гвоздём в поэме.
Он был бы уркаган,
случись другое время.

Несётся время вскачь,
эпохи нас не спросят, -
и был бы он трубач,
а то и знаменосец.

Наступит новый срок
на тротуарной плитке.
Уже его ларёк
качается на нитке.

Диджей всегда рискует.
Он, знай себе, торгует.

6.

Гаданье вовсе не пустяк,
но заклинанье от невзгоды.
Запас душистых трав иссяк,
а с тем картёжные колоды.

Молчит магический кристалл.
И не подскажет ворон мудрый,
куда мальчонка запропал,
молчком исчезнувший под утро.

Безмолвны шторы у окна.
И свечи не горят, покоясь.
И не уверена она,
предпринимая трудный поиск.

Ведь, если тщетны все гаданья,

то есть ли смыслы
в мирозданье?..

7.

Толпе не приказать,
чтоб медленнее шла.
В толпе ни дать, ни взять –
у всех свои дела.

Быть может, проспала
сама свою судьбу –
взяла и отдала
мальчоночку в толпу.

В походной пестроте,
страна, твои пути –
в узорчатом шитье
соломинку найти.

Страна, как тротуар.
Волшебница.
Кошмар.

8.

Облом
– и поделом.
Расскажет всем разиням,
как в ступе с помелом
носила в небе синем,

как взмыла от угла,
навзрыд с досады плача,
едва не проспала
очередной удачи,

но чудом обрела
брильянтики на шею,
и в гости позвала
небесного диджея.

Небесного диджея –
праящера Кощея.

9.

Абдурахман, Арам, Андрей
(нам выбрать версию одну бы)
остановился у дверей,
у фонарей
ночного клуба.

Он помнит лозунг и пароль,
но к музыкальному шалману

преграду встретил –
фейсконтроль:
сюда нельзя Абдурахману.

Абдурахман – Арам – Андрей!
Она останется у окон.
Приди, и женщину согрей
в уединенье одиноком.

Хоть крылья к шапочке пришей,
чтоб улететь,
диджей Андрей!..

10.

Где искать концы в пропаже,
свежий ветер промолчит,
и свет-зеркальце не скажет,
и петух не прокричит.

Впрочем, нынче о поребрик
разбивается строка.
В наши каменные дебри
не заманишь петуха.

Ближним кругом,
дальним кругом,
меж туманов и дождей,
так и ходят
друг за другом
ворожея и диджей.

Он к друзьям,
она к подругам –
так и ходят
друг за другом.

11.

Где ночная кутерьма,
все разборки невпопад.
Кровь.
Лечебница.
Тюрьма.
Дорогуший адвокат.

Разве выручит толпа?
Грош последний заберёт!..

Плачет тетушка апа,
скулы выставя вперёд.
Плачет дедушка ака –
бледный, худенький,
дрожит.

Где всесильная рука,
что неправду сокрушит?

Добрый дедушка, не жди.
Нет просвета впереди.

12.

Вахлак на вахлаке –
редчайшая картинка –
не в чёрном воронке,
а возле минерынка.

Трудящийся народ
по счастью не в загуле:
то мусор уберёт,
то фрукты караулит.

В обед пойду спрошу.
Дружки в анфас и в профиль:
кто кушает лапшу,
кто пьёт горячий кофе.

А вот и ворожея.
И тоже – про диджея.

13.

Все возрасты подвластны чарам.
Влюблённость –
пища всех времён.
Прящер был безбожно старым
природой сразу сотворён.

И вот вселенский демон злости
гадалкой позван был и ждан.
Доверчиво явился в гости,
и тут же заперт в чемодан.

-Что приглашён на званый ужин,
вообразил с какого сна?
Придумал, стрыч, что ты мне нужен.
Не ты мне нужен,
а казна.

Ты должен послужить богеме,
как предсказал месье Альцгеймер.

14.

Кто подвоха не заметил?
Чей там стон
и чей там всхлип?
Кто в раскинутые сети,

как простой комарик,
влип?

Кто затолкан в пятый угол,
между сношенных вещей?
Это пугало из пугал
первоащер
царь Кощей.

Бирюзовых глаз сиянье
на задание зовёт.
Сиднем сидя в чемодане,
марш на улицу.
Вперёд!

- Я не верю колесу.
Чемодан в руках несусь.

15.

Он из тьмы и грома соткан,
нитью вьется по столбам.
И не всем земным красоткам
он, конечно, по зубам.

Лишь одна,
дитя скандала,
в бесподобные дела
завлекла,
околдовала
и служить себе взяла.

Вот и слышим в диком гаме
оружейную пальбу:
царь Кощей
двумя горстями
мечет золото в толпу.

- И за то, что был послушным,
отпусти великодушно!..

16.

- Мальчик мой, да я ль не знаю,
как страдают ни за что?
Мною пойман демон зла,
и
он поможет нам.

Не то,
напушу и сглаз, и порчу,
пусть, надёжно помещён,
в чемодане рожи корчит
до скончания времён.

И теперь не из-под палки
от Кощея мне на суд,
доброй волею
гадалке
люди денежки несут.

- Карты.
Дальняя дорога.
Потерпи, диджей, немного.

17.

Побывши гостем в настоящем,
при всей закалке и сноровке,
неосмотрительный праящер
сполна хлебнул земной мурцовки.

Под ультиматум
«или – или»,
распотрошив казну до днища,
ещё ответственность вменили.
И пнули.
Выбросили нищим.

Кому-то честь,
кому-то нимбы.
А тут – позор нижайшей просьбы:
позволить выбраться живым бы,
хоть разорённым,
удалось бы.

И перепончатые крылья
Во мглу небес
устало взмыли.

18.

Всё.
Собирается толпа:
дружки – четыре вахлака,
налево – тетушка апа,
направо – дедушка ака.

Чревата жизнь в ходах обратных –
тогда сбывается мечта.
Ещё минута,
и привратник
откроет чёрные врата.

Эпоха режет, как фреза.
В машине едет бирюза.
Там бирюзовые глаза
омыла чистая слеза.

За щелью движется черта:
приотворяются врата.

19.

Идя из толп
ко мне навстречу,
сказала юная гадалка:
- Поэт, почто бесчеловечен?
Поэт, тебе меня не жалко.

-Ты извини меня, родная.
Коль будет жив Абдурахман,
прочтешь о том, что все мы знаем, -
правдивый, но другой роман.

- Наворотил чего попало.
Да, ладно... Слушай:
без затей,
поэт, я снова нагадала,
что будет счастлив
мой диджей.

...Так в исторический момент
нам засветился хеппи-энд.

The end.

2013

Бегущие в пургу

Из приключений альбиноса

Абсолютно белый кот
был сородичами бит
за несхожий с ними вид.
Жил в скитаньях целый год.

-Ты от нас воротишь нос.
Не кошачий ты малыш.
Убирайся с наших крыш!
Пропадай среди отбросов!

Всяк ему напоминал:
в белых розах – что не розов,
в алых маках – что не ал.

Забавляясь перебранкой,
набивали животы
жирной рыбой да сметанкой
глуповатые коты.

А кошачий генерал
на концертах глоткой брал,
на соперников орал,
с кошкой-барышней играл.

Белый мыкался в подвалах,
где обитель диких крыл.
Он прыжками доставал их,
с маху бил и горло грыз.

Всё в порядке было с белым.
Занимался альбинос
вековым кошачьим делом.
Не в тепле, не в барстве рос.

Вмёрзли реки в берега.
В тишину, поджав хвосты,
скрылись кошки и коты.
Только белому пурга,
точно зрелость, дорога.

Только белый по метели
вкось распластанно летит.
Ветер сладостно гудит
и поёт в горячем теле.

Не способный на аврал,
брошен старый генерал.
Кошка-барышня ушла,
белый хвост платком подняв.
Альбинос не помнит зла.
Он кричит победно: - Мяв!

Под луной скользят вдвоём
на замёрзший водоём...
Вот вам прорубь – рыба банка,
вот вам снежная сметанка.

Ну, давайте, подождём:
нагуляются – родят
абсолютно белый ряд
побеждающих котят.

Сушоный Лесник

Из тавалганских легенд

С грибочек росточком, в траву, где родник,
запрыгал по кочкам Сушоный Лесник.

Погладит травинки, поправит листок.
Пешком, без корзинки, весь лес пересёк.

Поест по привычке с лесного стола?
Мигнёт костяничке, да вспомнит: кисла.

Лесная тарелка пуста, как на грех.
Присвоила белка кедровый орех.

Жучишек без соли дрозды унесли.
Черничное поле зайчата смели.

Давно не обедал, да горе не в том.
Когда-то он ведал лихим ремеслом.

Топча утюгами кирзовых бахил,
шалел над ростками и гнёзда давил.

Порой сенокосной опушки палил,
берёзы и сосны пилою валил.

В ружейные трубы дробины вдвухвал.
Огромный и грубый, свинину жевал.

В местах потаённых ночами стонал –
горячих бабёнок бессонно сминал.

За редкостным зверем в тайге без дорог
гулял с браконьером и лес не берёт.

Однажды обрывно с холодной земли
внезапные ливни расплатой пришли.

Потоки по тропам. Смертельная мгла.
И молния с громом его обожгла.

Утихло. На кронах – небесный платок.
В дурных буреломах потёк шепоток:

«Покуда в растеньях предутренний дым,
пройди в муравейник – и выйдешь живым».

Непознанный случай: у кучи он стыл,
и в домик пахучий за жизнью вступил.

Не звал, не просил, не потел, не дрожал,
а тенью скользил по крутым этажам.

Стеной наступали, точили резцы,
его целовали жильцы-молодцы.

Задышливым летом из тысячи уст

он стал незаметен, эфирен и пуст.

Туда – обожжённым, свиреп и жесток.
Оттуда – сушоным и ростом с грибок.

Туда – разрушитель, стрелок без часов.
Оттуда – хранитель заветных лесов.

Шурша лепестками на зыбкий рассвет,
потёк шепотками новейший секрет:

«У мшелой колоды – болот берега.
Там плачет холодный колдун родника.

Неслышная песня... Пстой перед ним.
Умойся, напейся – и выйдешь живым...»

Кому ж неохота в ликующий путь -
улады восхода, как юность, вернуть?

Сбежать из потёмок, почуять, как встарь,
горячих бабёнок, ружейную гарь,

былые порядки на вольных хлебах
и окорок сладкий на жирных губах...

Однако за ночью – рассвет не всегда.
Сушоные очи не тронет вода,

Над тем водопоем звезде не сиять,
сушоной губою ни капли не взять.

Сушоные очи водой не промыть.
Сушоную душу нельзя разбудить.

Как вечность, лесочком, в траву, где родник,
топочет по кочкам Сушоный Лесник.

Знойное лето

*Что ты не пропадёшь, -
старушка нагадала,
хоть жухнет нынче рожь,
да и пшеница пала,*

*доспехами бренча,
скача, как крестоносцы,
съедает саранча
и всходы, и колосья.*

*Навряд ли пропадём,
нам не уйти от факта:*

*проскочим,
перейдём
и выберемся как-то!*

*Так водится вовек
под этим добрым небом:
несчастный человек
подаст другому хлеба.*

*Итак - да будет так!
Не верьте разным бредням,
коль есть всегда чудак,
что делится последним!*

Из тетрадей «Стихи для детей»

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Жили-были Бобр с Бобрихой

Как-то раз на речке Тихой
поселились Бобр с Бобрихой.

В теплой шубе среди лета
занимался Бобр трудом:
из бревешек и из веток
строил мельницу и дом.

А Бобриха щи варила
и Бобра лапшой кормила.

Пахарь дедушка Енот
скоро в гости к ним придет
хлеб на мельнице молоть.
Сладких булок напечет
и окажет им почет:

-Принимай-ка, Бобр, лом`оть!
Принимай лом`оть, Бобриха!

Хорошо на речке Тихой!

Про ежат

Целый выводок ежат
в травке утренней шуршат.
На солнышке игопочки

сверкают, как на ёлочке.

Ши-ши-ши да жи-жи-жи,
по траве шурашт ежи,
снизу вверх, да сверху вниз:

Ёжик Дима,
ёжик Тима,
ёжик Ваня,
ёжик Саня,
ёжик Женя,
ёжик Сеня,
старый ёжик дед Борис.

Эй, куда вы собрались?

- Мы шуршим, шуршим, шуршим,
за продуктами спешим.
Сладко пахнет сад осенний.
Там уж яблочки поспели.
Все по яблочку возьмём,
на иголках принесем
доброй нянюшке Прасковье.

- Ты давай обед свари нам
в нашем домике старинном:
суп из свёклы и моркови.

А еще просили детки:
- Сжарь капустные котлетки!
Мы спешим, как на урок, -
кушать яблочный пирог.

Жи-жи-жи да ши-ши-ши,
по тропе шуршат ежи,
снизу вверх да сверху вниз,
ши-ши-ши да жи-жи-жи, -

Ёжик Дима,
ёжик Тима,
ёжик Ваня,
ёжик Саня,
ёжик Женя,
ёжик Сеня,
самый старый ёж Борис.

Три свинюшки

Три свинюшки-коротышки
целый день читают книжки:
Нафа-Нафа -

возле шкафа,
 Нуфа-Нуфа –
 возле пуфа,
 Нифа-Нифа –
 у окна.

Три свинюшки-коротышки
 очень любят эти книжки:
 Нафа-Нафа –
 про гусёнка,
 Нуфа-Нуфа –
 про котёнка,
 Нифа-Нифа –
 про слона.

А бессовестный волчишка
 к ним троим дорогу ищет,
 чтобы маленьких свинюшек
 за столом с горчицей скушать:
 Нафу-Нафу –
 возле шкафа,
 Нуфу-Нуфу –
 возле пуфа,
 Нифу-Нифу –
 у окна.

Не боится Серый книжек
 и свинюшек-коротышек,
 не страшится он гусёнка,
 не пугается котёнка.
 Испугается – слона!

И в дремучий лес стремглав
 унесется, хвост поджав.

И опять уткнутся в книжки
 три свинюшки-коротышки:
 Нафа-Нафа –
 возле шкафа,
 Нуфа-Нуфа –
 возле пуфа,
 Нифа-Нифа –
 у окна...

Цыплёнок, Цыпа, Цыпушок

Мама Цыпа, где цыплёнок,
 где твой маленький курченок?
 Шесть на месте. Где седьмой?
 Не приходит он домой.
 Где же он?
 На всякий случай

оглядись кругом получше.
 Не зевай и не мечтай.
 А возьми, да посчитай.

Цып-цып-цып да цып-цып-цып.
 Цып-цып-цып да цып-цып-цып.
 Цып-цып-цып да цып-цып-цып.

Шесть Цып-Цыпчиков с тобой.
 Мама Цыпа, где седьмой?
 На дорожке?
 Злые кошки
 нанесут обиду крошке.
 На дороге?
 Там машины,
 гул стоит и чад бензинный.

Петушок Цыпушок,
 соверши большой прыжок,
 догони цыплёнка,
 возврати домой курчёнка,
 к маме Цыпе приведи
 и конфетой награди.

Павлин, Индюк и Петух

Кое о чём, кое о ком
 Павлин поспорил с Индюком.
 Стояли оба под кустом.

Павлин похвастался хвостом,
 цветным, распущенным и длинным.
 Индюк хвалился красным зобом
 назло раскрашенным особам.

Петух смеялся от души,
 кричал:
 - Да оба хороши!
 Вы разойдитесь по углам,
 делите славу пополам.

Павлин сказал:
 -Хочу налево,
 иди направо.

Индюк сказал:
 - Нет, я налево,
 а ты – направо!..

Так и стоят
 и делят славу.

Черпаха Баха

Черпаха Баха
ходит не спеша.
Круглая рубаха
очень хороша.

Твердая рубаха
тело бережет.
Черпаха Баха
долго проживет.

Жить ей – возле окон,
если взяли в дом, -
в уголке далеко,
а не под столом.

Дали Бахе коврик,
травки принесли.
Получился дворик,
хоть и без земли.

Лапа раз и лапа два.
Баха дворик прибрала.
Лапа раз и лапа два.
Баха в гости побрела.

Там живет обжора Кот,
набивает свой живот.

Кошка Бахе подаёт
борщ, котлету и компот.

Черпаха Баха
съела весь обед.
Черпаха Баха
проживет сто лет.

Все без сапог.

Волчонок Волик
ходил по полю.
Бельчонок Белик
летал по ели.
Зайчонок Залик
в лесу, как в зале, -
прыг-прыг,
скок-скок.

Все без сапог.

ЛЯГУШОНОК ЧИЧКА

Кто такой Чичка

Лягушонок Чичка
скушал земляничку.

Правой ножкой дрыгнул –
высоко подпрыгнул.

Левой ножкой дрыгнул –
трех стрекозок выгнал.

Скучно стало Чичке –
нету землянички.

Весёлый Чичка

Бабочки, как птички.
Крылышки, как пламя.
Подлетают к Чичке:
- Потанцуем с нами!

Ветерок качает тонкие травинки.
Чичка надевает новые ботинки.

Застегнул замочки.
Завязал шнурочки.
Лягушонок Чичка
прыгает на кочке.

Бабочки танцуют.
И, подняв к ним личико
 (Эй, идите сюда!
 Здесь тепло и хорошо!)
там, где ветер дует,
веселится Чичка.

Завтрак Чички

Чичка прыгнул из болотца.
Мыло с мыльницей в руке.
Чичке чистым быть охота.
Чичка моется в реке.

Зайчик Цвирк морковку грыз.
Бобр тащил бревешко в дом.
Чичка любит хлеб и рис.
Любит хлопья с молоком.

Стюрк и Цвирк

Близнецы в семействе Кролов.

Как бы их не перепутать, -

и когда зовут за стол их,
и когда гулять зовут их,
и когда играют в прятки,
и когда лежат в кровати.

У кого какие роли?

Мальчик Стюрк
у папы Крола.
Мальчик Цвирк
при маме Кроле.

Или:

Мальчик Цвирк
у папы Крола.
Мальчик Стюрк
при маме Кроле.

У кого какие роли?

Одинаковые ушки,
одинаковые глазки.
Слышат, лёжа на подушке,
одинаковые сказки.

Мальчик Цвирк –
ребенок чуткий
на обиды и на шутки –
с белым пятнышком на грудке.

Мальчик Стюрк –
ребенок чуткий
на обиды и на шутки –
с темным пятнышком на грудке.

Знаем, как не перепутать
близнецов в семействе Кролов –

и когда гулять зовут их,
и когда за стол зовут их,
и когда играют в прятки,
и когда лежат в кровати.

А ты знаешь?..

Играли в прятки

Летним утром два зайчонка

звали в гости лягушонка.
 Чаю выпили в палатке.
 Поиграть решили в прятки.

Лягушонок без оглядки
 разом выскочил на грядки.

Подошли к нему зайчатки.
 Поиграть позвали в прятки.
 Глазки Чичке завязали.
 -Поищи-ка нас, - сказали.

Мальчик Цвирк –
 кувырк, кувырк –
 кувыркается в нору.

Мальчик Стюрк –
 за ёлку юрк,
 и выключается в игру.

Чичка квакнул:
 - Хорошо!
 Прыгал, прыгал, не нашёл.
 И домой к себе пошёл.

Стюрк хвалили братишку Цвирка
 за весёлых два кувырка.

Цвирк хвалил братишку Стюрка:
 - Ловко ты за ёлку юркнул!...

Вот скрываться мастера.

Тем и кончилась игра.

Чичкин зонтик

Говорили Чичке
 рыжие лисички:

Скоро будет дождик.
 Подари нам зонтик.
 Он тебе не нужен,
 чтоб ходить по лужам,
 или на работу
 бегать по болотам.

-Даже если дождик,
 не отдам вам зонтик, -
 слышали от Чички
 рыжие лисички. –
 Не могу решиться

сам распорядиться
зонтиком без мамы.

- Ах, какой упрямый, -
говорили Чичке
рыжие лисички, -
ни на шаг без мамы.

- Так учила мама, -
говорил им Чичка.

-Ни на шаг без мамы!
Ты такой упрямый
и такой же скучный!

Слышали от Чички
рыжие лисички:

-Вовсе я не скучный.
Просто я послушный
и гуляю с мамой.

И ушли от Чички
рыжие лисички.

Чичкин цирк

Спешите билеты брать скорей!
К нам в город прибыл цирк зверей.
Впервые в городе у нас
начнется и пройдет показ
с оркестром и театром кукол.

Вот Слон швейцар махнул фуражкой,
и с голубиной упряжкой
зайчонок Стюк взлетел под купол.

И Чичка прыгает под купол,
с Медведем ходит по канату,
у Шимпанзе берет лопату,
и по арене лихо кружит
вдвоем с наездницей Хрюшей.
Затаскивает круглый камень
на горку крепкими руками,
на голове несет яичко.

Везде и всюду этот Чичка.

Все роли Чичка перебрал
и даже Клоуна сыграл.

Веселый Клоун дарит смех.

И потому главнее всех.

Совет кассир – зайчонок Цвирк:
- Бери билеты в Чичкин цирк!

Ночная сказка

Лягушонок – это гномик
с колпачком на голове,
и его уютный домик
спрятан в шелковой траве.

В путь выходит эта крошка,
без мешочка, налегке,
в позолоченных сапожках
и зеленом колпачке.

Одиноко и тревожно
желтый филин прокричал.
Вышел гномик осторожный
на таинственный причал.

Огоньки вдали мелькают:
там кораблики плывут.
На Луне, в холодном крае,
тоже гномики живут.

Он им ручкою помашет,
но с Земли.
И потому
ничего ему не скажут
и не спустятся к нему.

Светят звездочки, как свечи.
Ночь сгущается.
И вот
в этот час к нему на встречу
дельфинёнок приплывет.

Но ушко о том, что знает,
по-дельфиньему шепнет,
и на спинке покатает,
а к утру домой вернет.

Ждут его уютный домик,
свет и мамина любовь.
Безбородый этот гномик
лягушонком станет вновь.

Оглавление

- Из ранних тетрадей. *Пружинны* с. 2
- Из давних тетрадей. *Литературный кружок* с.14
- Из ближних тетрадей. *Нежность весны* с. 55
- Из тетради «*Мой день*» с. 74
- Из тетради. «*Космический зов*» с. 93
- Из тетради «*Спираль*» с. 98
- Из новых тетрадей. *Подробности небес* с. 112
- Из последних тетрадей. *Реплика* с. 148
- Из разных тетрадей. *Сервет* с.177
- Из тетради «*Пушкин*» с.197
- Тетрадь особая. *Тоска по Томску* с. 204
- Из тетради «*19-91*» с.219
- Из тетрадей «*Стихи для детей*» с. 227

.....

Статистика:

Страниц 238

Знаков с пробелами 238 711

Библиография:

Борис Тучин. Книга стихов. Новосибирск 2018

